

1. «Крепость в горах Таунуса (in monte Tauno), по Тациту («Анналы», I, 56), построенная Германиком до того, как он двинулся в поход против хаттов, была лишь возобновлением прежней постройки, возведенной Друзом. Дион (54, 33) в той же самой фразе, в которой он рассказывает о постройке Ализо, сообщает также и о том, что Друз построил другую крепость в стране хаттов на Рейне. Поэтому легко предположить, — и весьма вероятно, — что это именно и есть та крепость, которую восстановил Германик. Но тогда, если только Дион не ошибается, она должна была бы находиться на Рейне. В связи с этим недавно было сделано предположение, что эта крепость находилась у Хорхейма в двух милях от Майнца по направлению к Хехсту, немного севернее Майна, где были обнаружены следы древнеримского поселения. Если это правильно, то это поселение, расположенное столь близко от главной крепости, не могло бы иметь никакого особенного значения и потому не было бы упомянуто в источниках. Да к тому же нельзя и сказать, что Хорхейм лежит на Рейне. А по своему буквальному смыслу указание Диона относится к предместному укреплению.

Но я предпочел бы иное объяснение. Ведь не следует забывать, что Тацит черпал свой материал не из первых рук. Весьма возможно, что он из своего источника излек сведения о том, что Друз, возвратившись из своего липпского похода к Рейну и построив Ализо, построил также и у хаттов крепость. Отсюда Дион мог просто сам сделать тот вывод, что Друз построил эту крепость на Рейне. К тому же и тождество этой крепости с той, которую восстановил Германик, является лишь простым предположением.

То, что данное поселение находилось на самом деле на Фридберге, доказываются результатами раскопок, так как именно здесь были найдены древности, восходящие к эпохе Августа: монеты эпохи Августа, черепки с печатью гончара Атея, работавшего в эту эпоху, ножны, происходившие из мастерской, находившейся в Бадене (в Швейцарии), и также относившиеся к первой половине этого столетия (см. доклад Эд. Антеса в «Протоколах общих собраний всеобщего союза германских исторических обществ». Ed. Anthes, «Protocollen Gen. Versamml. d. Gesamt-Verb. d. deutsch. Gesch.-Vereine», 1900, S. 65, ff.).

Но если это поселение действительно находилось на месте Фридберга, то встает вопрос, почему римляне не продвинулись по Ветере дальше, насколько это было возможно, вглубь страны, как они это сделали на Липпе. Это могло быть вызвано различными причинами, в особенности же тем, что эта дорога служила и должна была служить лишь для экспедиций, в то время как главной военной дорогой, служившей для дальнейшего продвижения вперед и для настоящей большой войны, была Липпская дорога. Отсюда уже можно было попасть в область Везера, где, ведя совместные действия с флотом и опираясь на него, можно было продвинуться до Эльбы. Здесь, следовательно, надо было продвинуться как можно дальше вглубь страны, учитывая в то же время трудности военных операций по снятию осад. В области же Ветера эта задача облегчалась тем, что передовой пост сооружался ближе к базе.

2. Во время своего похода 15 г. против хаттов Германик, согласно Тациту («Анналы», I, 56), дошел до Адраны (Эдер), где команда молодых германцев, переплыв реку, сделала неудачную попытку помешать римлянам навести мост через нее. Хоть обычно считали, что это событие произошло в области Фрицлара, Кнокке¹ отнес его к району Касселя на Фульде, так как Эдер недостаточно полноводен для проведения такого маневра и так как римляне, может быть, считали Эдер главной рекой и потому обозначали Нижнюю Фульду тем же названием. Против этого можно возразить, что Эдер обладает очень быстрым течением и что поэтому уро-

¹ «Die Kriegszüge des Germanicus», S. 39.

вень воды в нем иногда бывает очень высок. Тацит пишет, что весна в том году была необычайно сухой, но, судя по его рассказу, можно предположить, что дождь, которого ждали, действительно, прошел именно перед сражением на Эдере.

Все же в конце концов это просто не что иное, как римское преувеличение. Смысл здесь в том, что «старики, дети и женщины» попали в руки римлян и лишь «молодежь» спаслась вплавь. Мы же можем спокойно принять, что река в данном случае не помешала и многим из «слабых» хаттов спастись.

3. Из рассказа Тацита («Анналы», I, 57) о том, как Сегест был освобожден от осады, можно сделать тот вывод, что это произошло по пути из Майнца к Эдеру. Вскоре после возвращения римлян к Рейну, как нам сообщает Тацит, прибыли послы Сегеста, и Германик счел для себя выгодным вернуться. «Германик счел выгодным повернуть войско». Если мы себе уясним, как трудно пройти с таким войском от Майнца к Эдеру, то нам уже не придется доказывать, что Германик не смог сразу снова проделать этот путь. Даже в том случае, если бы крепость Сегеста находилась на Димеле, римляне не смогли бы освободить Сегеста от осады посредством импровизированного похода от Майнца к Эдеру. Ведь Германику пришлось повернуть обратно не только ту часть войска, которой он лично до сих пор командовал, но и отряд Цецины, который оперировал вдоль Липпы. Запасы, находившиеся в восстановленном Ализо, дали возможность римскому полководцу без особенного труда организовать эту операцию.

Кепп («Римляне в Германии». Коерр. «Die Römer in Deutschland», 1905, S. 34) считает, что Германик снял осаду с Сегеста, идя по дороге из Майнца, и пытается доказать свою гипотезу предположением, что римское войско еще не вернулось к Рейну, но находилось где-нибудь около Эдера, в то время как крепость Сегеста была расположена на Димеле. Таким образом, тот путь, который должен был сделать Германик, чтобы снять осаду с крепости Сегеста, был, может быть, вдвое короче, чем обратный путь к Майнцу. Следовательно, нельзя уже говорить о невозможности этой экспедиции, а буквальный смысл рассказа Тацита указывает на то, что осада была снята войском Германика, а не отрядом Цецины. Но римское войско должно было иметь провиант не только на дорогу туда, но и на обратный путь, а потому движение на Димель должно было потребовать на 50% больше продовольственных запасов, чем то рассчитывалось при организации первоначального похода. Да к тому же в высшей степени невероятно, чтобы область херусков простиралась до Димеля. Тот, кто иначе учитывает момент снабжения римского войска во время германских походов, тот может проверить, что Германик перешел Эдер для снятия осады с крепости Сегеста. Но так как Кепп принципиально признает решающее значение снабжения, то он и в данном случае не должен придерживаться буквального смысла рассказа Тацита.

Дав блестящий анализ источника, Кесслер в своей работе «Традиция о Германике» (Keszler, «Die Tradition über Germanicus», ср. гл. 6, экс. 5) прекрасно объяснил, каким образом произошла неясность текста Тацита.

Глава VI

Кульминационная точка и окончание войны

Мы уже видели, какое значение имела для римлян крепость Ализо во время их войны с германцами. Арминий открыл кампанию 16 г. попыткой захватить Ализо, но когда к нему подоспел Германик с шестью

легионами, то Арминий, не доводя дела до сражения, снял осаду, отступил и снова передал инициативу в руки римлян.

Рассказ Тацита о походе этого года еще более недостоверен, чем тот, который мы только что изложили. Он содержит в себе настолько глубокое внутреннее противоречие, что без серьезных исправлений остается по меньшей мере непонятным. Сперва Тацит нам вполне правдоподобно рассказывает, как Германик оценил стратегическое положение. В регулярном сражении и в открытом поле он может победить германцев. Но тех будут защищать их леса и болота, короткое лето и ранняя зима. Римских солдат меньше будут губить раны, чем переходы и истощение запасов. Галлия уже с трудом поставляет лошадей. Бесчисленные колонны обозов дадут неприятелю возможность устраивать засады, причем римлянам трудно защищать этот громоздкий обоз. А пользование водным путем даст возможность появляться внезапно и неожиданно, раньше начинать войну, одновременно отправлять легионы и продовольствие, так что и всадники и кони, пользуясь этим путем, могут со свежими силами появляться внутри Германии. Взвесив все это, Германик приказал построить флот из 1 000 кораблей¹ и, согласно Тациту, пошел, так же как и в прошлый раз, вверх по Эмсу, а затем двинулся длинным сухим путем от Эмса к Везеру. Таким образом, этот поход отличался от предыдущего только тем, что не половина войска, а все войско целиком было посажено на корабли. Но эта перемена не могла дать никаких выгод римскому войску, так как объединение войска делало его передвижения еще более беспомощными, чем в прошлом году, когда половина войска, находившаяся под начальством Цецины, базировалась на Липпу. Да и поведение Германика станет совершенно непонятным, если мы вспомним, что он уже раньше стоял с шестью легионами у Ализо. Ведь отсюда до Везера было не более четырех переходов, а он вдруг вернулся, погрузился на корабли, чтобы пойти по Эмсу, причем ему от пункта, расположенного севернее гор, до Везера надо было сделать по крайней мере 8—10 переходов. Действительно, это был странный способ сбросить лошадей и доставить войска свежими в центральную Германию.

Ко всему этому надо прибавить, что Тацит нам вообще ничего не рассказывает о переходе от Эмса к Везеру, так что у него войско, высадившееся, очевидно, на берегу Эмса, сразу после этого появляется у Везера.

Исправить текст Тацита и внести порядок в эту путаницу можно только в том единственном случае, если мы примем, что Тацит перепутал названия Эмса и Везера. Мы знаем, что уже Друз и Тиберий входили в Везер и в Эльбу. Мы знаем, что хавки, жившие у устья Везера, держали сторону римлян и что в их стране даже после поражения Вара вплоть до 14 г. оставался римский гарнизон (ср. выше, стр. 63). В одной из своих речей, обращенных к своим соотечественникам, Арминий, по словам Тацита, говорит, что римляне выбрали кружной путь через океан для того, чтобы никто не смог тотчас

¹ Тацит рассказывает (II, 16), что были построены также и очень плоскодонные корабли и что будто бы при этом принимался во внимание морской отлив. Пожалуй, правильнее будет предположить вместе с Кноке, что это относилось к кораблям, которые должны быть приспособлены к возможно далеким плаваниям вверх по рекам.

же по их прибытии вовлечь их в сражение, разбить и затем преследовать. Эта речь осталась бы непонятной, если бы римляне проделали большой сухопутный путь от Эмса. Выше (стр. 89), мы уже привели другое место из Тацита, из которого видно, что Тацит не имел никакого представления о географическом расположении германских рек, так как, по его словам, римское войско, шедшее от Эмса к Рейну, достигает Везера. Нет никакого сомнения в том, что и здесь Тацит перепутал названия рек и что Германик вошел не в Эмс, а в Везер и высадился здесь около самых границ страны херусков. Вероятно, и не все римское войско, а только его часть — четыре или два легиона — совершили эту экспедицию на кораблях. Два легиона может, конечно, показаться несколько мало, но было почти необходимо так сделать. Ведь если бы римляне хотя бы часть тех шести легионов, которые стояли у Ализо, отправили обратно к Рейну, а оттуда дальше по Рейну и морским путем, а затем по Везеру к Вестфальским воротам, то это с их стороны было бы трудно объяснимым дроблением сил¹. Вполне понятно, что Тацит, обращавший особенное внимание на личность Германика, не упомянул о той значительно большей части войска, которая не находилась под его командованием и с которой к тому же не произошло ничего такого, что стоило бы рассказать.

Германик сам взял на себя командование флотом как наиболее трудную и важную часть этой кампании, несмотря на то, что флот составлял лишь меньшую часть войска; это характеризует Германика как полководца и, конечно, делает ему честь.

Единственной целью морской экспедиции была доставка пловучего продовольственного склада по Везеру. Войска при этом были нужны лишь в качестве прикрытия. Если они, действительно, состояли лишь из двух легионов, то весьма возможно, что как раз эти два легиона имели полный состав, а из шести остальных были выделены гарнизонные части для обороны крепостей и охраны рейнской границы и что к тому же при этих двух легионах были особенно крупные вспомогательные войска, к которым следовало присоединить и хавков, живших на Везере. Описывая обратный путь, Тацит далее ясно говорит о том (II, 23), что Германик отправил часть своего войска на зимние квартиры.

Итак, я полагаю, что в то время как Германик с некоторой частью своего войска шел вверх по Везеру, другая часть этого войска двигалась ему навстречу по дороге Ализо — Дэрское ущелье и что обе части войска установили между собой связь где-то на Среднем Везере около Миндена.

Главные силы армии, находившиеся близ Ализо, ждали, пока флот появится на Везере, причем этот довольно продолжительный промежуток времени был использован для того, чтобы соединить эту об-

¹ Я не считал бы совершенно невозможным объяснить отступление одной части войска тем, что она должна была служить прикрытием для Германика, который со своими легионами прибыл в Ализо, где он вновь восстановил древний алтарь, некогда сооруженный в честь его отца, и освятил его торжественными играми. Однако, отряд конницы, который дает возможность более быстрого передвижения, является в таком случае лучшим прикрытием, нежели медленно передвигающиеся легионы. Поэтому вероятнее, что шесть легионов были оставлены в Ализо, а два погружены на корабли.

ласть с Рейном посредством хорошей сквозной дороги и тем сделать эту область вполне безопасной¹.

Хотя наше исправление Тацита дает возможность найти ясную и прозрачную основную стратегическую идею этого похода, но оно все еще ни в какой мере не раскрывает дальнейшего хода этой войны. Тацит сообщает, что Германик разбил германцев в двух сражениях: на поле Идизиавизо на Везере и около того вала, который отделял ангривариев от херусков. Здесь как будто и даны хорошие опорные топографические точки, но все же внутреннее соотношение действий настолько неясно, что исследователи все еще не знают, произошли ли эти сражения на правом или на левом берегу Везера и произошло ли второе сражение при движении римлян вперед или же на их обратном пути. Большие успехи, одержанные при этом римлянами, кажутся нам крайне сомнительными, так как они не принесли никаких плодов и так как в дальнейшем изложении того же Тацита Арминий в своей борьбе с Марбодом выступает не в качестве человека, побежденного римлянами, а как их победитель. Отдельные подробности в описании сражения не только неясны и полны противоречий, но и тактически совершенно невозможны. Ниже я разберу этот вопрос во всех деталях. Но эти сражения теряют свой общий интерес, так как я с самого начала считал необходимым подвергнуть сомнению даже их существование.

В самом деле, как Арминий мог решиться выступить в регулярном сражении против объединенных римских сил? Мы уже видели раньше, как этот князь херусков умел очень правильно оценивать сильные и слабые стороны римлян. Он избегал сражения в открытом поле и подстерегал возможность нападения. Все это необходимо учесть даже в том случае, если мы примем, что Арминий очень увеличил число своих союзников благодаря дипломатическим средствам и поэтому имел в своем распоряжении значительно большее войско, чем в прошлом году. Римляне в этом году не вели за собой того чрезмерно большого продовольственного обоза, который облегчил германцам нападение. Если херуски отступали от римлян, то этим последним не оставалось ничего другого, как идти через их страну, ее грабить и опустошать. А для того чтобы проделать это с некоторой долей успеха, надо было разделиться. При всех обстоятельствах это создавало для германцев более благоприятные условия для победы, чем оборона против всех объединенных римских сил, которые, вероятно, значительно превосходя германцев своей численностью, могли в любом месте их окружить и затем, может быть, даже и уничтожить.

Возможность действительно крупных и решительных побед римлян исключается дальнейшим течением событий, совершенно не указывающих на такого рода победы, а также самым дальнейшим рассказом Тацита, в котором Арминий постоянно выступает в качестве непобежденного². Равным образом и римляне не были разбиты германцами, ибо в таком случае лишь немногие из них вернулись бы к Рейну. Также исключена возможность и того, что произошли два больших сражения, во время которых ни та, ни другая сторона не

¹ Таков смысл слов: «на всем пространстве между крепостью Ализо и Рейном были построены новые дороги и пути».

² Это убедительно доказано Хеффером (Paul Höfer, «Der Feldzug des Germanicus i. J. 16». 1885).

одержала решительной победы. Ведь подобные сражения должны были бы быть сопряжены с такими крупными потерями, что это непременно должно было бы найти свое отражение даже в одностороннем изложении Тацита. С другой же стороны, большое, действительно большое сражение, не давшее римлянам победы, было бы для них равнозначуще полному стратегическому поражению. Римляне располагали здесь всей своей военной мощью, и их безусловная уверенность в полной победе в регулярном сражении непременно должна была быть фундаментом не только их военных действий, но и всего их политического положения как в Германии, так, пожалуй, можно сказать, и во всем мире.

Поэтому я отношу оба большие сражения — при Идизиавизо и близ вала ангривариев — к области вымысла. Римская версия рассказа недостаточна для того, чтобы доказать правдоподобность этих сражений, так как дальнейшие события их не подтверждают, а все объективные факты говорят против них. Это были, очевидно, небольшие стычки. Было высказано предположение, что прямым или косвенным источником Тацита при описании этих походов Германика было поэтическое произведение, и я должен признаться, что такое предположение мне кажется весьма вероятным¹. Рассказ изобилует приключениями и расцвеченными сценами, что вполне соответствует стилю военного эпоса. Таковы: разговор через реку Арминия и его брата Флава, ночная прогулка Германика по лагерю, во время которой он подслушивает солдат и слышит из их уст себе похвалу, наконец, приключения Одиссея, произошедшие при возвращении по океану. А стратегическая и географическая связь событий настолько небрежно изложена, что нам кажется почти невозможным, чтобы автором этого рассказа был прозаический историк.

Итак, я не обращаю внимания на отдельные частности, но думаю, что, несмотря на все, можно отгадать стратегическую связь событий и восстансвить ее, исходя из общего положения вещей.

Ведь мы здесь имеем дело не с импровизированным ударом, произведенным необдуманно и на основании ложных донесений, а с военным планом, глубоко продуманным и установленным во всех своих подробностях самыми компетентными и испытанными людьми. Ведь если Германик и был молодым человеком, личный талант которого наши источники, может быть, и преувеличивают, то все же нет сомнений в том, что Август и Тиберий, которые оба хорошо умели разбираться в людях, окружили Германика генеральным штабом, состоявшим из самых испытанных офицеров. Равным образом не может быть сомнения и в том, что план военных действий был не только одобрен этим штабом, но и представлен на утверждение Тиберия. Тиберий же был таким выдающимся полководцем и настолько хорошо знал Германика, что мы должны признать этот план умно и рационально составленным и глубоко продуманным. Если на основании твердо установленных фактов можно предположить возможность существования нескольких таких вариантов, то, конечно, мы не сможем притти ни к какому решению и не сможем реконструировать этот план. Но, как я думаю и как уже установлено существующей литературой вопроса, имеется лишь одна возможность объяснить связь событий, исходя из наличия продуманной стратегии. Поэтому мы и

¹ Paul Höfer, «Der Feldzug des Germanicus i. J. 16».

должны придерживаться лишь этой точки зрения, к изложению которой я и приступаю.

Когда Сегест перешел на сторону римлян, то, судя по описанию Тацита, он им обещал быть посредником между ними и его соотечественниками («Анналы», I, 58). Даже если бы мы и не располагали этим прямым и положительным указанием, то все же должны были бы признать, что Сегест именно об этом говорил римлянам. Этой иллюзией всегда живут эмигранты, в какую бы историческую эпоху мы с ними ни сталкивались. Начиная от Гиппия, тирана Афин, и вплоть до французских дворян эпохи Революции и немецких республиканцев 1848 г., все эмигранты, находившиеся в изгнании, всегда жили той мыслью, что на родине большое число их приверженцев ждет их возвращения, для того чтобы к ним снова примкнуть. Вслед за Сегестом на сторону римлян в конце 15 г. перешел и его брат, Сегимер. И мы вполне можем поверить князьям херусков, которые ругались Германику, что если он появится с внушительным войском на Везере, то херуски покинут Арминия и присоединятся к ним, перейдя на сторону римлян. Больше того, мы не только можем предположить, но и должны признать, что такого рода соображение должно было сыграть некоторую роль при выработке плана военного похода Германика. Если бы это не было так, то перенесение театра военных действий в страну херусков было бы со стороны римлян явной ошибкой. В 14 и 15 гг. римляне жестоко обрушились на марсов, бруктеров и хаттов, а также, возможно, и на те небольшие племена, которые жили между ними. Трудно себе представить, каким образом бруктеры смогли выдержать такую опустошительную экзекуцию своей страны, как та, которая была произведена в 15 г. римлянами. Если бы римляне в течение нескольких лет подряд повторяли такие походы, то пораженные этим бедствием племена должны были бы либо вымереть от голода, либо переселиться, либо подчиниться римлянам. Таким образом, римляне могли бы по этапам продвигаться от Рейна к Везеру. Дав этим племенам возможность снова слегка передохнуть и начав военную разведку в стране херусков, римляне тем самым застряли бы на полдороге в выполнении этих двух задач, если только не предположить, что они рассчитывали в течение одного похода покорить херусков. Нельзя согласиться с тем, что этого можно было достигнуть посредством крупных сражений. Германик, так же как и в 15 г., не был в состоянии принудить к этому Арминия, и, конечно, больших сражений в течение этого похода не было. Но в свите Германика находились Флав, брат Арминия, и, как то мы вполне можем допустить, хотя Тацит этого и не сообщает, Сегест, тесть Арминия, и брат Сегеста Сегимер. Если бы этим трем князьям херусков удалось внести разделение в среду своего народа и переманить хотя бы одну его часть на сторону римлян, то Арминий, конечно, не смог бы удержаться: либо в конце концов его выдали бы римлянам, либо он был бы принужден бежать на другой берег Эльбы. Херуски, находившиеся под властью других предводителей и отдавшие под покровительство римлян, были бы ими помилованы. А этот успех, несомненно, решил бы участь всех племен, живших между Везером и Рейном. Таким образом, одним ударом было бы восстановлено римское господство вплоть до самой Эльбы.

Нам кажется, что мнимый разговор Арминия со своим братом Флавом через Везер указывает на неудачу этой политики. Нас не

должен смущать тот факт, что Арминий якобы взял инициативу в свои руки. Ведь это психологически совершенно невозможно. Если весь этот разговор и не является чистой фикцией, то это не что иное, как тенденциозно-поэтическое изложение того факта, что в данном случае не только велась война, но также велись и переговоры. Мы не знаем, как далеко зашли эти переговоры, но все же должны считать невозможным, чтобы Сегест вообще не сделал никакой попытки привести в исполнение свое обещание оказать посредничество в том деле, которое ему должно было вернуть его родное княжество. В противном случае этот эпизод, наверное, не вошел бы в римский рассказ.

Может показаться смелым вложить в данный поход ту мысль, о которой в нашем источнике как раз ни одного слова прямо не говорится. Тот, кто пожелает, может счесть это за гипотезу. Но все же надо принять за факт то обстоятельство, что, лишь вводя в данную цепь событий такой именно момент, мы исключаем возможность совершения Германиком столь явной ошибки, как нападение на херусков, не справившись еще с марсами и брукстерами. И обратно — мы можем сказать, что лишь при таких условиях замышлявший и приводивший в исполнение крупные операции римский полководец мог поступить так, как поступил в данном случае Германик. Но поскольку не оправдались те политические предпосылки, на которых базировался его поход, постольку все это крупное предприятие должно было окончиться неудачей. Херуски должны были испытывать большую нужду, и их страна была сильно опустошена, но личность Арминия была достаточно сильна, чтобы удержать их крепко сплоченными вокруг себя и поддерживать их мужество, несмотря на отпадение столь многих князей. Эти события живо напоминают нам поход Антония против парфян. Римские войска благополучно соединились на Везере у Вестфальских ворот и, весьма возможно, продвинулись еще глубже в страну херусков, может быть, перейдя через Леину или даже дойдя до Аллера, тем более что их пловучий склад провианта мог снова на этих реках соединиться с войском. Но так как римская партия среди херусков себя не обнаружила и ничем не проявляла, а к тому же снова восстали ангриварии, жившие между хавками и херусками, то римляне были принуждены снова отступить. Тацит считает причиной отступления римлян лишь то обстоятельство, что лето кончилось. Эта причина была подвергнута сомнению, так как Германик, как указывает далее Тацит, той же осенью предпринял большую двойную экспедицию против хаттов и марсов. Если бы он действительно вернулся обратно по Эмсу, то это сомнение было бы обоснованным, но если мы всю экспедицию перенесем на Везер, то все эти факты найдут свое объяснение. Ведь римский полководец никогда не решился бы выйти в Северное море со своим огромным транспортным флотом осенью, когда на море свирепствуют бури. Но так как все же ему пришлось выдержать такую бурю, то мы можем предположить, что для столь далекого предстоявшего ему еще пути он все-таки слишком долго, приблизительно до сентября, задержался в стране херусков, все еще надеясь принудить германцев к большей уступчивости. Если же он еще в конце сентября успел вернуться к Рейну, то свободно мог совершить в октябре две экспедиции, направленные против пограничных племен.

То обстоятельство, что Тацит ничего не говорит о политическом моменте, лежащем в основе стратегической идеи этого похода, станет

вполне понятным, если мы предположим, что источником Тацита является военный эпос, которому в корне противоречит такого рода прозаическая установка. Но если эта гипотеза покажется необоснованной, то указанный пропуск можно вполне объяснить стремлением Тацита прославить Германика. Указывая на этот план, надо было отметить и его неудачу. Но войну следовало изобразить победоносной, и автору в данном случае удалось вызвать у читателя такое впечатление: херусков римляне разбивают в двух больших сражениях вплоть до полного уничтожения, а после этого римляне возвращаются обратно к Рейну. Их побуждает к этому возвращению лишь позднее время года, которое, как известно, не давало возможности римскому войску оставаться дольше во внутренней Германии.

И это в свою очередь еще раз указывает нам на то, как трудно было римскому войску занять прочные позиции и укрепиться во внутренней Германии. Даже теперь, после двух в военном отношении победоносных походов, Германик все еще не мог отважиться на то, чтобы перезимовать хотя бы в Ализо, не говоря уже про область Везера, но был принужден вернуться к Рейну. Ведь до тех пор, пока бруктеры и марсы, жившие к северу и к югу от Липпы, не были покорены, признав господство римлян, устройство зимнего лагеря у истоков Липпы должно было неизбежно повлечь за собой столько опасностей, неудобств и мелких потерь, что успех этого предприятия ни в какой степени не возместил бы понесенного ущерба.

КОНЕЦ ВОЙНЫ

Если мы со своей стороны учтем результаты всех походов Германика, то нам станет ясно, что этот последний и наиболее крупный поход в своей основе окончился неудачей, хотя военный перевес и был на стороне римлян. Тем не менее нельзя сказать, что этот поход не повлек за собой никаких результатов. Тацит сообщает, что ангриварии в конце концов подчинились римлянам и даже, для того чтобы им угодить, выкупали у других племен римских пленников, отпускали их на свободу и отправляли на родину. Так как фризы и хавки уже и раньше держали сторону римлян, то эти последние заняли теперь прочные позиции на Везере, откуда они могли оказывать сильное давление на херусков. Можно сомневаться в факте подчинения ангривариев римлянам. Как-то неясно, у каких племен выкупали ангриварии римлян, потерпевших кораблекрушение, тем более что хавки, жившие вплоть до устья Эльбы, были друзьями римлян. Но как бы то ни было, римляне вступили в область, лежащую между Везером и Эльбой, с громадными военными силами, и если они на обратном пути домой понесли потери вследствие кораблекрушения, то они все же, несомненно, произвели крупные опустошения в стране херусков. И ничто не могло помешать им снова вернуться туда в следующем году.

Попав в Галлию, Цезарь уже не выходил из нее даже тогда, когда ему приходилось терпеть поражения. А из Германии римляне должны были постоянно возвращаться к Рейну, так как никак не могли снабжать всем необходимым свое войско в этой стране лесов и лугов. Если бы они еще дольше продолжили эту войну, то, вероятно, уже не отправились бы снова против херусков, но сперва окончательно покорили бы бруктеров и марсов. Правда, это требовало очень большого напряжения, так как на вступление вглубь германской терри-

тории можно было отважиться лишь с отрядом из нескольких легионов. Цезарь в последние годы располагал в Галлии по крайней мере 11 или даже 12 легионами, в то время как Германик имел лишь 8 легионов. На первый взгляд непонятно, почему Римская империя не смогла в течение нескольких лет подряд посылать через Рейн такое же или еще большее число легионов или каким образом германские пограничные племена могли бы им противостоять. Каждая экспедиция была в равной мере дорогостоящим и опасным, но все же вполне возможным предприятием. Поэтому должна была потерпеть поражение та военная партия, которая была недостаточно сильна для того, чтобы довести дело до тактического решения, т. е. до генерального сражения с объединенными силами противника. К этому следует прибавить, что в Германии, как раньше в Галлии, мы всюду видим предпосылки для образования римской партии. Еще в 16 г. осенью один из князей марсов, Маловенд, перешел на сторону врагов своей родины и указал римлянам то место, где марсы спрятали римского орла, захваченного ими в качестве добычи во время Тевтобургского сражения. По сообщению Тацита, римский солдат в это время не сомневался, что враг уже поколеблен и, пожалуй, даже склонен к решению просить мира, а потому следующим летом война могла бы быть уже закончена; это сообщение таит в себе зерно истины, несмотря на то, что мы совершенно отрицаем факт одержания римлянами двух крупных побед над херусками.

Объяснение этому следует искать не только на театре военных действий, но, как на это уже указал Ранке, во внутренних взаимоотношениях римского принципата. Тиберий стал императором лишь благодаря усыновлению, но не был кровным родственником Августа. Германик находился в таком же родственном отношении к Августу, как этот последний находился некогда к Цезарю. Он был внуком его сестры и был обручен с родной внучкой Августа, Агриппиной. Его и ее сыновья были кровными родственниками и наследниками Августа. Хотя по римскому праву приемный сын обладал такими же правами, как и родной, и Тиберий со своей стороны усыновил Германика, все же между императором и этой семьей существовали такие напряженные отношения, которые таили в себе бесконечные опасности. В интересах собственной безопасности Тиберий не мог допустить, чтобы между Германиком и германскими легионами благодаря многолетней войне установились такие же отношения, как некогда между Цезарем и легионами Римской республики в Галлии. Сражение в Тевтобургском лесу и три похода Германика показали, каким ужасно трудным делом было покорение этих германских «сынов природы». Эту войну мог бы довести до конца лишь полководец, обладавший наивысшим авторитетом и свободно располагавший самыми крупными средствами в течение многих лет. Такого полководца Тиберий не мог отослать в Германию, — больше того, не должен был отсылать. В течение двух лет Тиберий следил за ним, а затем он его отозвал, и, таким образом, германцы остались свободными.

Нет события, которое было бы более важным для всей последующей эпохи, чем то, что германцы остались вне сферы господства римлян и не были романизованы, подобно кельтам. Причинность этого события может быть правильно понята лишь в том случае, если вскрыть обе ее стороны, как это уже правильно увидел Тацит, умевший своим острым взглядом видеть все великое. Его рассказ во многих

своих отдельных деталях нас не удовлетворяет, а настроение, которым он проникнут, во всех своих оттенках чрезвычайно субъективно. Но о чем бы Тацит ни думал, его взор проникает до самой глубины событий, и он был вполне прав, говоря, что римляне победили бы, если бы подозрительность Тиберия не заставила его отозвать Германика, а в другом месте указывая на то, что Арминий, без сомнения, был бы освободителем Германии.

После Тевтобургской победы Арминий послал голову Вара королю маркоманов, Марбоду. Это может быть понято лишь как обращенный к соотечественнику призыв начать всегерманскую национальную войну против римлян. Марбод отказался от этого предложения и отослал голову Вара Августу, чтобы предать ее погребению. Именно таким путем мы узнали об этом событии, которое твердо засвидетельствовано. Вскоре после этого разгорелась война между германцами, между Арминием и Марбодом. Хотя князь херусков и победил, заключив союз с лангобардами, однако, он сам погиб в празданской войне вследствие предательства своих собственных родственников. Он был их освободителем, и варвары до сих пор восхваляют его в своих песнях, прибавляет римлянин, описавший эти события приблизительно через сто лет. Неужели же он мог совершенно исчезнуть из памяти своего народа и проснуться к новой жизни лишь через полторы тысячи лет благодаря ученым изысканиям? Филологическое чутье стремится обнаружить хотя бы отблеск его посмертного существования, которое никогда нельзя будет действительно доказать, но которое обладает такой мощной поэтической силой, что мимо него нельзя пройти, не обратив на него внимания.

Мы не знаем германского имени князя херусков. Конечно, оно не имеет никакого отношения к имени «Герман». Арминий — это то римское имя, которое ему было дано, когда он посетил Рим и был облечен званием всадника. Германцы часто давали сыновьям имена, близкие по созвучию к имени отца, отца же Арминия звали Сигимером. Звали ли Арминия Зигфридом? «Песнь Нибелунгов» называет отца Зигфрида Сигемундом, но Сигемундом звали, по Тациту, другого князя херусков. Нет никакого сомнения в том, что эта группа имен имеет какое-то отношение к роду Арминия. Легенда о Зигфриде доходит в своих корнях до германского мифа. И в этой легенде сохранилось воспоминание о римской эпохе, так как в ней говорится, что отец Зигфрида жил в Ксантах, которые имели значение лишь в эту эпоху, когда здесь находился большой постоянный лагерь римлян Ветера. Зигфрид, подобно Арминию, умирает в расцвете сил, в зрелом возрасте мужа, вследствие зависти и предательства своих родственников. Его жена поддерживает его, а не своих родственников. Убийца Зигфрида Гаген изображен, — правда, не в «Песне Нибелунгов», а в другом рассказе, — одноглазым. И то же самое нам сообщается про Флава, брата Арминия, который сражался на стороне римлян. Весь княжеский род херусков, за исключением одного сына Флава, жившего у римлян, погиб в сражениях, последовавших за смертью Арминия подобно тому, как погибли все князья Нибелунгов.

Самым возвышенным памятником, когда-либо воздвигнутым каким-либо народом своему герою, была бы эта легенда, если бы Арминий действительно был Зигфридом. Воспоминание об его личности продолжало бы жить в памяти народа в образе этого самого безупречного из всех людей. Да, этот образ слишком высок для исто-

рического человека, созданного из плоти и крови, а поэтому хорошо, что он нам является окутанным сказочной дымкой предположений.

К ПОХОДУ 16 г.

1. Для того чтобы глубже обосновать нашу точку зрения относительно характерных особенностей и ценности «Анналов» Тацита, как исторического источника, мы подвергнем исследованию еще некоторые отдельные детали его рассказа о походе 16 г.

Тотчас же вслед за описанием высадки римлян говорится о том, что ангриварии, находившиеся в тылу римлян, отпали от них и что Стертиний был отправлен с отрядом воинов для того, чтобы их наказать. Однако, Стертиний присутствовал при разыгравшихся вслед за тем и последовавших одно за другим сражениях на Везере и при Идизнавизо, а перед окончанием этой войны был снова послан против ангривариев для того, чтобы принять от них изъявление их покорности. Внешне эта цепь событий вполне правдоподобна, однако, весьма поразительно то, что Стертиний вернулся к главным силам римлян до того, как он подавил восстание, вспыхнувшее в тылу армии. Во всяком случае наш историк в описании этих событий, если оно только вообще правильно, оставил большой пробел.

За этим следует разговор Арминия с Флавом через Везер. Раньше предполагали, что этот разговор происходил через другую реку, так как для такого разговора Везер слишком широк. На самом же деле этот диалог херусских братьев, очевидно, является поэтической фикцией, которая, кстати сказать, привела к тому, что автор перенес экспедицию на Эмс. Возможно, что Тацит не нашел в своем источнике названия той реки, в которую вошел Германик. Но так как дальше было ясно сказано, что римляне переправились через реку, следовательно, перешли на тот берег, на котором находился противник, и так как тотчас вслед за тем последовал разговор князей херусков через Везер, то автор отсюда заключил, что река, к которой пристали римляне и близ которой они высадились на берег, должна была быть Эмсом. В действительности же мы здесь имеем дело лишь с невнимательностью автора поэтического описания, который сперва переправляет римлян через реку, а потом заставляет братьев говорить с одного берега на другой, забыв, очевидно, о том, что они в данный момент уже оба находились на том же самом берегу.

Могут показаться странными упреки Тацита по адресу Германика за то, что он вместо немедленной высадки на неприятельском берегу сначала высадил свои войска на другом берегу, а затем потерял несколько дней на постройку моста. Вряд ли этот упрек мог находиться в тексте эпической поэмы, имевшей своей целью восхвалить Германика. Но этот факт опять-таки прекрасно объясняется переименованием рек. Если Германик поднялся по Везеру, то было вполне естественно, что он сперва высадился на левом берегу, чтобы установить связь близ Реме или Миндена с тем корпусом, который подходил к Везеру от Ализо. Но эпос ничего не сообщал об этом корпусе, и потому Тацит решил, что войско высадилось на Эмсе. Таким образом, трудно было подыскать причину для факта высадки римского войска на левом берегу. Тацит же чувствовал себя настолько независимым по отношению к своему источнику и к своему герою, что вплеп в свой рассказ упрек, обращенный к Германику за совершенную им столь грубую ошибку.

Находясь перед боевым расположением германских войск, стоявших на том берегу Везера, Германик, согласно Тациту, не решился перевести свои войска через реку, не построив предварительно мостов и плотин, и послал вперед лишь одну конницу через брод. Совершенно непонятный поступок. Что же должна была предпринять одна конница против германского войска? Для того чтобы сделать эти

факты понятными, мы должны допустить, что на том берегу реки находилось не все германское войско, а только сильный наблюдательный пост и что коннице было приказано отогнать этот пост, дабы он не препятствовал постройке моста. Напыщенная фраза Тацита: «Цезарь счел недостойным императора подвергнуть легионы опасности, не возведя мостов и укреплений», есть не что иное, как риторическая фраза. Упоминание Тацита о том, что два раза строились мосты — через Эмс и через Везер, — ни в какой мере не указывает, что на самом деле мосты воздвигались дважды. Скорее всего мы здесь имеем дело с двумя моментами того же самого события, которые были разделены вследствие какой-либо неясности текста первоисточника.

Германику докладывают, что германцы выбрали место для сражения и что они попытаются произвести ночное нападение на римский лагерь. Ночное нападение, конечно, является фантазией. Войско Германика насчитывало не менее 50 000 человек, а войско Арминия хотя и было значительно слабее, но все же было слишком велико для того, чтобы его можно было подвести ночью, как какой-нибудь разведывательный отряд, к неприятельскому валу и снова отвести обратно.

К этому же разряду поэтических фикций относится и тот германский всадник, который подскочил ночью к лагерю противника и, обратившись к римским солдатам с латинской речью, попытался склонить их к дезертирству. Он обещал им женщин, земли и 100 сестерций в день. Однако, фантазия римского поэта оказалась весьма скудной. Удивительно, что Тацит заимствовал у него такую болтовню.

Поле сражения при Идизнависо описывается в таких словах: «Находясь между Везером и холмами, оно было в различных местах различной ширины, в зависимости от того, насколько далеко отходили от холмов берега реки или насколько близко к ним подступали выступы холмов. В тылу находился лес, в котором деревья высоко вздымали свои ветви, причем между стволами этих деревьев была голая земля». Такое описание хорошо характеризует ландшафт, но плохо подходит к полю сражения. Это описание можно понять лишь в том смысле, что один фланг германцев упирался в реку, а другой в покрытый лесом холм, причем в тылу находился высокий лес. Но ведь фланг боевого расположения не может упираться в несколько изгибов реки или в несколько холмов, которые то более, то менее далеко вдаются в свободное пространство поля, так как фланги основного расположения войска должны всегда занимать определенные места, упираясь в одно определенное место реки и в один определенный холм.

Боевое расположение римского войска описано таким образом: по фронту — сперва галльские и германские вспомогательные войска, затем пешие стрелки из лука, далее четыре легиона и сам полководец с двумя когортами преторианцев и избранной конницей, за ними опять четыре легиона и легковооруженные с конными стрелками из лука и, наконец, остальная часть союзников. С первого же взгляда бросается в глаза, что здесь перед нами не боевое расположение, но лишь плохо понятый походный порядок.

Херуски стояли на холмах, для того чтобы оттуда напасть на римлян, следовательно, на их фланг. В то время как они с холмов ринулись вниз, Германик приказал коннице атаковать их с двух сторон «с тем расчетом, чтобы самому поддерживать их, когда для этого наступит подходящий момент». С военной точки зрения этот факт является совершенно непонятным. Действительно, каким образом можно было охватить херусков с двух сторон? Прошло ли уже римское войско мимо германского расположения, так что оно было уже в состоянии напасть на германцев с фланга? Или же германцы были с одного фланга так плохо заслонены, что их без особенного труда смогла обойти римская конница, пройдя, кстати сказать через покрытые лесом холмы?

Одновременно с этим римская пехота нападает на германцев, а высланная вперед конница атакует германцев сбоку и сзади. Эта высланная вперед конница, ко-

нечно, не могла окружить противника на самом поле сражения, которое, с одной стороны было ограничено рекой, а с другой — лесистыми горами. Если же предположить, что Германик задолго до сражения выслал вперед часть своей кавалерии, с тем чтобы она зашла ему в тыл, то Тацит должен был бы резко подчеркнуть этот столь же необычайный, как и действительный маневр. Но, конечно, совершенно неправильным было бы находить в словах Тацита указания на столь искусные операции. Ведь здесь мы имеем дело лишь с фантазией поэта.

Неприятельские воины бегут под двойным натиском и во время своего бегства встречаются друг с другом. Стоявшие в лесу бегут в поле, а стоявшие в поле бегут в лес. В крайнем случае эту картину можно себе представить, если предположить, что в лесу стоял германский резерв, на который стыла напали римляне и погнали его на римский фронт именно в тот момент, когда римское войско после первой схватки гнало перед собой германцев. Но, конечно, напрасным и потерянным трудом является попытка вложить какой-либо военный смысл в эти меняющиеся картины, так как мы тотчас же вслед за этим узнаем, что римляне спускаются с холмов вниз херусков в эту же толпу беглецов. А перед тем мы там же читали что херуски со своей стороны ринулись вниз с холмов и что Германик выслал вперед против них свою конницу. Это могло произойти лишь на одном фланге, а теперь вдруг оказывается, что херуски находятся в середине и что они бросились на стрелков из лука и опрокинули бы их, если бы им не преградили путь кельтские вспомогательные войска. Но где же, спросим мы, стояли в таком случае легионы? Этот вопрос мы тем более можем задать, что тут же мы узнаем, будто сам Арминий, может быть, спасся лишь благодаря тому, что хавки его узнали и пропустили. Римские легионы стояли, как то уже было указано выше, позади стрелков из лука, галльских и германских вспомогательных войск. Почему же в таком случае они не захватили неприятельского полководца?

Почти все германское войско погибло, покрыв своими телами поле сражения. После боя в германском лагере были найдены цепи, в которые варвары предполагали заковать пленных римлян. Такие цепи часто встречаются во всемирной военной истории, как, например, во время сражения при Церезоле, произошедшем в 1544 г. Германцы были настолько бедны железом, что они себе даже не могли выковывать достаточно хорошее оружие; поэтому в данном указании на цепи мы можем видеть либо яркое свидетельство их уверенности в своей победе, либо столь же яркое и твердое доказательство того, что вся эта история вымышлена.

Памятник победы, воздвигнутый Германиком, вызвал такой гнев среди германцев, что они еще раз схватились за оружие. И опять они выбрали поле сражения, ограниченное рекой и лесами, окаймленными глубокими болотами. Так как мы не можем допустить того, что германцы встали спиной к болоту, то, очевидно, это болото было расположено перед лесом так, что один фланг германцев в него упирался. Между рекой и болотом оставалась узкая равнина, замкнутая защитным валом ангривариев. Это описание вполне наглядно рисует нам поле сражения, но рассказ о самом сражении ни в какой мере не согласуется с этим описанием и с этим полем сражения. Мы слышим о равнине, на которую римляне легко прорвались, но где была эта равнина? Мы слышим о коннице, которая была выслана против леса; следовательно, болото было позади леса, а не перед ним, и германцы выбрали такое место, которое лишало их возможности отступить. Римляне, которые должны были взять штурмом вал, не смогли прорваться через ряды неприятеля, и вместо того чтобы обойти этот вал со стороны равнины, полководец отводит свои легионы назад и приказывает обстреливать вал орудиями и дротиками, причем этот обстрел производится до тех пор, пока германцы не начинают отступать. После этого сражение продолжается в лесу, и теперь мы, действительно, узнаем, что в тылу германцев находилось болото. Но это для них вовсе не так плохо, так как если у них в тылу

болото, то позади римлян река. Автор при этом вовсе не хочет сказать того, что оба полководца были плохими тактиками, а просто создает себе трамплин для своей риторики: «для тех и других, стесненных местностью, вся надежда была в храбрости и все спасение в победе».

В заключение это сражение оказывается без конца. Вечером полководец отводит один легион для того, чтобы соорудить лагерь (каким странным человеком был этот римлянин, который начал сражение, не построив перед тем лагерь!), а остальные легионы упиваются кровью врага до глубокой ночи. И, несмотря на это, все же говорится, что конное сражение не дало окончательной победы ни той ни другой стороне. Если мы сравним это описание сражения с подлинным рассказом о каком-либо бое, как, например, о сражении Цезаря при Фарсале, то нам станет ясным не только то, что конный бой не может окончиться вничью, когда пехота одерживает такую решительную победу, но также и то, что во всем этом рассказе о сражении у вала ангривариев нет ни одного слова правды.

2. В качестве аналогии к сражениям Германика можно привести рассказ Тацита о больших победах Агриколы над британцами и о двух сражениях при Бедриаке.

Рассказ о победе над британцами в своих общих чертах прост и понятен, но именно поэтому нам совершенно ясно, что здесь не очень крупное сражение патетически окружается ореолом большой победы. Восемью тысяч вспомогательных войск, которыми располагал Агрикола, вместе с конницей было достаточно для того, чтобы победить британцев. Легионы, стоявшие во второй боевой линии или в резерве, не приняли участия в бою. Тацит объясняет это тем, «что легионы стояли перед валом для вящего прославления победы в том случае, если бы обошлось без пролития римской крови, и для оказания помощи, если бы римляне были отражены». Если бы мы признали, что это действительно было так, то должны были бы счесть Агриколу за весьма плохого полководца, так как, судя по дальнейшему рассказу, британцы располагали большим численным перевесом и в течение некоторого времени теснили римлян. Полководец мог бы этого избежать, если бы он не оставил чрезмерно больших резервов, но тотчас же ввел бы часть легионов в бой. На самом же деле то обстоятельство, что британцы некоторое время теснили римлян, далее — причина задержки легионов и, наконец, большое число бриттов — все это не что иное, как простые прикрасы. Бритты были так слабы и оказали такое незначительное сопротивление, что уже достаточно было атаки первой боевой линии римлян, чтобы их опрокинуть, даже не доведя дела до настоящего сражения.

Еще меньше фактов можно извлечь из описания обоих сражений при Бедриаке. Весь риторически грандиозный рассказ Тацита о гражданской войне не имеет никакой ценности с точки зрения военной истории.

В том сражении, в котором римляне победили Будикку, римляне, согласно Тациту («Анналы», XIV, 34), располагали войском в 10 000 человек и потеряли лишь 400 человек убитыми, в то время как британцы потеряли 80 000 человек. Согласно Диону, британское войско насчитывало 320 000 человек. Пусть будет так. Ведь до сих пор имеются такие ученые, методически строгие критики, которые никак не могут вырвать из своего сердца огромные цифры персидских армий. И если им уже ничего другого больше не остается, то они соглашаются зачеркнуть, может быть, один нуль, но ни в коем случае не два...

3. Подполк. Дам в своей работе «Походы Германика в Германию» сделал попытку реабилитировать и объяснить с военной точки зрения рассказ Тацита о походе 16 г.¹ Свое мнение об этой книге я высказал в «Германской литературной газете» («Deutsche Literaturzeitung», 1908, № 3, январь, 17). Оно заключается в следующем.

¹ Otto Dahm, «Oberstleutnant a. D. Die Feldzüge des Germanicus in Deutschland», «Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst». Ergänzungsband XI.

Реконструируя главный поход Германика в 16 г., автор считает, что римское войско, согласно указанию Тацита («Анналы», II, 8), вошло в Эмс, причем большой склад был сооружен в Меппене¹. От Меппена войско пошло по равнине в направлении к Везеру и южнее Вестфальских ворот, у Идизнавизо, дало сражение германцам. Для снабжения армии из склада непрерывно высылались продовольственные обозы. Ежедневная потребность в провианте всей этой армии, насчитывавшей 100 000 голов лошадей и людей, можно считать приблизительно равной 200 000 кило. Следовательно, в армию каждые шесть дней должен был прибывать обоз из 12 000 вьючных животных, причем если такой обоз шел, имея по два вьючных животных в ряд, то должен был занимать в глубину 17 км.

Этот расчет слишком мал. Во-первых, путь от Меппена до того места, где, как думает Дам, разыгралось сражение при Идизнавизо, равняется приблизительно 200 км и, следовательно, составляет не шесть, а девять дневных переходов, а с необходимыми днями отдыха — даже двенадцать. Во-вторых, суточная дача каждой лошади была исчислена в 5 кг, при том предположении, что потребное сено и солома могут быть получены на месте. Но это совершенно невозможно, так как колоссальная громада армии, компактно движущаяся и постоянно занимающая тесное пространство, непременно должна была немедленно исчерпывать все запасы местных средств. В-третьих, автор забыл принять в расчет снабжение самих транспортных колонн (24 000 вьючных животных с погонщиками). Если мы учтем эти три факта, то придется увеличить, может быть, даже в шесть раз количество тех припасов, которые необходимо было доставлять в армию. Поэтому способ снабжения, указанный автором, окажется технически совершенно невозможным. И так же невозможно себе представить, что можно было на кораблях по Северному морю переправить все это огромное количество животных. Наконец, со стратегической точки зрения невозможно принять, что римское войско, оперировавшее на Везере, могло базироваться на склад, находившийся на Эмсе. Ведь в таком случае Арминию было бы чрезвычайно легко, выделяя для этой цели из своего войска сильные отряды, производить нападения на эти длиннейшие колонны продовольственного обоза и их уничтожать. Тогда Германик со всем своим войском был бы осужден на голодную смерть.

Автор решительно отвергает (стр. 97) предположение, что флот с римской армией вошел не в Эмс, а в Везер, так как рассказ Тацита «настолько блестящ, что стоит вне всяких сомнений». В странном противоречии с этим автор на стр. 93 объявляет другое указание Тацита «не чем иным, как фразой, которая явилась в результате неосведомленности Тацита в области географии и военных наук».

В полном соответствии с этим методом — произвольно признавать источник безусловно надежным либо же просто его отвергать — находится объяснение, которое автор дает (стр. 95) тому обстоятельству, что Тацит совершенно ничего не сообщает о предполагавшемся переходе от Эмса к Везеру. Автор считает, что это движение было предпринято для того, чтобы наказать хазуариев и ангривариев, живших в этой местности. Тацит об этом ничего не рассказывает — «даже ему самому становилось не в состоянии непрерывно повествовать об убийствах и поджогах своего героя, которые среди этих союзников херусков, наверное, носили характер дикого зверства». Нельзя себе представить большего непонимания римской культуры и римского способа представлять себе те или иные факты.

Поэтому реконструкция похода 16 г., предложенная Дамом, является неудовлетворительной как с военно-технической точки зрения, так и с точки зрения

¹ Сам Дам не смог окончательно отделаться от того представления, что, в сущности говоря, было совершенно невозможно базироваться на склад, расположенный близ Меппена. В дополнение к этому он указывает, что вопрос относительно возможности использования Везера как пути для подвоза продовольствия следует по крайней мере считать открытым; однако, он из этого не делает никаких дальнейших выводов (стр. 100).

критики источника. Хотя Дам вполне правильно признал, — и это является его серьезной заслугой, — что основным моментом римских походов в Германию является вопрос снабжения, однако, его научный метод недостаточен для правильного решения всех связанных с этим вопросов. Такие же ошибки делает этот автор и при описании других походов (ср. главу «Снабжение и обоз» в конце этого тома).

4. Кепп в своей работе «Римляне в Германии» (Коерр, «Die Römer in Deutschland») обнаруживает себя настолько проницательным, что признает недостоверность рассказа Тацита о походе 16 г. Но вместе с тем он противопоставляет свой холодный скептицизм попытке раскрыть и исправить ошибки Тацита, исходя из стратегических соображений и точных сведений о географических отношениях, и предпочитает оставаться при своем «не знаю». С такой точкой зрения можно было бы согласиться, если бы только она последовательно проводилась. Но во многих других местах своей работы Кепп сам не может удержаться от того, чтобы не притти на помощь своему источнику посредством стратегических рассуждений. Поэтому его собственное предостережение, что не следует стремиться к тому, чтобы быть умнее Тацита (стр. 34), которым он как будто бы пытается руководствоваться в своей работе, должно быть обращено по его собственному адресу. В ответ на это предостережение я хотел бы спросить моего коллегу по исследовательской работе, последовал ли он моему совету (см. выше, стр. 58) и испытал ли он свой критерий оценки Тацита в качестве военно-исторического источника, применив его к описанию сражения при Бель-Альянс, принадлежащему перу Трейчке. Я боюсь, что он так же мало этим занимался, как и наши старые историки, которые не проверили Геродота на Буллингере, а Цезаря на Наполеоне и Фридрихе. Если бы он это сделал, то я убежден, что его прекрасная и делающая ему честь книга все же в некоторых своих частях приобрела бы иной вид.

5. Гергард Кесслер в своей работе «Традиция о Германике» (Gerhard Keszler, «Die Tradition über Germanicus», Leipziger Dissertation, 1905), подвергая анализу источники, сделал попытку также осветить и германские походы. Он считает, что основным источником Тацита была биография Германика, которая лежала в основе также и рассказа Диона. Почти все фактические события совершенно правильно излагаются в этой книге. Особенно следует отметить вполне правильное мнение автора, что римский флот в 16 г. вошел не в Эмс, а в Везер. Кесслер очень удачно доказывает, что рассказ о переходе Германика через Эмс, а потом через Везер является дублированием того же самого факта. Но, говоря о том, что все восемь легионов были доставлены этим флотом (стр. 51), Кесслер не уяснил себе того, каких громадных трудов должно было стоить переправить по морю на такое большое расстояние войско, состоявшее из 50 000 бойцов. И, конечно, при этом нельзя ссылаться на то, что Германик уже в предыдущем году отправил на кораблях четыре легиона, а на этот раз, как об этом подробно рассказывает Тацит, построил много новых кораблей и, следовательно, погрузил на этот флот значительно большее войско. Доставка двух легионов со вспомогательными войсками, с полным запасом продовольствия и прочими припасами, необходимыми для всего войска на все время летнего похода, кораблей, которые могли идти по Северному морю, вспомогательных кораблей, которые могли идти по рекам, по возможности далеко, — все это требовало таких громадных снаряжений, что это нам кажется вполне соответствующим описанию Тацита. В предшествовавшем году четыре легиона были отправлены без вспомогательных войск, а о коннице ясно сказано, что она шла сухим путем через страну фризов. К тому же эта экспедиция шла по Эмсу, а не по Везеру, как следующая за нею, на что, впрочем, указывает и сам Кесслер. Таким образом, несмотря на то, что войска, отправленные на кораблях, по своей численности были меньше, чем в прошлый раз, все же эта новая экспедиция была значительно крупнее и потому требовала очень больших приготовлений.

Переправить на кораблях от Батавских островов вплоть до Везера восемь легионов со вспомогательными войсками, конницей и запасами было не только невыполнимо, но и совершенно излишне, так как римское войско, идя сухим путем от Липпы, могло гораздо скорее и удобнее, по более короткой дороге вторгнуться в страну херусков. Этот большой флот был снаряжен не для перевозки армии, а для доставки снабжения, для организации пловучего склада, без которого римское войско не могло оперировать в стране херусков. Два легиона и вспомогательные войска, находившиеся на кораблях, были нужны лишь для прикрытия транспорта. Кесслер недостаточно оценил значение момента снабжения; это явилось причиной того, что он со своей стратегической критикой не только здесь, но и в других местах своей работы встал на ложный путь. В результате всего этого он пришел к крайне неоправданному и необоснованному суждению о стратегических способностях и характерных чертах стратегического таланта Германика. Нельзя развенчивать Германика, так как ему нельзя отказать в том, что он проявил самую решительную энергию при выполнении своей задачи. Необходимо признать, что способы, примененные им, были правильно задуманы, что он шел правильными путями и что все это вполне соответствовало наличным условиям и обстоятельствам. Лишь в таком случае может быть установлена всемирно-историческая роль Арминия. Если бы Германик был таким безрассудным человеком, каким его изображает Кесслер, и если бы Сегест и весь его род были столь незначительны, то и дело Арминия нельзя было бы назвать великим подвигом. Но решающим обстоятельством в данном случае является то, что Германик совершенно правильно учел обстановку, а именно — если он со своим громадным войском появится на Везере, то находящиеся в его свите херусские князья, при наличии флота с продовольственными запасами, смогут выдержать войну в течение всего лета, а херуски сочтут свое дело проигранным и покорятся римлянам. Но то, что этого не произошло и что херуски, несмотря на все, продолжали борьбу, крепко держась своего вождя, показывает нам гораздо яснее, чем сражение в Тевтобургском лесу, что Арминий был действительно великим человеком.

LIMITES (ГРАНИЦЫ)

6. Тацит в «Анналах» (II, 7) пишет: «На всем протяжении между крепостью Ализо и Рейном были построены новые дороги и пути» (*cuncta inter castellum Alisonem ac Rhenum novis limitibus aggeribusque permunita*). До сих пор слово «limitibus» переводили «пограничными валами», но это является очевидной несообразностью. В таком случае возникает вопрос: в каком направлении шли эти валы? Что они ограничивали и что они защищали? Откуда бы взялись войска для занятия этих линий? Об этом мы еще будем говорить ниже, при рассмотрении вопроса о позднейшем большом *limes*. *Limes* обозначает рубеж, или, вернее, одновременно дорогу и границу. Но это слово очень часто употребляется и таким образом, что в нем сохраняется лишь одно значение, а другое совершенно исчезает. Так, например, у Веллея (II, 121) «*aperire limites*», очевидно, просто означает «установить границу»; в таком же смысле употребляет это выражение и Сенека (*de benef.*, I, 14), даже в более узком смысле: «устанавливать менее просторную границу (*minus laxum limitem aperire*). А Ливий (XXXI, 39) говорит, что царь Филипп «поперечными путями» (*transversis limitibus*) двинулся против врага. Цицерон («Сон Сципиона», 8 — «*Somn. Scip.*» 8, «*de re publ.*», 6, 24) пишет, что «перед теми, кто хорошо послужил родине, как бы открывается путь к святилищу неба», и также Овидий («*Metam.*», 8, 558) — «обычный путь (*limes*) реки». Таким образом, здесь, как и во многих других случаях, слово «*limes*» означает «путь». Представление о том, что *limes* связано с каким-либо укреплением или вообще означает «пограничное укрепление», относится к значительно более позднему времени, являясь, может

быть, даже современным представлением, которое к тому же постепенно исчезает благодаря обследованию смысла *limes*'а. Тацит употребляет это выражение семь раз: в «Германии» (гл. 29) и в «Агриколе» (гл. 41) — в смысле «граница»; в «Историях» (21, 25) — в описании сражения при Кремоне, — насколько можно понять это описание, — очевидно, в смысле «путь»; а в «Анналах» (I, 50) он пишет, что Германик пошел против марсов, «пересек Цезийский лес и дорогу (*limes*), которую начал строить Тиберий, расположил лагерь на дороге» (*in limite*). Германик шел севернее Липпы, затем повернул на юг, перешел через Липпу и после этого пересек Цезийский лес и дорогу Тиберия. Здесь даже нельзя и думать об укреплениях. Наоборот, здесь было бы очень кстати предположить наличие дороги, которую Тиберий начал строить южнее, приблизительно параллельно Липпе, и которую теперь Германик пересек, разбив на ней лагерь.

Седьмым местом у Тацита является как раз то место, которое мы здесь разбираем. Слово «*limes*» здесь, конечно, не может иметь никакого отношения к границе. «*Aggeres*», с которыми здесь сопоставляются «*limites*», обозначают мощеные дороги. Уже в упомянутом выше описании сражения при Кремоне (*Hist. III, 21, 23*) говорилось о «насыпи дороги» (*agger viae*), и в непосредственной связи с этим стояло и слово «*limes*», которое было здесь употреблено также в смысле дороги. Такой же смысл имеет это слово и в данном месте. Слово «*permunire*» у Тацита обычно означает «укреплять», причем приставка «*per*» лишь усиливает основное значение корня, не меняя его смысла. Однако, в слово «укреплять» здесь, очевидно, не вложено смысла «укреплять окопами». Может быть, здесь это выражение можно просто перевести «защитить, сделать безопасным», так как слово «*munire*» часто употреблялось в таком смысле; так, например, у Плиния (*h. nat. XX, 51*) или у Лукреция (*IV, 1256*): «старость детьми обеспечить». Но так как «*munire viam*» очень часто обозначает «построить дорогу», то, может быть, эту фразу лучше всего было бы перевести таким образом: «он на всем пространстве между Ализо и Рейном построил новые дороги и пути», или, применяя более простые выражения, «он построил крепкую и прямую дорогу от Ализо до Рейна».

Раньше, чем я пришел к этому переводу, мне приходило в голову другое объяснение, также вполне правдоподобное. Под словом «*limites*» я тогда понимал сваленный вдоль дороги лес, для того чтобы затруднить германцам нападение на дорогу. Так как первым значением *limes* является «межевая полоса, рубеж» и так как вдоль межи или границы, проходящей через лес, часто лежат сваленные деревья, то такое истолкование является вполне возможным. Но так как *limes* часто просто обозначает «путь» и даже встречается наряду со словом «мощеная дорога» (*agger*), то этот смысл в данном случае является наиболее правильным. Во всяком случае смысл данного места заключается в том, что Германик, — пока легионы стояли в Ализо и ждали появления полководца со своим флотом на Везере, — использовал это время для того, чтобы улучшить пути сообщения между Ализо и Рейном.

* * *

Добавление ко 2-му изданию. Только что изложенная точка зрения нашла свое подтверждение в работе Оксе («*Bonner Jahrbücher*, Bd. 114, 115.—«Боннские ежегодники», т. 114—115), широко и научно обоснованной в строго филологическом отношении. Автор, так же как и я, считает, что *limes* Тиберия был военной дорогой, которая, по мнению автора, была абсолютно прямой и очень широкой. Работы, произведенные Германиком в 16 г., по мнению автора, являются лишь окончанием тех работ по сооружению этой дороги, которые были начаты Тиберием. Такое объяснение, по мысли автора, вполне соответствует всему контексту и самому слову «*permunire*», которое может обозначать «изготавливать, сооружать». Если это правильно, то Тацит, очевидно, заимствовал это слово из своего источ-

ника, так как едва ли он сам настолько хорошо знал топографию местности и настолько внимательно продумал в данном случае всю цепь событий, чтобы, описывая труды Германика, вспомнить о *limes* Тиберия (ср. ниже относительно *limes* Домициана).

СПЕЦИАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ АЛИЗО

Ализо стало теперь почти краеугольным камнем при реконструкции всех римско-германских походов. Поэтому мы должны подвергнуть специальному исследованию этот много раз дискутировавшийся вопрос относительно местонахождения Ализо. Мы решили, что это будет лучше сделать в конце настоящей главы, так как после проработки отдельных походов читатель увидит яснее и отчетливее, чем после одного лишь вводного теоретического изложения, те общие стратегические моменты и условия данного театра военных действий, которые при этом необходимо принять во внимание.

Начиная наше исследование, мы должны прежде всего поставить и разделить два вопроса. Первый вопрос заключается в том, устроили ли римляне на Верхней Липпе складочный пункт, который служил базой для их операций в собственно внутренней Германии. Второй же вопрос заключается в том, назывался ли этот пункт Ализо.

Но раньше чем подвергать исследованию и сравнению наши источники, было бы правильнее всего поставить технический вопрос о том, насколько судоходной была Липпа.

По этому вопросу я имею здесь возможность изложить те сведения, которые мне любезно были сообщены техническими специалистами по речному делу, — тайным строительным советником Редером и тайным строительным советником Келлером II из министерства общественных работ, а также строительным советником Редером из Дица, который раньше жил в Хамме на Липпе.

В древние времена, когда еще не было прочных дорог, было так трудно доставлять товары сухим путем, что люди пользовались в качестве путей сообщения даже очень мелкими водными путями. Херфорд пытался использовать в XV в. Верру, а Брауншвейг — Окер в качестве водных путей¹. Доставить лодку с грузом вверх по течению, если еще не построен бечевник, конечно, тоже не легко, но все же легче, чем доставить соответствующее количество тележек по мягкой проселочной дороге. Лодки тянулись людьми, которые по большей части шли по воде близ берега. Когда же подходили к стремнине, которую нельзя было преодолеть, то товары выгружались и переносились на руках, пока это было необходимо, а пустые лодки тянулись дальше. Так до сих пор делают в Африке и такой — даже полный препятствий — водный путь все же выгоднее и удобнее сухопутной дороги. На Липпе нет таких препятствий. Она в настоящее время по своим естественным условиям судоходна до Липпштадта. За Липпштадтом посредством плотин река сделана несудоходной в интересах сельского хозяйства. Но если устранить эти препятствия, то судоходность Липпы могла бы быть восстановлена вплоть до Нейхауза, где Падер и Альма соединяются с Липпой². Падение дна реки от Нейхауза до Липпштадта выражается в среднем 1 на 2000. Поперечный профиль очень глубоко врезан и, следовательно, очень благоприятен, так что при устранении всех препятствий здесь без труда могут проходить грузовые баржи длиной в 20 м, шириной в 4 м, с осадкой в 0,75 м и с грузоподъемностью в 45 т (т. е. 900 ц). Такие баржи могут ходить с хорошей скоростью в среднем в течение 98 дней в году с ограниченной скоростью — в течение 101 дня и совсем не могут ходить:

¹ Stein, «Beiträge zur Geschichte der Hanse», S. 24—25.

² Примечание ко 2-му изданию. Это место было неправильно понято Прейном (Prein, «Aliso bei Oberaden», S. 65), который его объяснил таким образом, как будто «естественная судоходность» достигала лишь Липпштадта.

вследствие недостатка воды — в течение 156 дней и вследствие избытка воды — в течение 10 дней в году. Нельзя утверждать, что германские реки в древности были полноводнее, чем теперь. Но даже несмотря на это, из всего вышесказанного должно быть ясно, что во времена Арминия Липпа была до Нейхауза достаточно судоходна для военных целей римлян, которые ведь могли пользоваться меньшими судами, чем описанные нами выше. Весною можно было по ней доставлять почти вплоть до ее истоков все припасы, необходимые для летнего похода.

Но тут против моей точки зрения как будто высказался директор архива Ильген в своей работе «Имела ли Липпа в Средние века крупное значение в качестве водного пути?». Эту работу автор чрезвычайно любезно, по моей просьбе, предоставил в мое распоряжение до ее опубликования¹. В своем этюде, представляющем большой культурно-исторический интерес, Ильген устанавливает тот факт, что Липпа в Средние века и до XVIII в. имела очень небольшое значение в качестве водного пути, так как здесь судоходству мешал целый ряд естественных препятствий. Однако, его точка зрения оставляет достаточно свободного места и для моих взглядов, так как понятие «крупный» очень растяжимо. Ведь указанная нами цель может быть свободно достигнута и при умеренной судоходности реки. Наконец, я хотел бы немного изменить не самое существо положений Ильгена, которые, конечно, правильны, но некоторые детали и, так сказать, некоторый оттенок его изложения, который, как может показаться, несколько преуменьшает относительную судоходность этой реки.

Как указывает Ильген, техническое обследование, произведенное в 1735 и 1738 гг., установило, что от Везеля до Хамма в реке имеется 51 песчаная мель и три подводных камня. Но эти препятствия не могли быть очень серьезными, так как даже в сухое время года они покрыты больше чем на 1,5 фута водою. Большими препятствиями были шесть мельничных плотин, расположенных между Хаус-Даль и Хаммом. Эти мельничные плотины наносили с конца Средних веков большой ущерб судоходству и до нашего времени постоянно вызвали борьбу между собой интересов судоходства и сельского хозяйства. В работе «Река Одер», составленной Бюро речной комиссии, мы читаем (I, 233): «В эпоху политического упадка Силезии мелкие князья давали разрешения на постройку мельничных плотин, которые в значительной степени затрудняли судоходство. Новый подъем судоходства на Одере начался лишь с того времени, как были уничтожены эти препятствия. То же самое было и на Липпе. В 1597 г., согласно Ильгену, кирпичи для постройки церкви иезуитов в Мюнстере были доставлены на кораблях лишь до Хальтерна, а оттуда их уже везли сухим путем. Однако, из этого факта нельзя сделать вывода относительно судоходства выше Хальтерна, так как сухопутная дорога от Верне до Мюнстера не намного ближе, чем от Хальтерна.

Равным образом нельзя сделать какого-либо вывода из того, что монастыри Херфорд, Корвей и Лисборн доставляли себе рейнское вино сухим путем из Дунсбурга. В сентябре вода в Липпе стоит на самом низком уровне, а в октябре уровень лишь очень немногим выше. Между тем в сентябре надо было отправлять пустые бочки к Рейну, а в октябре доставлять их обратно полными. Но как раз в это время года либо совсем нельзя было пользоваться водным путем, либо же можно было пользоваться только с риском.

Поэтому я хотел бы подчеркнуть больше положительные, чем отрицательные свидетельства о судоходности Липпы, которые приводит в своей работе Ильген. Если город Зест в 1486 г. хотел посредством использования речек Зест и Азе соединиться водным путем с Липпой и даже собрал деньги, необходимые для соответствующих строительных работ, то это, конечно, является доказательством того, что Липпа вовсе не была совершенно негодным водным путем. Это под-

¹ «Mitteilungen d. Altertums-Komm. f. Westfalen», Heft II, 1901.

тверждается также и тем, что у Дорстена, Хальтерна и Остендорфа находились таможни, и если в 1526 г. мимо Дорстенской таможни прошло 225 плотов, то это, конечно, является довольно крупной цифрой.

Слова Вернера Ролевинкса (около 1475 г.), что в Вестфалии нет судоходных рек, надо, следовательно, понимать в том смысле, что хотя там и нет постоянных водных путей, каковыми являются не только Рейн, но и Шпре, но там все же имеются реки, которые в определенные времена года пригодны для судоходства.

Против этого возразил Шуххардт¹, указав на то, что вверх по Липпе нельзя было тянуть лодки, так как дно реки очень илисто. За разъяснениями по этому вопросу я обратился к строительному советнику Редеру из Дица, жившему раньше в Хамме на Липпе, который был хорошо осведомлен относительно естественных условий этой реки благодаря своей многолетней практике по речным постройкам в этих местах. От него я получил следующий ответ:

«Топкая почва, т. е. болотистые и торфяные места, на Липпе нигде не встречаются. Там по обе стороны реки от Везеля вверх до Нейхауза идут песчаные поверхности. Во многих местах там встречается низкий берег, затапливаемый водой. Такие места в римскую эпоху, наверное, тянулись на большее расстояние и, конечно, не могли служить препятствием для таких крупных людских масс, как римские легионы, которые имели большой опыт в постройке дорог и имели поэтому возможность, идя по дорогам вдоль реки, тянуть лямками суда. Труднее было переходить через притоки, так как здесь надо было строить мосты, чтобы не переправлять слишком часто на другой берег упряжных лошадей».

«Но и это не могло представлять трудностей для систематически продвигавшегося войска римлян, которое привыкло строить образцовые дороги и искусственные мосты».

«Низкие сырые берега покрывались бревенчатой настилкой, следы которой иногда находят даже и теперь».

Следовательно, представление Шуххардта о непреодолимости «илистого» дна неправильно. Я даже думаю, что мягкая почва преодолевалась легче, чем это описано в письме Редера, в тех случаях, когда лодки тянулись не лошадьми, а людьми. В тех странах, где до сих пор еще нет бечевников, люди идут прямо по воде вдоль берега. Если попадаются непроходимые места, то положить вдоль берега бревенчатый настил еще легче для людей, чем для лошадей; равным образом и переход через притоки люди совершают легче, чем лошади, и часто им не приходится строить ни одного моста.

Если, таким образом, уже не подлежит никакому сомнению, что Липпа была в достаточной степени судоходной вплоть до Нейхауза, то мы тем самым можем с достоверностью установить и тот факт, что римляне должны были в этой местности соорудить складочный пункт. Конечно, требует объяснения то обстоятельство, почему никто из многочисленных военных исследователей римских походов до настоящего времени не высказал этого положения, но это нетрудно объяснить. В научной литературе до недавнего времени никто не высказывал сомнений в достоверности колоссальных цифр германских войск. Сотни тысяч перебрасывались туда и сюда, и, согласно рассказам Тацита и Светония, Тиберий из одного лишь племени сугамбров переселил 40 000 человек на левый берег Рейна². Ген. фон-Пейкер в своей много раз использованной книге «Военное дело в древней Германии» (Von Peucker, «Das deutsche Kriegswesen der Urzeiten» Berlin, 1860)

¹ Mitteilungen der Altertums-Kommission f. Westfalen, Heft. II, S. 212. Anmerkung, 1901.

² Насколько крепко до сих пор коренится это представление, видно из того, что В. Банг в своей прекрасной монографии (W. Bang, «Die Germanen im römischen Dienst», S. 6) приходит на основании этого представления к тому выводу, что это число является слишком незначительным для германского племени.

говорит о том, как многочисленность германских войск затрудняла положение их предводителей, и без всяких колебаний сопоставляет следующие цифры: «Войско тевтонов, по Орозию и Ливию, достигало 300 000 человек; Ливий, Веллей, Патеркул, Евтроп и Орозий исчисляют войско кимбров в 200 000 человек; Ариовист, по указанию Цезаря, командовал войском, насчитывавшим более 100 000 человек; из готских войск, вторгшихся в III в. с берегов Черного моря, то войско, которое в 269 г. было разбито императором Клавдием, согласно Требеллию Поллиону, насчитывало 320 000 человек; Радагайс в начале V столетия привел в Италию армию, превышавшую, согласно Орозию, 200 000 человек, так как среди них было одних лишь готов 200 000 человек, а по словам Зосимы, 400 000 человек; войско же Атиллы, которое дралось на Каталаунских полях и по большей части состояло из германских племен, согласно Иорнанду, достигало 500 000 человек, а по словам Павла Диакона, даже 700 000 человек».

Совсем нетрудно было снабжать эти народные массы в тех местах, где они жили и где они могли передвигаться. Поэтому вопрос об их снабжении даже и не поднимался. Только благодаря постановке проблемы о численности населения мы подошли вплотную к вопросу о снабжении, а разрешение этого вопроса в свою очередь должно было решить вопрос о Липпской крепости.

Недалеко от Падерборна и места соединения Липпы с Альмой, на левом берегу Альмы находится деревня Эльзен. Вполне естественно, что созвучие названий Эльзен и Ализо поблизости от того места, на которое и без того имеется столько указаний, уже давно привело к простому отождествлению обоих названий. И я сам в первом издании этой работы считал, что название Эльзен является аргументом в пользу того, что Ализо действительно находилось в этой местности. Однако, после этого было твердо установлено (ср. Фр. Крамер, «Западногерманский журнал» — Fr. Cramer, «Westdeutsche Zeitschrift», Bd. 21, 1902), что топографические названия, родственные этому корню, настолько часто встречаются, что мы отсюда не можем извлечь никаких указаний относительно местонахождения Ализо.

Перейдем теперь к сравнению показаний источников.

* * *

Дион (53, 33) рассказывает нам о том, что Друз во время своего похода 11 г. до н. э. вторгся в страну херусков, дошел до Везера и переправился бы через него, если бы не был принужден возвратиться из-за недостатка в продовольствии. На обратном пути германцы напали на него в узком ущельи, но все же в конце концов были разбиты римлянами. Под влиянием этого события Друз решил для защиты от германцев построить крепость при соединении Липпы и Элизона.

«Повсюду, — таковы буквально слова Диона, — враги устраивали засады и причиняли Друзу много вреда. Однажды они его заперли в такой местности, которая со всех сторон окружена горами и в которую можно было проникнуть только через узкие горные ущелья, и едва его там не уничтожили. И все римское войско тоже погибло бы, если бы враги, слишком уверенные в своей победе, не бросились на них беспорядочной толпой, очевидно, думая, что римляне уже находятся в их руках и что для окончательной победы достаточно одного удара мечом. Однако, германцы были разбиты и после этого уже не отваживались так дерзко нападать на римлян, но все же досаждали им издали, впрочем не подходя к ним близко. Поэтому Друз на зло им со своей стороны построил одну крепость в том месте, где соединяются Липпа и Элизон, а другую — на Рейне, в стране хаттов».

Судя по всему контексту, те германцы, с которыми на своем обратном пути сразился Друз в узком ущельи, возвращаясь с Везера, очевидно, могли быть только херусками. Описание местности не соответствует ландшафту прилиппских равнин и более похоже на гористые места, лежащие к востоку (к северо-востоку, к юго-

востоку) от Падерборна. Возвышенности, встречающиеся вдоль Липпской долины, слишком незначительны для того, чтобы представить опасность для римского войска. Если Друз построил крепость, которая должна была служить угрозой народам, теснившим его в тех местах, то, конечно, он построил эту крепость не на расстоянии нескольких переходов от этой области, но либо на неприятельской территории, либо же непосредственно перед воротами, ведущими в эту область, т. е. в районе Падерборна. И так как трудность в снабжении была причиной того, что этот поход не дал результатов, то целью постройки этой крепости была организация складочного пункта, необходимого в будущем при повторении этой войны, причем подобный пункт можно было создать лишь в этом месте, так как до этого места доходил водный соединительный путь с Рейном.

Устройство такого пункта должно было даже с самого начала быть главной целью этого похода. Когда Друз появился в стране сугамбров, южнее Липпы, рассказывает нам Дион, то сугамбры как раз находились на поле сражения против хаттов. Если бы римский полководец задался целью сразу достигнуть непосредственного крупного успеха, то, конечно, он не смог бы сделать ничего лучшего, как со всеми своими силами обрушиться на сугамбров. Сугамбры, зажатые между римлянами и хаттами, легко могли бы быть уничтожены. На первый взгляд кажется совершенно непонятным, каким образом Друз мог упустить такой случай одержать крупный успех. Вместо этого он только воспользовался возможностью беспрепятственно подняться по Липпе и дойти до Везера. Не опираясь на какую-либо базу и имея в своем тылу сугамбров, он, конечно, здесь ничего не мог сделать. Но это пренебрежительное отношение Друза к тому успеху, который он мог легко одержать на своем пути через страну сугамбров, покажется нам уже не ошибкой, а поступком вдумчивого стратега, если мы предположим, что с самого начала целью этого похода было исследование дорог и постройка складочного пункта. Устройство этого пункта было для него важнее, чем победа над одним лишь германским племенем, даже над сугамбрами, которые внушали такой ужас, так как его мысль была обращена на покорение всех германцев, вплоть до самой Эльбы. Возражая против этого, можно было бы задать вопрос: почему же в таком случае Друз не построил эту крепость на пути туда? Ведь когда он достиг того места, где прекращалось судоходство по Липпе, он мог здесь построить эту крепость. Весьма возможно, что это так и было на самом деле. Во всяком случае римляне (ср. стр. 91) большую часть своего продовольствия отправили вслед за своим войском по воде, и, конечно, совершенно невозможно предположить, чтобы они около истоков Липпы перегрузили его на вьючных животных или на повозки и тащили их за собой до Везера, а также и весь обратный путь. Полководец с самого начала хорошо знал, что он и для обратного пути нуждается в крупных запасах. Поэтому вполне естественно, — а с римской точки зрения вполне понятно, что наши источники ничего об этом не упоминают, — что Друз устроил складочный пункт в конце водного пути, оставив там все необходимое для возвращения, построив там временное укрепление и оставив для защиты последнего гарнизон. Пока войско двигалось дальше, оставшийся при этом гарнизоне инженер подыскивал место, наиболее удобное для устройства постоянной крепости; когда же войско вернулось, эта крепость была построена. Была ли построена новая крепость или же была укреплена построенная первоначально, значения не имеет, но для Диона вполне естественно, что он рассказывает об этом событии в таких словах: «Когда Друз вернулся и разбил своих врагов, то почувствовал себя достаточно сильным для того, чтобы построить в этой области крепость на страх своим врагам».

Для той же цели, для которой он построил эту крепость, Друз уже в предшествовавшем году приказал вырыть большой канал, соединявший Рейн с Исселем и, таким образом, ведущий из Зюдерзее в Северное море. Человек, который выполняет такие крупные предприятия, уже не довольствуется случайным покорением

маленького пограничного племени, вроде сугамбров, но замышляет большие походы т. е. в данном случае покорение всей страны вплоть до Эльбы. Стратегическим средством для достижения этой цели является устройство складочного пункта, выдвинутого как можно дальше вглубь страны.

Шуххардт и Кепп в докладе «Ализо и Хальтерн» (Kongresp. Bl. des Gesamtverbandes der deutschen Gesch.- und Altertumsv., 1906) считали исключенной возможность того, что эта крепость была построена на Верхней Липпе, так как в таком случае в тылу ее находились бы враждебные римлянам сугамбры и бруктеры. Но этот аргумент надо перевернуть: именно потому Ализо стало кандалами для упрямых германцев, что оно находилось в их стране, будучи в то же время для них неприступным. Вполне естественно бьет мимо цели и то возражение, что германцы могли бы в конце концов взять эту крепость голодом. Это возражение было бы правильным, если бы мы имели здесь дело с одной крепостью, без римского войска. Но это возражение отпадает, если мы примем во внимание, что крепость была не изолированной, а находилась в стратегической связи с тем, для чего она была создана. Крепость являлась опорным пунктом для войска, которое оперировало в этом районе, а войско, в свою очередь, защищало крепость. Даже в том случае, когда войско возвращалось к Рейну, оно находилось достаточно близко от нее и всегда могло притти к ней на помощь, тем более что сама крепость могла долго сопротивляться неприятелю. Если бы германцы сделали попытку захватить крепость, как, например, Арминий в 16 г., то она всегда смогла бы продержаться до тех пор, пока не подоспеет на помощь посланное для снятия осады войско. Только после того как в 9 г. было уничтожено римское войско, пало Ализо — и то не сразу, а по истечении значительного времени.

* * *

Было высказано предположение, что вдоль Липпы вплоть до Рейна был построен ряд промежуточных крепостей, так как в противном случае Ализо, находясь по прямой линии на расстоянии 20 миль от Ветера, было бы совершенно изолированным. Но следы этих крепостей, которые уже считали найденными, за исключением одной, о которой я еще буду говорить дальше, оказались ложными, и потому факт существования этих крепостей я считаю сомнительным. Конечно, римские войска, передвигаясь по Германии, всегда на ночь разбивали укрепленный лагерь, стараясь при этом по возможности использовать прежние лагеря, которые германцы далеко не всегда сравнивали с землей. Но оставление повсюду постоянных гарнизонов потребовало бы слишком большого расхода живой силы и принесло бы вместе с тем слишком мало пользы. Войска на походе сами себя защищают, транспорты передвигаются под военным прикрытием, купцы должны сами о себе заботиться, а для того чтобы предоставить безопасный ночлег курьерам, которые могут подвергнуться нападению в пути, никогда не строят крепостей. Если бы германцы напали на изолированную крепость, то она должна была бы сама защищаться до тех пор, пока с Рейна не подоспело бы на помощь войско, посланное для снятия осады. А гарнизоны промежуточных крепостей не могли бы оказать никакой помощи. Решающим моментом в таком случае была бы возможность того, чтобы сообщение об осаде достигло Ветера. Вель, это рано или поздно должно было случиться. Весьма возможно, что комендант крепости имел в своем распоряжении и на своей службе нескольких германцев, которые в случае необходимости брали на себя обязательство прокрасться сквозь ряды своих соотечественников и доставить весть об осаде в главную квартиру. Таким образом, вполне возможно, что римская крепость, находившаяся близ Падерборна, была совершенно изолированной. Нужно себе только представить, до какой степени германцы были неспособны провести правильную осаду. У них даже не было доста-

точно металла для изготовления оружия, не говоря уже о простых инструментах. Даже после Тевтобургского сражения, несмотря на свой моральный подъем и на подавленное состояние римлян, германцы не в состоянии были взять Ализо силой... Поэтому уже Друз мог отважиться на то, чтобы построить крепость среди вражеской страны, по ту сторону враждебно настроенных сугамбров, марсов и бруктевов. Да и помимо того Друз не рассчитывал на то, что положение останется неопределенным, так как римляне надеялись в течение нескольких лет овладеть всей страной, по крайней мере вплоть до Везера.

* * *

Когда в Рим пришла весть о том, что Друз находится при смерти, как рассказывает нам Валерий Максим (V, 5, 3), его брат Тиберий поспешил к нему и для этой цели направился вглубь Германии. Это сообщение следует сопоставить с рассказом Тацита о том («Анналы», II, 7), что германцы, осадив в 15 г. крепость на Липпе, разрушили старый алтарь, посвященный Друзу, который затем был вновь восстановлен Германиком, после того как он со своими шестью легионами снял осаду с этой крепости. Невероятно, чтобы римляне, воздвигнув алтарь Друзу во внутренней Германии, сделали это не на том месте, где умер Друз, а в каком-либо другом месте. Ведь если бы римляне вздумали свободно выбирать место для постройки этого алтаря, то они построили бы его, конечно, хотя бы вблизи одного из больших постоянных лагерей на Рейне. Таким образом, если мы из одного источника узнаем, что алтарь Друза находился недалеко от Липпской крепости, а из другого — что Друз умер в глубине внутренней Германии, то отсюда следует, что эту крепость нужно искать не на Нижней, а на Верхней Липпе.

* * *

В 5 г. римляне, по Веллею (II, 105), в первый раз разбили зимний лагерь в Германии «у истоков Юлии», как нам сообщает источник. Так как мы не знаем реки, которая бы носила название «Юлия», то уже Липсиус вполне справедливо исправил это название, заменив его названием «Лупия» (Julia — Lupia). Совсем недавно было указано на место, носящее название «Иелленбек» и лежащее на ручье, который несколько выше Реме впадает в Верру. Здесь имеется налицо созвучие в названиях, но это название встречается довольно часто, и, кроме того, эта комбинация невозможна по объективным причинам. Нельзя допустить того, чтобы Тиберий расположил свой зимний лагерь по ту сторону гор, на что не решился даже Вар, несмотря на всю свою доверчивость. Но если предположить, что Тиберий все же это сделал, то нельзя допустить, что он свой лагерь разбил не на Везере. Поэтому следует сохранить конъектуру Липсиуса «у истоков Лупии». Если бы была судоходной только Нижняя Липпа, то из этого сообщения мы ничего больше не могли бы извлечь и должны были бы предположить, что Тиберий не побоялся доставлять продовольствие сухим путем вплоть до истоков Липпы. Так как мы во всяком случае можем предположить, что Липпа была судоходной довольно далеко вверх по своему течению, то не можем согласиться с тем, что Тиберий возложил на администрацию своего обоза трудную обязанность доставлять продовольствие сухим путем от места выгрузки до лагеря только для того, чтобы разбить этот лагерь на один или два перехода дальше вглубь страны. Единственным рациональным исходом было бы расположить лагерь именно у этого естественного пункта выгрузки.

Если бы толкование нашего текста было более достоверным, мы имели бы здесь решающее доказательство нашего утверждения, что неподалеку от истоков Липпы находился важный для римлян стратегический пункт. Падерборн находится на расстоянии не более двух миль от истоков Липпы.

Лагерь, расположенный в таком месте, можно было свободно назвать лагерем «у истоков Липпы», а если так далеко в верховьях Липпы можно было найти благоприятное место для разбивки постоянного лагеря, то это место должно было быть наиболее удобным для устройства здесь складочного пункта, как можно дальше выдвинутого вглубь страны. То, что Тиберий осмелился разбить зимний лагерь там, где до этого была лишь стоянка, было существенным достижением в деле укрепления римского господства в Германии; это вполне справедливо подчеркивается Веллеем.

* * *

Когда Германик в 16 г. освободил осажденную германцами Липпскую крепость, то он восстановил разрушенный алтарь Друза. Могильный холм, воздвигнутый в предшествовавшем году над павшими воинами Вара и также впоследствии разрушенный германцами, не был восстановлен, так как, продолжает Тацит, «могильный холм считали нецелесообразным восстанавливать». Если бы этот курган находился в совершенно другой местности, то это замечание было бы непонятным. Мы теперь достаточно хорошо знаем, что германцы не могли импровизировать походы на любое расстояние вглубь Германии. Фраза «могильный холм считали нецелесообразным восстанавливать» имеет смысл лишь в том случае, если предположить, что об этом, действительно, мог быть поставлен вопрос. Следовательно, холм находился недалеко от крепости. До тех пор, пока место Тевтобургского сражения будут искать хотя бы приблизительно в той местности, которую мы фиксировали, следует считать, что крепость находилась не на Нижней или на Средней, но именно на Верхней Липпе.

* * *

Во всех вышеприведенных местах из наших источников античные авторы не дают названия Ализо. Мы слышим лишь о крепости, находившейся при соединении Липпы и Элизона и о крепости на Липпе, которая в 16 г. была осаждена германцами и освобождена от осады Германиком. Мы уже установили, что эта крепость должна была находиться на Верхней Липпе. Название Ализо сохранилось в трех других местах, и теперь встает вопрос, имеется ли здесь в виду именно эта крепость или какая-либо иная.

Географ Птолемей (II, 11) помещает Алейсон на $\frac{1}{2}$ градуса восточнее и на $\frac{1}{4}$ градуса южнее Ветера. Это не соответствует местонахождению нашей крепости, но в то же время ничего и не доказывает, так как указание на то, что она находилась так далеко к югу от Ветера, во всяком случае неправильно; да и помимо того, указания этого географа относительно Германии признаны очень ненадежными. Эти его указания, так же как и его указания о «памятниках победы Друза», лучше совсем оставить в стороне.

Затем следует та глава из «Анналов» Тацита (II, 7), в которой сперва рассказывается об осаде и об освобождении от осады крепости на Липпе, о возобновленном алтаре Друза и невозобновленном могильном холме и, наконец, говорится, что «все пространство между крепостью Ализо и Рейном было снабжено новыми путями и дорогами».

Теперь возникает вопрос: является ли той же самой крепостью, находившаяся на Липпе и упомянутая в начале этой главы, и та крепость, которая во всяком случае находилась на Верхней Липпе и названа в конце главы Ализо? Без сомнения, Тацит, следуя обычному способу изложения мыслей, должен был бы в данном случае при первом упоминании об этой крепости дать ее название. Но мы знаем равнодушное отношение Тацита к географии. Как раз в его изложении ни в какой мере не исключена возможность того, что обе эти крепости тождественны, хотя весьма вероятно, что он не дал себе труда разъяснить это обстоятельство даже

самому себе. В то время как он комбинировал лежавшие перед ним источники и давал им литературную обработку, в первом случае от него могло более или менее случайно ускользнуть название крепости, а во втором — это название могло ему показаться удобным для построения данной фразы. Это предположение станет весьма вероятным, если мы себе уясним, что этот рассказ ни в коем случае не может иметь отношения к крепости, находившейся на Нижней Липпе. Ведь фраза «*cuncta inter castellum Alisonem et Rhenum novis limitibus aggeribusque permissa*» означает: «между Ализо и Рейном была построена сквозная прочная дорога». Это была довольно крупная работа. Дорога вдоль Липпы должна была тянуться на целых двадцать миль. А постройка прочной укрепленной насыпями дороги на столь большом протяжении является такой значительной работой, которую римский писатель был в праве в своем рассказе подчеркнуть.

Третье место находится у Веллея (II, 120), который прибавляет к рассказу о поражении Вара следующую фразу: «Следует воздать хвалу доблести Люция Цедиция, префекта лагеря, и тех, которые вместе с ним были осаждены в Ализо, окруженные бесчисленными войсками германцев», так как они спаслись из этого тяжелого положения и от большой опасности благодаря своей предусмотрительности и своей решимости. Это место следует сопоставить с одним местом из Диона-Зонараса («К Диону», 56, 22), согласно которому лишь одна римская крепость продержалась, и с другим местом из Фронтинна (III, 15, 4), в котором говорится, что «были осаждены оставшиеся после поражения Вара». Четвертое место из Фронтинна (IV, 7, 8) также говорит о том, что после поражения Вара была осада, причем командиром назван Цедиций. Так как, согласно Диону, продержалась лишь одна крепость, то все эти четыре рассказа относятся к тому же самому событию. Здесь идет речь не только об осаде, последовавшей за поражением Вара, но и о том, что осажденные были «оставшиеся после поражения Вара» (согласно третьему месту), причем осажденное место называлось Ализо (по первому месту). Это является основанным на свидетельствах источников и прямым доказательством того, что крепость, находившаяся на Верхней Липпе, носила название Ализо. Ведь вполне естественно, что избежавшие бойни в Дэрском ущельи спаслись в ближайшую крепость, где они могли найти убежище и защиту, а такой крепостью была крепость на Верхней Липпе. Если бы они опасались того, что их запрут здесь, и тотчас же поспешили бы дальше, то они вообще не искали бы убежища в какой-либо крепости, находившейся на территории Германии, но бежали бы дальше, вплоть до самого Рейна. Но при всех обстоятельствах мы должны предположить, что на Верхней Липпе во времена Вара находилась римская крепость, даже если бы мы не имели никаких сведений об этом или если бы все сведения, имеющиеся в нашем распоряжении, относились к другой крепости. Учитывая хозяйственное состояние древней Германии, необходимо признать, что римляне ни в каком случае не могли бы совершать свои непрерывные походы к Везеру и обратно, не опираясь на большой складочный пункт, который должен был находиться в том месте, где Липпа перестает быть судоходной даже для самых маленьких судов. Этот складочный пункт, само собой разумеется, должен был быть укрепленным, следовательно, был крепостью и потому был для беглецов, спасшихся после Тевтобургского сражения, самой близкой крепостью, в которой они могли найти спасение, а эта крепость, согласно Веллею (II, 120), называлась Ализо.

* * *

Германцы не были в состоянии взять крепость силой. Поэтому они старались взять ее измором и принудить к сдаче голодом; осада затянулась на очень долгое время, так как крепость была обильно снабжена пищевыми припасами. О продолжительности осады можно судить по тому, что осажденные, наконец, услышали

о том, что к ним приближается Тиберий с большим войском. Но Тиберий во время Тевтобургского сражения находился в Паннонии, а после этого сначала вернулся в Рим и лишь затем направился к Рейну. В течение этого долгого времени германцы, осаждавшие крепость, ослабили бдительность своей охраны, так что осажденным удалось прокрасться через их ряды и беспрепятственно пройти весь длинный 20-мильный путь до Рейна. Может, пожалуй, показаться удивительным то обстоятельство, что германцы на таком длинном пути не настигли беглецов. Но возможность того, что так именно было на самом деле, доказывается прекрасными аналогиями, известными из военной истории. Так, например, крепости немецких рыцарей в Пруссии во время большого восстания подверглись длительным осадам и долго не могли быть от них освобождены; в частности одна из этих крепостей — Бартенштейн — была осаждена в течение четырех лет. Наконец, гарнизоны этих крепостей поступили точно так же, как некогда римляне, осажденные в Ализе: они прокрались через ряды осаждавших. Бартенштейнцы спаслись, а гарнизон Крейцбурга был обнаружен и погиб. Путь, который бартенштейнцы проделали до Эльбинга, равнялся 15 милям.

* * *

Раскопки, к которым теперь очень энергично приступили, должны оказать существенную помощь при изучении походов римлян в Германии. Благодаря археологической работе уже обнаружены чрезвычайно ценные вещественные памятники и добыты важные сведения. Но нужно признать, что до сего времени все это больше вносило путаницу в дело непосредственного изучения этих войн, чем приносило пользу этой работе. Первоначально вообще не умели отличать римские поселения от доисторических стоянок или каролингских селений, или даже просто от «игры природы» (*bloszen Naturspielen*). Кап. Хельцерманн и ген. фон-Фейт верили в то, что им удалось на Нижнем Рейне и вверх по Липпе установить наличие римских укреплений, которые впоследствии оказались простыми песчаными дюнами. Теперь самыми компетентными исследователями обнаружены подлинные римские поселения самых крупных размеров, но когда их пробовали включать в историческую цепь событий, то при этом было допущено много ошибок. Римляне в течение 20 лет своего господства над территорией между Рейном и Эльбой должны были соорудить сотни походных лагерей, дюжины постоянных лагерей и крепостей, причем от всех них могли, а от многих из них даже должны были остаться следы. Обнаружены в настоящее время лишь некоторые, очень немногие постоянные лагеря и крепости. После каждого открытия счастливец, сделавший это открытие, восклицали: «Это — Ализе!» И так говорили не только сделавшие открытие археологи и вместе с ними общественное мнение в лице любителей и друзей старины. С большими или меньшими оговорками к ним присоединялись также и наиболее компетентные ученые исследователи-специалисты, увлеченные энтузиазмом и радостью археологов, сделавших данное открытие. Это обстоятельство не только помешало пониманию стратегической связи событий римских военных походов и задержало это понимание, но даже теперь еще делает необходимой детальную проверку всех претензий на отождествление всех мест находок с Ализе, проверить их по источникам и, так сказать, негативно еще раз повторить весь приведенный нами выше ход наших доказательств.

Я считаю возможным оставить в стороне предположение Дюнцельмана, что ему удалось найти Ализе на Хунте, так же как и¹ отнесение Ализе на Везель. Мы должны здесь подвергнуть исследованию две большие, богатые результатами раскопки близ Хальтерна и Оберадена¹.

¹ Шуххардт защищает ту точку зрения, что Ализе находилось близ Хальтерна, в Heft II, der «Westf. Altert.-Kommission», 1901, а затем в своей статье «Zur

Давно уже было известно, что близ городка Хальтерна на Липпе, приблизительно в 6 милях от места впадения Липпы в Рейн, на горе св. Анны, на северном берегу реки, находилась римская крепость. А совсем недавно весь план крепости был совершенно твердо установлен. На расстоянии 1,5 км от этой крепости вверх по течению Липпы, в некотором отдалении от этой реки, на возвышенности, на поверхности которой не было видно никаких следов, был обнаружен благодаря раскопкам, произведенным в 1900, 1901 и следующих годах, большой римский лагерь. Наконец, непосредственно на берегу старого русла Липпы были открыты сооружения, имеющие отношение к гавани, складочные постройки, а также и укрепления.

Вообще значение и цель этих построек почти не требуют объяснений, хотя многие детали здесь еще весьма сомнительны. Как мы уже видели, Липпа была судоходной для больших судов вплоть до Ализо меньше семи месяцев в году. Если в древности даже очень маленькие суда были выгоднее сухопутного транспорта, — и мы поэтому можем допустить, что водным путем до Ализо пользовались в течение, может быть, восьми месяцев или даже несколько дольше, — то все же в конце концов наступало время, когда пользоваться рекой уже было нельзя. Но до Хальтерна, — мы это вполне можем допустить, — Липпа была судоходной в течение всего года. Поэтому римляне здесь уже давно соорудили складочный пункт, окружили валом пристань для судов и построили для ее дальнейшей защиты крепость на горе св. Анны.

Поблизости от гавани римские легионы часто разбивали походный и постоянный лагери, а постоянный лагерь, в свою очередь, требовал сооружения крупной пристани на Липпе, которая, как нам кажется, была надежно соединена с лагерем при помощи поперечных валов. Здесь установили наличие не менее трех лагерей, которые были сооружены один за другим. А бесчисленные вещественные памятники, извлеченные из земли: оружие, монеты, черепки, украшения и разные орудия, — доказывают, что войска находились в этих лагерях в течение долгого времени. Возможно, что здесь стоял Домиций Агенобарб, когда он сооружал «длинные мосты». Здесь могли один или несколько раз перезимовать римские легионы в промежуток между 5 и 8 гг. Вопрос о том, возобновил ли Германик эти укрепления, когда он снова возобновил войну, должен остаться нерешенным. Может быть, он использовал их в качестве походного лагеря.

Приблизительно в четырех милях отсюда, дальше вверх по течению реки, на расстоянии 1,5 км от Липпы, на южном берегу близ Оберадена, находится такой же постоянный лагерь римских легионов, своими размерами превосходящий самый большой лагерь близ Хальтерна.

При отождествлении этих построек с Ализо приходится принимать в расчет лишь крепость на горе св. Анны близ Хальтерна. Лагери слишком велики для того, чтобы быть крепостью. Слово «castellum» (крепость) является уменьшительным от слова «castrum» (лагерь). Но не только вследствие смысла этих слов, но также и вследствие ненарушимых законов стратегии размеры крепости не могут превышать определенную величину. Стратегия требует, чтобы при тех военных условиях, которые были тогда налицо в Германии, прежде всего полевая армия была бы как можно более сильной. Войска следовало держать вместе, отделяя от них лишь по возможности небольшое количество гарнизонов. Размеры этих гарнизонов должны были строго соответствовать их назначению, ни в коем случае не превышая необходимой потребности. Этому обстоятельству должны были соот-

Alisofrage» («Westdeutsche Zeitschrift», Bd. 24. 1905. Ср. «Aliso. Führer durch die römischen Ausgrabungen bei Haltern», 3 Aufl., 1907).

Пастор О. Преин выставил ту точку зрения, что Ализо было расположено близ Оберадена (Pfarrer O. Prein, «Aliso bei Oberaden», 1906).

ветствовать и размеры крепости. Если укрепление будет слишком велико для данного гарнизона, то это место будет подвергнуто большой опасности, так как здесь тогда нельзя будет организовать правильную защиту. Поэтому-то Ализо, которое мы ищем, должно было иметь сравнительно небольшие размеры, достаточные для того, чтобы, помимо гарнизона, вместить несколько больших складов и, может быть, еще лазарет и несколько мастерских. Но лагерь при Оберадене занимает пространство, превышающее 35 га. Большой лагерь при Хальтерне занимает приблизительно 35, средний — около 20, а самый маленький — 18 га.

Сравним теперь с ними некоторые другие известные нам римские сооружения

	Величина в га	Было занято
Лагерь Цезаря на Эн	41	8 легионами
Лагерь Цезаря перед Герговией . .	35	6 .
Лагерь Цезаря у Мон С. Пьер . . .	24	4 .
Лагерь у Бонна	25	1 с вспом. войсками
Лагерь у Нейса	24	1
Ламбезис в Африке	21	1
Лагерь перед Карнунтом	14	1
Кессельштадт	14	—
Гора св. Анны (С. Аннаберг)	7 ¹ / ₄	—
Нидер-Бибер	5	1 когорты и 2 отр.
Пферинг	4	500 человек
Фридберг	3 ³ / ₄	1 000 .
Заальбург	3 ¹ / ₄	—
Вейсенбург	3	500 человек

Большая часть пограничных крепостей, за исключением самых маленьких, обладала площадью, величина которой колебалась от 1¹/₂ до 3¹/₂ га. Обыкновенно их гарнизон состоял из одной когорты или из одной алы в 500 человек. Этот гарнизон в военное время усиливался до 1 000 человек в тех крепостях, которые были больше и которые подвергались большей опасности¹.

Если мы сравним эти цифры, то они обнаружат значительные различия. В лагерях Цезаря на один легион приходится приблизительно 6 га, следовательно, по одному гектару на 1 000 человек. А в крепостях эта цифра увеличивается в три-четыре и даже восемь раз. И это вполне естественно. В лагере во время полевой войны приходится по возможности тесниться друг к другу. А в постоянной крепости уже есть возможность несколько более широкого размещения, но всегда лишь до такой степени, чтобы хватало гарнизонных войск для защиты крепости, причем, конечно, необходимо было учитывать не только величину крепости, но и многие другие обстоятельства².

¹ Hettner, «Bericht über die Erforschung des Obergermanischen-rätischen Limes», 1895, S. 25. «Bonner Jahrbuch», 11, S. 18.

Драгендорф (Dragendorf «Archäolog. Forsch. i. Deutschland», «Deutsche Monatschrift», Märzheft, 1906) указывает на то, что много раз были засвидетельствованы крепости размерами в 23 000 — 20 000 м² (следовательно, 2 гектара) на одну когорту.

² Те лагеря, которые А. Шультен нашел близ Нуманции, по отношению к количеству войск гораздо крупнее лагерей Цезаря. Это может быть объяснено тем, что те лагеря Цезаря, которые нам известны, всегда рассчитывались лишь на короткое время, в то время как при Нуманции располагали лагерь с расчетом вести более продолжительные действия.

Итак, если мы возьмем в качестве примеров Бонн, Нейс и Ламбезис, то увидим, что для защиты постоянного лагеря размерами в 20 — 25 га требовалось приблизительно около одного легиона. Что же касается Ализо, то, принимая во внимание условия, в которых находилась эта крепость, где земляная постройка была в самом угрожаемом положении, мы должны признать, что такого гарнизона было слишком мало. Даже самый маленький лагерь размером в 18 га должен был здесь иметь постоянный гарнизон не менее $1\frac{1}{2}$ легионов.

Когда мы говорим о самом маленьком из лагерей, то, пожалуй, допускаем слишком много, так как совершенно ясно, — как, впрочем, признал и сам Шуххардт, — что здесь повторяется одно и то же расположение с очень небольшими изменениями. Именно это повторение является для Шуххардта аргументом в пользу того, чтобы назвать это место Ализо, так как нам известно, что именно в Ализо дело обстояло таким образом. Если мы к тому же примем, что пристань со своими постройками и крепость на горе св. Анны должны были быть заняты войсками, то необходимо было все войско Вара, состоявшее из трех легионов, для защиты этих сооружений, так что тем самым уже не оставалось свободных войск для образования полевой армии.

Упустив из виду уяснить себе значение этого вывода, вытекающего из его гипотезы, Шуххардт сам оказался виновным в том, что наряду с Хальтерном появился другой конкурент в лице лагеря в Оберадене, окружность которого равняется почти $2\frac{1}{2}$ км.

Судя по приведенным нами выше размерам лагерей Цезаря, даже в самом небольшом из лагерей нашлось бы достаточно места для размещения трех легионов. Но так как мы должны признать, что этот лагерь был постоянным и, по всей вероятности, зимним лагерем, где обычно предоставляют войскам больше места и большие удобства, то, очевидно, в этом меньшем лагере были расположены лишь два легиона, а может быть, всего лишь только один легион. Но большой лагерь при Хальтерне и лагерь при Оберадене могли укрыть три легиона, и эти лагеря пылкий исследователь смог объявить крепостью с постоянным гарнизоном. Нужно ли еще добавлять, что, не говоря даже о том, какие громадные гарнизоны должны были поглощать эти лагеря, занимаемое ими огромное пространство было совершенно бесцельным? Для чего они могли служить? Если подходила полевая армия, то она сама себе воздвигала лагерь. А при сооружении крепости важнейшим законом было сжать как можно теснее кольцо укреплений, чтобы легче было их защищать. Между крепостью и лагерем существует не количественное, но принципиальное различие: в крепости размеры гарнизона зависят от протяжения укрепленной линии, а в лагере протяжение укрепленной линии зависит от размеров войска.

То, что было открыто в Хальтерне и Оберадене, это не крепости, а лагеря, зимние лагеря.

Когда римляне покидали такой зимний лагерь, то не представлялось необходимым ни оставлять в нем гарнизон, ни его разрушать. Ведь германцы не могли им воспользоваться. Если бы германцы захотели укрепиться в таком лагере, то при высоком искусстве римлян вести осаду они скорее попали бы в их руки, нежели Верцингеторикс в Ализо. А если бы римляне сами захотели снова занять своими войсками то же самое место и германцы со своей стороны разрушили бы его, то все же можно было бы довольно быстро восстановить земляные укрепления.

Теперь остается разрешить вопрос о том, носила ли название Ализо та большая крепость на горе св. Анны, которая занимает пространство в $7\frac{1}{2}$ га. Собственно говоря, нет никакой необходимости снова подвергать исследованию этот вопрос, так как это утверждение уже больше никем не выдвигается. Защитники Хальтерна, обосновывая свое мнение, всегда исходят из больших лагерей, рисуя яркими красками живую картину римской военной жизни так, как она представляется во всей своей

полноте и во всей своей сочности взору исследователя, возбуждая и вместе с тем покоряя его воображение. Но при наличии таких контраверз необходимо,— и мы не должны бояться делать это,— проверить все те свидетельства источников, в которых говорится о крепости на Липпе и о которых мы уже высказывались выше, с тем чтобы установить, могут ли относиться эти свидетельства к данному месту.

Когда Друз выступил против сугамбров, пишет Дион Кассий, то он их не обнаружил в их стране, так как они в это время шли походом на хаттов. После этого Друз дошел вплоть до самого Везера.

Шуххардт истолковывает это таким образом: «Двинувшись в поход против хаттов, они тем самым избежали первого натиска еще свежих римских войск». Следовательно, когда какой-либо народ в своей собственной стране подвергается нападению неприятеля, располагающего превосходными силами, то «избежать» его можно, быстро начав какую-либо другую войну, причем первый нападающий окажется настолько любезным, что отнесется с полным уважением к этой стратагеме и со своей стороны, вместо того чтобы хорошенько ударить на врага, двинется в какую-либо иную сторону. К тому же вся страна сугамбров тянется в длину не более, чем на десять миль.

Ведь могло быть одно из двух: либо Друз хотел покорить лишь пограничные германские племена, и тогда остается непонятным, почему он не использовал той возможности, которая ему представлялась в стране сугамбров, либо же он планировал большую войну против всех германцев, взятых во всей их совокупности, и тогда, конечно, он не удовольствовался бы основанием крепости в шести милях от границы, что не могло быть результатом такого крупного похода. И как подчас ни бывают хвастливы римские писатели, все же тот источник, которым пользовался Дион, не мог бы основание такой крепости изобразить в качестве великого подвига, совершенного «на страх» вражеским племенам.

Не менее неправильно и представление о том, что римляне хотели себе здесь построить укрепленную и безопасную переправу через Липпу. Для чего им была нужна такая переправа? Разве германцы могли им помешать в любом месте перейти такую маленькую речку, как Липпа? И разве римляне не могли с самого начала продвигаться либо по правому, либо по левому берегу этой реки так, как они это считали для себя в данном случае удобным? Ведь совершенно дилетантским является представление о том, что армия, значительно превосходящая противника своей численностью в открытом поле, должна, для того чтобы перейти через такую речку, как Липпа, прикрыть переправу посредством крепости.

Друз, который в течение одного года строит большой канал для того, чтобы иметь возможность напасть на германские племена со стороны моря, и который, оказавшись победителем, в следующем году не находит ничего лучшего, как построить крепость в шести милях от римской границы, конечно, окажется в наших глазах с военной точки зрения настоящим кретином.

Подполк. Дам сделал своеобразную попытку объяснить значение крепости в Хальтерне («Археологический указатель», 1900, стр. 101 — Archäol. Anz.) Он по-старому в прежнем смысле истолковывает слова Тацита («Анналы», II, 7): «*novis limitibus aggeribusque reimpita*», считая, что *limites* означает «укрепление», и думает, что Друз и Германик хотели обеспечить себе плацдарм для развертывания своих военных сил на правом берегу Рейна напротив постоянных лагерей в Ветера и в Майнце. Крепости Ализо, Хальтерн и Хорхейм (на горе Таунусе) были не изолированными, а являлись лишь «опорными пунктами, которые были окружены укреплениями (*limites*), сторожевыми постами и прочими фортификационными сооружениями». Если Хальтерн находится от большого постоянного лагеря на расстоянии двух переходов, а Хорхейм — всего лишь на расстоянии одного перехода, то это объясняется тем,

что на Липпе местность сильно пересечена и поэтому особенно благоприятна для врага. К тому же все главные военные операции начинались именно отсюда, следовательно, здесь нужно было иметь большую территорию для размещения войска, чем около Майнца.

Я должен категорически высказаться против такого истолкования. Предназначенный для выступления войска плацдарм, глубиной в один или два дневных перехода и расположенный перед большим укрепленным плацдармом, является таким понятием, которого не существует в военной истории. Германцы, согласно общепризнанному стратегическому закону, никогда не могли помешать переправиться через Рейн римлянам, владевшим всем левым берегом этой реки и имевшим возможность в любом месте собрать средства, необходимые для переправы, и организовать таковую. Если римляне хотели обставить удобствами переправу, то лучшим средством для этого были бы крепкие мосты с предмостными укреплениями, но ни в коем случае не кордонная линия, снабженная укреплениями на расстоянии одного или двух дневных переходов от Рейна. Для того чтобы защитить такую позицию, нужно было бы располагать армией, в десять раз большей, чем та, которую римляне вообще имели на Рейне. Объективно совершенно невозможное и даже бессмысленное представление о такой укрепленной исходной позиции объясняется, очевидно, дошедшим до нас традиционным и неправильным пониманием слова «*limes*» как определенного пограничного укрепления, предназначавшегося для обороны, в связи с кажущейся необходимостью найти стратегическое обоснование для крепости Хальтерн.

Мы уже выше отметили, что указание Валерия Максима (V, 5, 3), поставленное в связь со свидетельством Тацита («*Анналы*», II, 7) относительно той местности, где умер Друз и где ему был воздвигнут алтарь, не может относиться к месту, столь близко расположенному от Рейна, как Хальтерн.

Так же мало подходит к Хальтерну и указание Тацита («*Анналы*», II, 7) на то, что германцы осадили крепость на Липпе и что Германик подошел к ней с шестью легионами, чтобы снять с нее осаду. Во всей мировой военной истории не было такого случая, — и кажется невозможным, чтобы какое-нибудь место было осаждено в то время, когда в шести милях от него находилось бы неприятельское войско, значительно превосходящее своей численностью осаждающих. Даже при наличии одинаково сильного войска это стало бы возможным лишь в том случае, если бы осаждающие располагали искусством и возможностью в кратчайшее время соорудить вокруг своего войска мощные укрепления. Но германцы не были в состоянии сделать это. Римлянам достаточно было одного быстрого перехода, чтобы внезапно подвести свое войско к германцам, причем германцы, которые уже никак не могли похвастаться тщательной наблюдательностью и бдительностью, что было их слабым местом, каждую ночь могли подвергнуться внезапному нападению, в результате которого войско осаждавших могло бы быть совершенно уничтожено.

Последний из германских воинов, который был бы призван для выполнения этого предприятия, признал бы его бесполезным и опасным и потерял бы веру в предводительские способности того герцога, который столь бессмысленно подвергал бы подчиненных опасности и расточал бы свои силы.

Так же мало согласуется с этим предположением относительно Хальтерна дальнейшее указание Тацита, как мы это уже видели выше, на то, что римляне построили между Ализо и Рейном прочную дорогу. Совсем не похоже на римлян подчеркивание факта постройки дороги длиною всего лишь в шесть миль. К тому же здесь дорога уже была построена Тиберием (см. выше, стр. 111 — 112).

Римляне, бежавшие с поля Тевтобургского сражения, спаслись в Ализо. Отсюда вытекает, что крепость находилась не слишком далеко от места сражения. Шуххардт считает как раз наоборот: «Только приняв, что это расстояние было довольно зна-

чительным, можно объяснить, почему катастрофа стала такой ужасной и почему столь немногие спаслись». Поэтому рассказ якобы соответствует Хальтерну. Против этого можно возразить, что Арминий, заняв позиции в горном проходе, этим самым отрезал римлянам путь к отступлению. Поэтому совершенно безразлично, находилось ли близко или далеко от поля сражения то место, где римляне могли найти себе спасение. Да и, кроме того, ясно, что германцы, с целью отпраздновать свою победу, остались при своей добыче, а вовсе не преследовали римлян на протяжении целых пяти или шести дневных переходов и затем столько же дней шли обратно. Но если германцы не преследовали римлян, а дали беглецам спокойно бежать, то, конечно, эти беглецы не остались бы в Хальтерне, а тотчас же поспешили бы дальше к Рейну. Однако, мы знаем, что они заперлись в Ализо. Можно, пожалуй, искать Ализо близ Хальтерна в том случае, если мы предположим, что Тевтобургское сражение произошло в каком-либо другом месте. Но если мы вместе с Шуххардтом признаем, что это сражение произошло у Дэрского ущелья или где-либо поблизости от Гротенбурга (Тевтобурга), то мы должны будем признать, что Ализо не могло находиться около Хальтерна на расстоянии 20 миль от Тевтобурга и лишь одного хорошего дневного перехода от Рейна.

То же самое подтверждается ходом и продолжительностью осады. Здесь, так близко от Рейна, прославленный своей энергией римский легат Аспренас, подойдя сюда с двумя легионами, наверное, сделал бы попытку освободить осажденных.

Шуххардт придает особенное значение рассказу Тацита о том, что Германик в 16 г. посадил свое войско на корабли, вошел со своим флотом в Эмс, а затем направился к Везеру, хотя он уже с шестью легионами стоял у Ализо. Это становится понятным лишь в том случае, если предположить, что Ализо находилось на Нижней Липпе, следовательно, около Хальтерна. Мое исправление, заключающееся в том, что Германик вошел не в Эмс, а в Везер, кажется Шуххардту лишь искусственным ухищрением, имеющим своей целью спасти мое предположение, что Ализо находилось близ Падерборна. Отсюда можно заключить, что Шуххардт считал бы логичным рассказ Тацита об этом походе лишь в случае признания, что Ализо находилось близ Хальтерна. Но это исправление такое же, как если бы кто-нибудь, возражая против того, что трижды три — одиннадцать, настаивал, что правильнее было бы сказать трижды три — десять. Тот факт, что римляне, которым предстояло вести войну на Везере, ввели свой флот в Эмс, становится несколько менее бессмысленным в том случае, если мы предположим, что войско перед тем стояло у Хальтерна, а не близ Падерборна. Но даже и при таком допущении этот факт все же остается довольно бессмысленным. Это понимал и Кепп¹, а так как ему мое исправление (смещение Эмса с Везером и разделение войска) казалось слишком насильственным, то он вообще отказался от того, чтобы понять этот поход. Если же, тем не менее, Кепп в этом рассказе видит важнейшее свидетельство в пользу того, что Ализо находилось близ Хальтерна, то это с его стороны очень нелогично. Ведь если поход вообще описан так, что в нем нельзя найти логического смысла, то тем самым нельзя использовать в качестве доказательства какое-либо одно звено из этой цепи, а тем более — то, в котором как раз и скрывается ошибка.

Единственной причиной того, что Ализо искали близ Хальтерна или близ Оберадена, является то обстоятельство, что в этих местах были случайно открыты остатки римских сооружений. С психологической точки зрения вполне понятно, что этот случай явился причиной ошибки, а отсутствие вещественных остатков в местности близ Падерборна мешает широким кругам стать в данном вопросе на правильную точку зрения. На самом же деле отсутствие находок здесь имеет так же мало зна-

¹ «Korrespondenz-Bl. d. Gesamt-Ver. d. d. Gesch. Ver. eine», 1906, Sp. 405; см. Копп, «Die Römer in Deutschland», S. 37.

чения для решения этого вопроса, как и изобилие находок там. Вопрос о местонахождении Ализо решается не археологическими находками, — разве только будет найдена надпись, — а стратегическим истолкованием источников. Что касается раскопок близ Хальтерна и Оберадена, то они ни в какой мере не потеряют своего значения даже в том случае, если эти места перестанут называть Ализо. Если бы даже при Падерборне нашлись остатки римского укрепления, то это все же ничего не прибавило бы к цепи доказательств в пользу того, что здесь находилось Ализо. Почти все современные исследователи (Моммсен, Кноке, Дам, Бартельс, Шуххарлт Кепп) единогласно признают, что лагерь Вара находился поблизости от Вестфальских ворот, однакоже и здесь до сего времени не было найдено никаких следов римского лагеря. И как отсутствие археологических находок в этом месте не вводит в заблуждение исследователей, так и аналогичное отсутствие археологических находок близ Падерборна не должно вводить в заблуждение соответствующих исследователей. Вель до настоящего времени не найден и лагерь Тиберия, который был расположен у истоков Липпы. Не только возможно, но и вполне вероятно, что то или иное сооружение будет рано или поздно найдено. Всего лишь двадцать лет тому назад был найден лагерь легионов близ Нейса — каменное сооружение, а не простая земляная постройка, как лагеря и крепости в Германии. К тому же войска пользовались этим лагерем не только в течение ряда лет, но ряда поколений, и даже больше того — в течение столетий. Большие лагеря близ Хальтерна были открыты благодаря случайности всего лишь девять лет тому назад. На поверхности земли нельзя было заметить даже малейших следов этих лагерей. Пастор Прейн четыре года тому назад нашел лагерь близ Оберадена, а другой лагерь незадолго до этого был найден старшим учителем Хартманном в 20 км к юго-востоку от Липпштадта близ Кнеблингхаузена около Рютена. Но какие бы археологические открытия ни были сделаны в будущем, все же при определении их исторического значения решающие выводы даст не реконструкция отдельного лагеря или отдельной крепости, а восстановление всей стратегической цепи событий, всей стратегической картины похода. А кто отваживается вступить в эту область изучения военной истории, тот не должен делать такие ошибки, как, например, утверждение, что нельзя строить крепости в тылу противника, или смешивать крепости с лагерными укреплениями, или не учитывать соотношения между численностью гарнизонов и численностью полевой армии, или же говорить об осаде крепости, когда непобежденная полевая армия находится от нее на расстоянии двух небольших дневных переходов. А такого рода дилетантские представления находим мы у защитников гипотезы Хальтерн-Ализо.

К третьему изданию. Раскопки лагеря близ Оберадена показали, что этот лагерь древнее, чем лагерь при Хальтерне. Очевидно, здесь находился лагерь Тиберия в ту эпоху, когда он здесь укреплялся для того, чтобы поднять часть сугамбров и переселить их на другой берег Рейна. Все эти лагеря не имеют никакого значения при восстановлении связи между теми походами, которые мы в данный момент изучаем. Археологи, пытавшиеся восстановить такого рода соотношения и причинные связи, потерпели неудачу в этом деле, так как они не уяснили себе разницы между лагерем и крепостью. Я подробно разобрал этот вопрос совместно с Г. Кропачек в «Прусских ежегодниках» (т. 143, стр. 135, 1911). Конечно, решающим моментом в данном случае является то обстоятельство, имеем ли мы здесь дело с лагерем или с крепостью. Эта разница подобна разнице между пистолетом и пушкой: являясь сперва количественной, она становится затем на практике принципиальной. Цель крепости заключена в ней самой, причем эту цель следует найти и установить. Гарнизон крепости в первую очередь предназначается для занятия и обороны крепости. Вне крепости функции гарнизона носят скорее полицейский, чем военный характер. Укрепленный же лагерь сооружается не сам для себя, а ради войска, ко-

торое находит в нем защиту. Тот, кто смешает эти две функции, не сможет, вполне естественно, сделать правильные стратегические выводы.

Людвиг Шмидт («Römisch.-German. Korresp.-Bl.», 1911, S. 94) еще раз привел все аргументы в пользу того, что Ализо необходимо искать на Верхней Липпе.

Глава VII

Римляне и германцы в состоянии равновесия

Результатом Тевтобургского сражения и походов Германика явилось некоторое состояние равновесия между римлянами и германцами. Римляне не имели возможности покорить эти храбрые свободолюбивые племена, жившие в своей обширной стране, покрытой горами, лесами и многочисленными болотами и расположенной за пределами мировой Римской империи. Германцы же, в свою очередь, не могли дать римлянам сражение в открытом поле и со своей стороны перейти против них в наступление.

Экспансия Римской империи еще не закончилась. Она положительным образом развивалась еще в течение больше чем столетия, а затем в течение следующего века были намечены линии дальнейшего развития, за осуществление которого римляне вели ожесточенную борьбу. Если германцы оказались для покорения слишком храбрыми, а их страна слишком недоступной, то все же римлянам удалось покорить Британию, населенную кельтами, и основать новую провинцию Дакию в равнинах к северу от Нижнего Дуная, в областях нынешних Венгрии и Румынии. Наконец, в начале II в. римляне снова начали в широком масштабе войну против парфян и завоевали Месопотамию.

Римляне должны были прождать целых полтора года, для того чтобы, наконец, отомстить за поражение Красса и за неудачу Антония, — по той же самой причине, по которой они в конце концов отказались от покорения германцев. Нельзя согласиться с тем, что парфяне были достаточно сильны, чтобы противостоять широко организованному наступлению всей объединенной Римской империи. Но для того чтобы снова повторить поход Александра, нужно было иметь нового Александра. Марк Антоний хотел таковым стать, но не стал, — не столько потому, что он не обладал необходимыми для этого дела способностями, или потому, что это предприятие было само по себе невыполнимым, но потому, что его наступление, принятое им по особому плану, окончилось неудачей, наткнувшись на ряд препятствий, а также и потому, что он отказался повторить свою попытку. Можно было попытаться постепенно продвигаться вперед, ограничившись сперва завоеванием Месопотамии. Ведь и это пред-

приятие было настолько крупным, что один лишь император был в состоянии его выполнить. Но выполнить это предприятие мог лишь такой император, который, будучи сам по себе крупным и предприимчивым полководцем, был бы настолько уверен в своей монархической силе, а к тому же настолько привел бы государство в порядок и настолько укрепил бы государственный строй, что мог бы спокойно покинуть на годы столицу и целиком отдаться делу ведения войны на этой отдаленнейшей из границ империи. Ни императоры из дома Юлиев-Клавдиев, ни императоры из дома Флавиев не были способны на это и не находились в таком положении, которое давало бы им возможность выполнить это дело. Лишь в лице Траяна (98—117) Римская империя получила такого вождя, который соединил в себе все необходимые для этого условия. Траян командовал римскими легионами на Верхнем Рейне, причем его главная квартира находилась в Майнце в тот момент, когда он был вызван для занятия по праву усыновления престола Цезаря. Казалось бы, что если он хотел вести войну, возвышать славу и честь римского имени и оберечь государство от грядущих опасностей, то должен был бы в первую очередь завершить дело окончательного покорения Германии. Но он не отважился на это. Аппиан сообщает нам, что римляне не завоевали самой северной части Британии, так как эта страна не принесла бы никакой пользы Римской империи. То же самое соображение могло оказать свое влияние на римских полководцев и в момент, когда в римской главной квартире обсуждался вопрос о целесообразности и необходимости присоединения Германии к Римской империи. В результате этого Траян охотнее обратил свое внимание на Дакию и в конце концов двинулся против парфян. Он, действительно, присоединил к римскому государственному организму Армению и Месопотамию, но умер еще весь захваченный этой войной, а после его смерти тотчас же проявились та взаимная связь и то взаимодействие, которые существовали между внутренним строем римского государства и делом ведения войны. Преемник Траяна Адриан, * не имевший твердых законных оснований для обладания верховной властью, не был в состоянии ни сам продолжать войну против парфян, ни доверить ее ведение какому-либо полководцу. Он заключил мир и отказался от завоеваний Траяна. В дальнейшем римляне еще много раз доходили до Тигра и даже переправлялись через него, но всегда лишь на короткое время устанавливали там свое господство.

Но план доведения государственной границы до Эльбы вообще никогда не возобновлялся римлянами, и, таким образом, отзыв Германика Тиберием явился решающим поворотным пунктом в мировой истории. С этого дня римляне отказались от широкого наступления против германцев и в сущности ограничились охраной и обороной своих границ. Но эта оборона границ была в своем роде совершенно новой задачей, поставленной перед военным искусством.

Когда Тиберий прекратил поход Германика, то легионы не были тотчас же полностью переведены на левый берег Рейна, но продолжали еще занимать и на правом берегу некоторые зоны и пункты¹.

¹ Некоторые следы указывают на то, что даже Веттерау в 16 г. не было уступлено германцам; хотя оно и не было заселено римлянами, но все же оставалось римской оккупационной областью. Но этому, по моему мнению, противоречит указание Тацита («Анналы», II, 19). Если здесь говорится про Клавдия, что он «так строго запретил новый поход против Германии, что даже приказал перевести гарнизоны

Более того, римляне даже продвинулись несколько вперед. Удобный угол между Рейном и Майном, а также серебряные рудники, которые были открыты на Лане, так манили к себе римлян, что они, наконец, заняли всю эту местность и даже населили ее, хотя тем самым перешагнули через большую защитную линию Рейна и должны были поэтому создать себе здесь для обороны искусственную границу. Затем в этом исходящем углу была еще присоединена к этой области Веттерау и наконец, угол между Рейном и Дунаем, с Оденвальдом и Шварцвальдом.

И эту границу надо было защищать.

Хотя германцы и не были в состоянии нападать на Римскую империю, всегда прикрытую готовыми к бою легионами, но все же они ни в коем случае не были совершенно миролюбивыми соседями. Римляне нуждались в постоянной войске не только для того, чтобы иметь возможность разбивать германцев в больших сражениях и отбрасывать их назад, но и для того, чтобы изо дня в день оборонять границу от разбойничьих нападений, так как варварские государства в этом отношении не могли давать международные гарантии безопасности, даже если бы они этого хотели, ввиду того что сами они не могли держать свои войска в достаточном для этого повиновении.

Чрезвычайно трудно на протяжении сотен миль охранять границу от противника, всегда готового к бою. Всюду и всегда можно ждать неприятельского вторжения. Если пограничные войска равномерно распределены вдоль всей границы, то они всюду одинаково слабы и потому легко могут быть опрокинуты сосредоточенной мощной армией противника. Если же войска размещены лишь в нескольких пунктах, то большие промежутки между ними остаются обнаженными и лишенными охраны.

На Нижнем Рейне римляне обезопасили себя тем, что заключили длительный союз с германскими племенами, жившими на другом берегу реки, — с батавами, канинефатами и фризами. Молодежь из среды этих племен в большом количестве поступала на римскую службу, получая за это от римлян жалованье. Это обстоятельство служило залогом того, что родственники этих германцев, оставшиеся у себя на родине, сохраняли хорошие отношения с римлянами. Хотя эти отношения и нарушались иногда крупными волнениями, однако, римлянам каждый раз удавалось преодолевать подобные затруднения.

Дальше, вверх по течению, приблизительно вдоль теперешней прусской Рейнской провинции, границей оставалась река. Но римляне при этом позаботились, чтобы на правом берегу реки широкая полоса земли осталась незаселенной. Поскольку германцы, прежде чем вторгнуться в римскую область, должны были сделать сперва дневной переход, для того чтобы пересечь эту пустынную область, и лишь после этого могли переправиться через Рейн, постольку, конечно, такое предприятие, при некоторой бдительности римских патрулей и сторо-

на эту сторону Рейна», то попытка объяснить эти слова тем, что они относятся к Нижней Германии, едва ли допустима, — тем более, что этому противоречит одно указание Тацита в «Германии» (гл. 29), где он говорит: «Величие римского народа распространило уважение к своей власти за Рейн, за прежние границы империи». Наконец, и Сенека говорит: «Пусть Рейн служит границей Германии». Германик сражался не только в Нижней Германии, но воевал с хаттами именно здесь, в Веттерау Ср. Herzog, «Bonn. Jahrb.» 1901, N. 105, S. 67. Я не берусь решить вопрос, каким образом можно объяснить это противоречие.

жевых постов, становилось трудно выполнимым. Вполне естественно, что особенно внимательно следовало охранять берег Рейна, расположенный против устья рек, впадавших в Рейн с восточной стороны, так как, проплыв по этим рекам, германцы могли внезапно появиться на Рейне.

Между Кобленцом и Бонном, немного ниже Нейвида, граница переходила на правый берег и отсюда начинался пограничный вал, который в трех милях выше Франкфурта пересекал Майн и тянулся вплоть до Дуная, у Кельтейма, близ устья Альтмюля, расположенного выше Регенсбурга, срезывая, закрывая и защищая, таким образом, угол, находящийся между Рейном и Дунаем.

Отдельные части этого пограничного вала построены в различное время и различным образом. На Неккаре еще и теперь можно различить довольно большую часть более древней пограничной линии, перед которой была несколько позднее построена другая линия, более выдвинутая вперед. Там, где границу образовывало быстрое течение реки либо излучина Майна или Неккара, являясь естественной защитой, — там прекращался пограничный вал.

Благодаря исследовательской работе последних лет мы можем теперь не только проследить линию, но и историю этого до сих пор еще частично сохранившегося пограничного дозорного вала — Чортовой стены, как его теперь называет народная молва. Проследить его историю мы можем теперь довольно точно, так что, по выражению одного зоркого исследователя, постепенно исчезает монументальная застылость этого колоссального сооружения и пробуждается к нему интерес, всегда связанный с идеей развития.

При Тиберии и его ближайших преемниках еще не была воздвигнута непрерывная линия укреплений, направленная против германцев. Веспасиан на Верхнем Рейне продвинулся через Шварцвальд вплоть до Неккара, чтобы установить, таким образом, кратчайшую линию связи. Овладение этими областями не представило никаких трудностей, так как они были почти необитаемы. Но на линии Неккара римляне уже подошли близко к германцам, так что сыну Веспасиана Домициану пришлось после войны с хаттами оккупировать Веттерау. Таким образом, теперь появилась потребность в обороне длинной сухопутной границы, особенно затрудненной тем, что пограничная линия в области Веттерау имела форму исходящего угла.

Домициан, завоевавший и занявший эту область, основал ряд крепостей, расположенных в строгой системе и предназначенных для обороны этой области. Может быть, уже при нем, а может быть, и несколько позднее, появилось то, что мы в более узком смысле этого слова называем пограничным валом, т. е. непрерывная линия укреплений, соединявшая между собой крепости. Первый пограничный вал состоял из сплетенных оборонительных щитов (*vineae*).

При Адриане вместо них появились палисадные ограждения, а через несколько поколений палисады были дополнены и заменены валом и рвом. Приблизительно в начале III столетия к этим укреплениям прибавилась последняя часть, а именно высокая каменная стена, расположенная на участке к северу от Дуная, на ретской границе. При этом пограничная линия, которая раньше устанавливалась ближе к местности, ограниченной горами и реками, проводилась теперь, в интересах лучшего наблюдения и лучшей сигнализации, по

возможности напрямик. Ретская стена, как это еще теперь можно установить, в некоторых местах достигала высоты не менее 2,5 м.

Поэтому различают верхнерейнский пограничный вал, идущий от Нейвида на Рейне, огибающий Веттерау и достигающий Лорха в Вюртемберге, к северу от Штутгарта, и ретский пограничный вал, идущий от этого места в направлении с запада на восток и доходящий до Дуная поблизости от Регенсбурга.

Как это можно видеть еще и теперь, верхнегерманский пограничный вал состоял из земляного вала и рва, а ретский пограничный вал — из стены, построенной из неотесанного выломанного камня. У первого вала на расстоянии приблизительно пяти минут хода расположены небольшие сторожевые башни, а на расстоянии не свыше двух миль друг от друга — постоянные укрепления (крепости) различной величины, рассчитанные в среднем на помещение гарнизона приблизительно около когорты. Эти укрепления (крепости) были первоначально построены из земляных стен, а сторожевые башни — из дерева. Затем уже стали строить эти сооружения из камня.

Укрепления (крепости), находившиеся у ретской стены, были расположены не непосредственно за нею, а на расстоянии 4—5 км. Как ни значительны различия между верхнегерманским и ретским пограничными валами, все же мы не имеем никакого права и никаких оснований сделать отсюда вывод, что эти сооружения предназначались для различных целей. Различия объясняются отчасти грунтом, который, будучи в первом случае мягким, наталкивал мысль на создание земляного вала и рва, а в другом случае — скалистым, наводил на постройку каменной стены, отчасти же объясняется и представлениями различных полководцев относительно целесообразности того или иного вида сооружений. Но и на верхнегерманской пограничной линии мы иногда встречаем вместо вала и рва остатки стены.

Теперь можно уже совершенно отказаться от прежнего представления, будто бы этот пограничный вал предназначался для непосредственной обороны, так как совершенно ясно, что нельзя занимать войсками линию длиною свыше 70 миль. Да к тому же установлено, что в некоторых местах вместо вала срезан холм, но по направлению не к германской, а к римской стороне¹ или что вал насыпан вдоль внешней, а не вдоль внутренней стороны болота. Но если под влиянием этих наблюдений и этих фактов дошли до того, что стали начисто отрицать военное значение такого сооружения и видеть в нем лишь таможенный кордон, то это, конечно, является неправильным преувеличением. Совершенно невозможно допустить, чтобы торговля с бедной Германией достигла таких размеров, что оправдала создание столь грандиозного сооружения, как пограничный вал. Однако, в действительности он все же является военным сооружением.

Во-первых, пограничный вал был весьма существенным препятствием для тех всадников, которые пытались бы пересечь границу и вторгнуться в римскую область. А затем, как на это указал ген. Густав Шредер², пограничный вал являлся серьезным препятствием при отступлении противника. Гарнизоны сторожевых башен, состоявшие в большинстве случаев из трех человек, не были в состоянии поме-

¹ Это, по крайней мере, утверждает ген. Шредер («Preuss. Jahrb.», Bd. 69, S. 511). Но я нигде не нашел этому подтверждений.

² «Preuss. Jahrb.», Bd. 69, S. 514.

шать вторжению разбойничьих германских банд в римскую культурную область. Но со сторожевых башен можно было наблюдать за окрестной местностью и сигнализировать об опасности. Все сторожевые башни были расположены таким образом, что, находясь на них, можно было окидывать взором местность, лежавшую перед стеной на расстоянии нескольких сот метров, и в то же время устанавливать и поддерживать связь с укреплениями, находившимися позади стены. На колонне Траяна изображены башни, на вершине которых помещен факел, служивший, очевидно, в качестве сигнала. При первом сигнале из укрепления тотчас же выходил отряд, чтобы захватить перешедших границу. И тут-то пограничный вал оказывался для римлян чрезвычайно полезным, так как он служил для преследуемых во время их бегства серьезным препятствием. Преследуемые римлянами германцы не могли быстро перейти через вал и во всяком случае не могли быстро перетащить через него свою добычу — скот, пленных или повозки¹. А преследователи, если они одновременно надвигались с разных сторон, с самого начала стремились к тому, чтобы настигнуть врага близ вала. То же самое было и при крупных военных вторжениях, когда недостаточно было гарнизона одной или даже нескольких крепостей и когда нужно было двинуть легионы из далеко расположенных постоянных лагерей. Победа легионов могла привести к уничтожению врага, если только удавалось прижать врага к пограничному валу.

Пограничный вал имел значение также и для охраны границы, так как он давал хорошее прикрытие римским патрулям и войскам во время их обходов и осмотров пограничной полосы. Германцы, приближавшиеся к валу, всегда могли ожидать, что как раз около того места, где они хотят перейти через вал, находится римский наблюдательный пост.

На всем протяжении от Рейна до Дуная находилось около 50 крепостей, занятых римскими гарнизонами. Таким образом, если считать сторожей на небольших сторожевых башнях, то можно предположить, что пограничный вал охранялся 15 000 и во всяком случае не более 25 000 человек². Все эти войска состояли не из римских легионов,

¹ Совершенно такую же систему расположения сторожевых башен на границах и огневой сигнализации находим мы в Швейцарии вплоть до XVIII в. Чрезвычайно интересные сведения сообщает по этому поводу на основании актов и топографических исследований E. Lüthi, «Die bernischen Chuzen oder Hochwachten im 17 Jahrh.», 3 Auflage, Bern 1905. Когда фрейбуржцы в 1448 г. совершили грабительский набег в Бернский кантон, то об их выступлении было сообщено со сторожевой башни, расположенной на Гуггерсхорне, в главный город кантона. И тотчас же после этого собрался бернский ландштурм, который, однако, не выступил прямо против фрейбуржцев, но отрезал им путь к отступлению, нанес им поражение и отнял у них добычу.

Также между Хиршбергом и Ризенгебирге близ Арнсдорфа находятся остатки такой каменной сторожевой башни, расположенной на холме, с которого можно было наблюдать за различными горными переходами. Эта башня, может быть, относится к эпохе гусситов.

² Моммсен исчисляет («Römische Geschichte», V, 108, Anm.) вспомогательные войска верхнегерманской армии в эпоху Домициана — Траяна приблизительно в 10 000 человек. Пограничный вал в Реции был значительно короче и слабее защищен гарнизонами, чем в Верхней Германии. Войска, расположенные в Реции и насчитывавшие, согласно Моммсену (V, 143), в общей сложности не более 10 000 человек, должны были сверх того защищать дунайскую линию от Регенсбурга до Пассау. Поэтому Моммсен полагает, что в крепостях в мирное время стояли очень слабые гарнизоны. Но все же они должны были быть достаточно сильными для того, чтобы иметь воз-

а из вспомогательных частей, следовательно, отчасти из самих германцев, состоявших на римской службе. Легионы находились дальше позади крепостей, на Рейне. Большая — основная — часть армии была расположена в главной квартире в Майнце; другая часть — в Страсбурге и сперва (до 105 г.) в Виндише у Цюриха, а отдельные отряды, может быть, находились также в некоторых крепостях, расположенных между этими пунктами. Нижнегерманские легионы стояли в лагерях, расположенных в Бонне, Нейсе, Нимвегене и, главным образом, в Ветера-Ксантах, где в течение долгого времени находилась главная квартира этой провинции. В Верхней и Нижней Германии было расквартировано по 4 легиона, а в Ретии совсем не было легионов. Если мы сосчитаем все эти войска, состоявшие из восьми легионов и вспомогательных частей, то увидим, что римляне имели на всей линии от Северного моря вдоль Рейна, пограничного вала и Дуная приблизительно 70 000 человек.

Система охраны границ, установленная римлянами, основывалась не на безусловной и непосредственной обороне пограничной линии, а на ряде других мероприятий. Римляне старались по возможности затруднить германцам переход через границу, либо доводя пограничную линию до какого-либо естественного препятствия, как, например, до реки, либо же создавая естественное препятствие — пограничный вал — и перед ним для его защиты пустынную полосу земли. Германцы, конечно, могли, преодолев эти препятствия, проникнуть через границу, но хорошо организованная система наблюдения и связи всегда давала римлянам возможность принять меры к тому, чтобы тотчас же наказать перешедших границу германцев. Эти меры воздействия должны были приучить германцев к мысли о том, что даже если бы они и могли захватить какую-либо добычу по ту сторону границы, то все же с большим трудом могли бы доставить эту добычу к себе домой.

Во время действительной войны пограничный вал не мог представить собой какую-либо преграду для наступления большого войска и даже мог бы оказаться опасным, так как для его обороны надо было разбивать войска на части и распылять их вдоль пограничной линии. Но это было неизбежно, так как граница требовала охраны. Именно учитывая эту возможность войны, римляне не распределяли своих легионов вдоль кордонной линии, но держали их позади, на Рейне, в качестве главного резерва.

Мы уже теперь знаем, что германцы не могли быстро собрать большое войско и что римляне имели в Германии достаточно связей, что давало им возможность своевременно узнавать о крупных передвижениях германцев. Поэтому римляне всегда были в состоянии во время большого вторжения германцев выступить против них, объединив свои легионы с ближайшими вспомогательными войсками.

Под прикрытием охранявших границы легионов римская культура, несмотря на непосредственную близость девственного леса и грубую дикость мощного и близкого к природе народа, смогла распу-

можность сопротивляться внезапным нападениям и, кроме того, высылать отряды для преследования значительных разбойничьих банд. Нижнегерманские вспомогательные войска были, по мнению Моммсена, может быть, еще менее многочисленными, чем верхнегерманские.

ститься здесь всеми своими утонченными цветами. Даже теперь мы изумляемся развалинам римских сооружений, особенно в Трире.

С течением времени римляне стали себя чувствовать в Германии настолько спокойно и уверенно, что в середине второго столетия уменьшили количество легионов с четырех до двух, по два в нижне- и в верхнерейнском военных округах.

ОПИСАНИЕ РИМСКОЙ ГРАНИЦЫ

Описание римской границы, данное Моммсенем в V томе его «Римской истории» (1885, стр. 140 и сл.), отчасти подтверждено, отчасти изменено, а главным образом распределено в хронологическом отношении благодаря систематической исследовательской работе, проводившейся Государственной комиссией по изучению римской границы, организованной правительством Германской империи. Результаты раскопок и исследований этой комиссии публикуются в «Листке по изучению римской границы» («Limesblatt»), а также в прекрасных отчетах, которые по большей части принадлежат перу директора Хеттнера и проф. Фабрициуса и с 1895 г. ежегодно печатаются в «Археологическом указателе» («Archaeologischer Anzeiger»).

В докладе, который Хеттнер в 1895 г. прочел на собрании филологов в Кельне и затем опубликовал (в Трире, в издании Фр. Линца), ясно изложены все результаты которые достигнуты в этом отношении вплоть до 1895 г.

Из более поздних работ следует указать на исследования проф. К. Херцога «Критические замечания к хронологии римской границы», опубликованные в «Боннских ежегодниках» («Bonner Jahrbücher», Heft 105, 1905), и на «Римские дороги в пограничной полосе» ген.-лейт. фон-Сарвея, напечатанные в «Западногерманском журнале истории и искусства» («Westd. Zeitschr. f. Gesch. u. Kunst», Jahrg. 18, 1899).

Затем следует указать также и на прекрасную сводную работу Фабрициуса «Происхождение римских пограничных сооружений в Германии» (Fabricius, «Die Entstehung der Römischen Limesanlagen in Deutschland». Trier. Lintz. 1912, a. d. «Westd. Zeitschr.») и на его же исследование «Римское войско в Верхней Германии и в Ретии» («Das römische Heer in Obergermanien und Raetien», «Histor. Zeitschr.», Bd. 98, 1906).

Мое описание основывается на краткой сводке и военно-историческом освещении этих исследований, причем я опускаю отдельные подробности и промежуточные ступени.

ПАЛИСАДНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ

В свое время полк. Кохаузен в большой работе «О римском пограничном вале» указал, что с технической стороны является совершенно невозможным покрыть пограничный вал палисадом и что поэтому такое мнение следует отклонить. Ген. Шредер в «Прусском ежегоднике» («Preuss. Jahrb.», 69, 508) согласился с точкой зрения Кохаузена, так как непрочность дерева должна была требовать от гарнизонов крепостей постоянной работы по исправлению и восполнению палисадов. Однако, были найдены несомненные остатки палисадов, а факт постоянной работы солдат над сохранением в порядке палисадов не может служить основанием для отрицания факта существования палисадов. Можно даже, пожалуй, сказать, что эта работа была полезной в смысле поддержания дисциплины среди солдат гарнизонов, которые, вообще говоря, были мало заняты работой. Таким образом, перед нами здесь пример того, что не только филологи, но даже и техники могут заблуждаться. Согласно мнению двух призванных и авторитетных специалистов было опровергнуто указание археологов, основанными на фактах.

ПОГРАНИЧНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ДОМИЦИАНА

Они засвидетельствованы, как это обычно принято думать, словами Фронтин (I, 3, 10): «Соорудив дороги (limitibus) на протяжении 120 миль, он не только тем самым изменил характер войны, но и подчинил своей власти врагов, лишив их убежищ». Ген. Вольф в «Военном еженедельнике» (Militär-Wochenblatt, 1900, № 102, sp. 2533) высказался против использования этого свидетельства. Он обратил внимание на то, что в тексте сохранившейся рукописи стоит не «limitibus», а «militibus», что чтение «limitibus» основывается на одной лишь коньектуре и что, объективно говоря, такие крупные сооружения по укреплению границы совершенно невозможно было выполнить в течение кратковременного похода.

Прежде чем приступить к сооружению таких укреплений, нужно победить и покорить врагов. Если бы римляне разделили свои войска, то такие смелые и предприимчивые противники, как хатты, непременно напали бы на отдельные части римских войск, занятые работами и постройкой. Здесь мы имеем перед собой пример того, — прибавляет автор этой работы, — как недостаточное понимание военного факта может ввести в заблуждение лучшего знатока латинского языка.

Вопрос здесь заключается не в этом противоречии. Уже ген.-лейт. фон-Сарвей признал правильным чтение «limitibus», и это чтение, без сомнения, является правильным. Вся глава Фронтин трактует о нахождении в каждом данном случае правильной стратегической системы и поэтому называется «Об установлении характера (или типа) войны». Автор доказывает, что Александр и Цезарь имели достаточные основания для того, чтобы стремиться к решению войны сражениями, а Фабий Кунктатор со своей стороны был прав, поступая как раз наоборот. Перикл освобождал страну и вел войну на море. Сципион освободил Италию от Ганнибала, двинувшись со своими войсками на Африку. И в этой связи говорится о Домициане: «Так как германцы, по своему обыкновению появляясь друг за другом из своих лесов и тайных убежищ, нападали на наших и имели к тому же возможность спокойно возвращаться обратно в глубину своих лесов, то император Цезарь Домициан Август, построив дороги на протяжении 120 миль, не только тем самым изменил характер войны, но и подчинил своей власти врагов, лишив их убежищ». Если мы примем чтение «войнами» (militibus), то перед нами окажется картина самого обычного похода, и тогда не может быть и речи об организации особого типа войны. Если мы примем чтение «limitibus», то эта трудность в объяснении нашего текста исчезнет; но если мы будем придерживаться обычного истолкования слова «limes», как пограничного укрепления, то слова «лишил убежищ» будет все же трудно объяснить. Поэтому я хотел бы предложить понимать здесь слово «limites», как и у Тацита («Анналы», II, 7.) не в смысле «границы», а в смысле «дороги». Такая интерпретация дает всему параграфу точный смысл и твердую связь. И тогда этот отрывок получает такое значение: хаттов невозможно было настигнуть в их тайных убежищах, поэтому Домициан проложил через их страну дороги протяжением в 120 миль (180 км) и тем самым не только изменил характер войны, но и покорил врагов, подчинив их своей власти благодаря тому, что сделал доступными их тайные убежища.

Если такое истолкование и уничтожает свидетельство относительно сооружения пограничного вала Домицианом, то по существу все же при этом ничто не изменится, так как все равно ясно, что нужно было охранять завоеванную область, а находки вместе с тем доказывают факт сооружения крепостей в эпоху Домициана.

Вполне естественно, что сооружение дорог, крепостей и заборов не влекло за собой раздробления армии, но что такие постройки производились частями под защитой войск, собранных для этой цели в достаточном количестве.

Ко 2-му изданию. Оксе в своем исследовании, посвященном «limes'y» («Боннский ежегодник» — «Bonner Jahrb.», 114, S. 109), предлагает изменить цифру

12 000 на 120 футов (предлагая вместо «limitibus per centum viginti milia actis» чтение «limitibus per CXX actis», относя эту цифру не к длине, а к ширине дорог. Это, действительно, является классическим примером того, к каким ошибкам может привести филологическая ученость при отсутствии специально военных знаний. Против этого можно возразить, что, во-первых, трудно понять, каким образом римляне, успех дела которых зависел от быстроты его выполнения, могли бы взять на себя невероятно трудную работу по постройке в дикой чаще дороги шириной в 120 футов, в то время как совершенно достаточной была бы дорога шириной в 30 или даже в 20 футов. Но если мы даже эту цифру 120 футов отнесем не к самой дороге, а ко всему тому пространству в лесу, которое было вырублено для того, чтобы затруднить нападения врагов, то все же ширина просеки будет иметь очень мало отношения к длине дорог. Император во время своего похода построил во вражеской стране 180 км дорог. Это было большим делом и средством для того, чтобы подчинить римлянам область, заселенную германскими племенами. Только человеку, ничего не смыслящему в военном деле, могла бы притти в голову мысль сохранить потомству цифру, указывающую вместо длины ширину дорог. Поэтому нет совершенно никаких оснований к тому, чтобы так неудачно исправлять это совершенно бесспорное в данном отношении чтение рукописного текста.

Фице в своей работе «Война Домициана с хаттами» (программа 8-го городского реального училища в Берлине, 1902 г.) еще придерживается перевода «limites» — пограничные укрепления.

4. Макс Вебер («Handwörterbuch der Staatwissenschaften», I, 180) нашел очень своеобразное обоснование для того факта, что римляне вернулись к политике обороны границ от германцев. Вебер полагает, что крупные провинциальные земельные собственники-посессоры «требовали от войска прежде всего защиты и охраны своих владений и, следовательно, ставили перед ним оборонительные задачи». Относительно этого следует отметить, что нельзя крупных земельных собственников защищать от варваров иначе, чем всех прочих людей, и что также для них лучшей защитой против германцев было бы покорение германцев, — конечно, в том случае, если бы это вообще было возможно.

Глава VIII

Внутренняя жизнь римской императорской армии

Нашей задачей не является сводка всего материала и сравнительное изучение всех известных нам древностей, которые имеют отношение к римскому военному искусству, но все же мы должны попытаться представить себе хотя бы в самых общих чертах внутреннюю жизнь этого крупного организма.

Римская армия получила свое окончательное устройство благодаря всеобъемлющему и систематическому регламенту, изданному Августом, — так называемым «постановлениям Августа» (constitutiones

Augusti). Хотя эти постановления до нас и не дошли, все же мы можем восстановить их общий характер по отдельным цитатам, разбросанным у различных авторов.

За время гражданских войн число легионов постепенно увеличивалось. Цезарь оставил после себя 40 легионов, триумвиры располагали несколько большим числом, а их противники—республиканцы—двадцатью тремя. Октавиан и Антоний в 36 г. имели вместе в своем распоряжении приблизительно несколько более 75 легионов. В более древнюю республиканскую эпоху в легионы принимались только римские граждане. Но с течением времени этот принцип был не только оставлен, но, если так можно выразиться, даже перевернут вверх ногами: прием в легионы стал давать право римского гражданства. Несомненно, что уже легионы Цезаря лишь в незначительной части состояли из прирожденных римских граждан, и этот факт в еще большей степени можно наблюдать в легионах триумвиров. Многие из этих легионов имели лишь с самой внешней стороны легкую римскую окраску. *Виргилий* в одном месте¹ категорически называет ветеранов, поселенных в Италии, варварами. Когда Август окончательно и неоспоримо утвердил свое единодержавие, то он снова вернулся к древним основам и, действительно, гениальным образом сумел их сочетать с условиями мировой империи, надстроенной над городом Римом и латинским племенем. Он не пошел настолько далеко, чтобы с безусловной четкостью отделить одни от других войсковые части, состоявшие из граждан и неграждан, но все же армия соответственно политической структуре государства была организована по различным национальным ступеням. Если бы в те же самые воинские части на долгий срок и без всякого разбора включались и римляне и неримляне, то латинский элемент в каждой войсковой части стал бы настолько слабым, что он не смог бы ни ассимилировать другие элементы, ни господствовать над ними. При такой неопределенной расплывчатости пострадало бы и военное значение этих войсковых частей.

Таким образом, Август сперва сократил число легионов, — как кажется, до 18, — а затем опять увеличил его, доведя к моменту смерти до 25, к царствованию же *Септимия Севера* это число достигло 33. Но в то время как в эпоху гражданских войн наряду с легионами существовали вспомогательные войска, состоявшие, главным образом, из легковооруженных войск и всадников, в императорскую эпоху стали уже различать тяжеловооруженную пехоту, подразделенную на легионы подчеркнутого римского типа, и вспомогательные войска, состоявшие из организованных по территориальному принципу когорт. Вместе с тем был сохранен принцип, по которому служба в легионе давала право на римское гражданство. Таким образом, они ни в коем случае не набирались из одних лишь прирожденных римских граждан, но все же мы должны принять, что неграждане, зачисляемые в легионы, были до некоторой степени романизованы, а именно знали латинский язык, так что не нарушали общего римского характера войсковой части.

При императорах из дома Юлиев западные легионы в своей основе состояли еще, главным образом, из италиков. Но со времени *Веспа-*

¹ «*Eclog.*» I, 71.

сиана это явление стало постепенно исчезать¹; италики сохранили преобладающее положение лишь в преторианской гвардии в Риме. Легионы стали пополняться в тех провинциях, в которых они стояли. Как указывают надписи, даже германцы стали вступать в легионы во все большем и большем числе². В одной сохранившейся надписи преторианец говорит, совсем как некогда Вергилий, о «варварских легионах». Но это были варвары лишь по крови. А по своему духу, по своим обычаям и по своему языку это были представители, конечно, первоначально варварских, но теперь подвергавшихся романизации племен, входивших в состав империи, которые окончательно романизовались на римской службе и из среды которых вербовались римские легионы.

Римский характер этих легионов в дальнейшем обеспечивался тем, что центурионы лишь в очень незначительной части выходили из состава самих легионов, а в значительно преобладавшей части брались из состава императорской гвардии — преторианцев, которые состояли из италиков³. Единый и целостный характер офицерского корпуса (командного состава) всей армии сохранялся и поддерживался посредством частого перемещения центурионов из одного легиона в другой, о чем мы узнаем из надписей главным образом надгробных.

Во вспомогательных войсках также, возможно, служили отдельные римские граждане, но в своей массе эти войска состояли из еще не романизованных римских подданных. Вооружение, способ ведения войны и дисциплина в этих войсках были такие же, как и в римских легионах. Старшие и младшие командиры были римляне, служебным языком был римский, а обиходным языком был, очевидно, родной язык⁴. Таким образом, различие между вспомогательными войсками и легионами было лишь весьма относительным, причем это различие с течением времени все больше и больше стиралось.

Эти вспомогательные когорты являлись переходной ступенью как к вспомогательным легковооруженным войскам и коннице, организованным по национальному принципу, так и к чистым варварам, которые были скорее союзниками, чем подданными римлян, и которые следовали за римским войском, имея собственное оружие, собственную организацию и находясь под командой своих собственных предводителей. Но и здесь были еще различные переходные ступени.

Тацит рассказывает («Агрикола», гл. 28), что в Британии одна когорта усипетов подняла восстание, убила своего центуриона и рим-

¹ W. Bähr, «De centurionibus legionariis». Diss. Berol. 1900, S. 45, ff.

² Bang, «Die Germanen im röm. Dienst», S. 78.

³ Этот чрезвычайно существенный и новый факт установлен благодаря тщательному исследованию надписей, произведенному Домашевским (Domaszewski, «Die Rangordnung des römischen Heeres», 1908).

⁴ Этого требовала сама природа вещей, и это явствует из одного замечания Гигина (de mun., cap. 42), приведенного Домашевским (Domaszewski, «Rangordnung», S. 60). Порядок был такой же, как и в австрийской армии (до 1918 г.), в которой полки наряду с общеармейским немецким языком пользовались своим собственным национальным полковым языком. Благодаря все усиливавшейся романизации провинций постепенно стирался национальный характер когорт. И вообще могло случаться, что когорты, расположенные очень далеко от своей родины, принимали в свою среду чуждые элементы и благодаря этому меняли свой характер. В этом отношении нужно согласиться с Моммсенем, который подчеркивает («Hermes», 19, 211), что заключать о национальном характере когорт, исходя из их названия, можно лишь применительно к эпохе их возникновения.

ских солдат, «которые были введены в состав манипул для поддержания дисциплины и которые должны были служить примером для солдат, являясь их руководителями», и пыталась на трех кораблях бежать к себе на родину. Таким образом, в данном случае римляне сделали попытку принудительно и окончательно сковать упрямых германцев формами римской военной организации.

Батавы же, которые взбунтовались при Цивилии, хотя также входили в состав когорт, не были, очевидно, организованы по чисто национальному принципу. Однако, именно после этого восстания римляне стали осторожнее. Они уже перестали организовывать германцев по округам, но распределяли их по разным частям, пользовались ими вдали от их родины и заменяли командиров, происходивших из их собственных княжеских родов, римскими офицерами. Аналогией к этим римским вспомогательным войскам является современная английская армия в Индии.

Очень существенным моментом, характеризующим римское войско, является способ составления более крупных войсковых соединений.

К каждому легиону присоединялось большее или меньшее количество вспомогательных когорт, но они никогда не превосходили своей численностью легион, в большинстве же случаев были значительно слабее его. Хотя эта система и не проводилась с абсолютной строгостью, — так что, например, в Реции мы находим вспомогательные войска без всяких легионов, — все же этот момент присоединения является самым основным моментом. Следует себе только ясно представить, насколько все изменилось бы, если бы иноземные когорты были объединены в крупные части или если бы все войска рассматривались как некое единство. В первом случае римский и неримский элементы противостояли бы друг другу как две равноправные силы, а во втором случае римский элемент был бы подавлен численным превосходством варваров. Римскому элементу обеспечивали господствующее положение во всем римском войске тем, что ставили в центр легионы, допуская в них, однако, романизованных варваров и группируя вокруг них почти варварские или вполне варварские вспомогательные войска. Отдельные и обособленные когорты не имели иной точки соприкосновения, кроме легиона. Поэтому процесс романизации должен был необходимым образом исходить из самого внутреннего римского ядра легиона, постепенно распространяясь на внешние круги и продвигаясь все дальше и дальше.

Численный состав легиона в том случае, если он был полным, оставался в пределах прежней цифры, т. е. приблизительно около 6 000 человек. Мы можем предположить, что общая численность легиона вместе с конницей, которая к нему присоединялась, а также со вспомогательными войсками достигала в среднем 9 000—10 000 человек.

По закону и принципиально продолжала существовать, как и раньше, всеобщая воинская повинность, но на практике пополнение армии основывалось на добровольном поступлении на службу и на вербовке. Раз вступивший в армию брал на себя обязательство служить 20 лет, а в преторианской гвардии — 16 лет, но на самом деле срок этого обязательства значительно удлинялся. Так, мы знаем, что некоторые солдаты, в физическом отношении уже изношенные, все же задерживались под знаменами в рядах армии даже в том случае, когда они получали формальное увольнение. Тогда их ставили в при-

вилегированное положение, освобождали от служебных работ, даже выводили их из состава легиона и образовывали из них отдельные небольшие части (вексилляция — маленькие знамена). Причиной этого являлась не трудность вербовки или обучения рекрутов, но стремление сэкономить на пенсиях, которыми нужно было обеспечить ветеранов.

Иногда случалось и так, что добровольная вербовка не давала достаточного для пополнения армий числа солдат, и поэтому приходилось прибегать к набору. Однако, назначенный к военной службе мог вместо себя выставить своего заместителя, что в свою очередь указывает на наличие в действительности людей, которые были бы готовы последовать за вербовщиком. Различие заключалось лишь в том, что такие люди, становясь на этом обходном пути «заместителями», зарабатывали деньги, которые государство взыскивало в их пользу с того или иного зажиточного молодого человека по благоусмотрению должностных лиц.

Рабы под страхом смертной казни не имели права вступать в солдатское сословие.

Эти отношения очень наглядно выступают перед нашим взором в переписке между Плинием и императором Траяном. Плиний в качестве наместника Вифинии спрашивает императора, должен ли он наказать двух рабов, которых он обнаружил среди рекрутов, которые уже приняли присягу, но еще не были приняты в ряды войск. Император ему ответил, что следует различать три случая: вступили ли они добровольно, были ли они взяты во время набора или же были выставлены в качестве заместителей. Если они были взяты во время набора, то вина падает на соответствующих должностных лиц; если они были выставлены заместителями, то виновны те, кто их выставил; если же они добровольно вступили на службу, то их следует наказать. При этом не имеет никакого значения то обстоятельство, что они еще фактически не вступили в ряды войска.

Понятие «военной мерки» (наименьшего роста. — Ред.), сыгравшее такую крупную роль в новейшее время, было также известно и римлянам. Эта мерка в императорскую эпоху носит название «*incompta*» (военной мерки). Любопытно отметить, что наши ученые высказали различные мнения относительно ее величины. Один ученый, основываясь на шуточной загадке, считает, «что пять римских футов (1,48 м) считалось очень почтенной высотой даже для солдата»¹, что должно было бы превратить римлян в карликовый народ, так как эта мерка на 6 см меньше, чем рост самого маленького немецкого или французского солдата. Другой же ученый² полагает, что эта мерка имела в среднем 5 футов и 10 дюймов (1,725 м), превышая, таким образом, даже прусскую гвардейскую меру. На самом же деле (Вегетий, I, 15) в соответствующем месте указано лишь то, что такая высота требовалась только для первой когорты. И это, конечно, вполне соответствует тому указанию, которое мы находим в другом месте³, а именно,

¹ Seeck, «Geschichte d. Unterg. der antiken Welt», I, 390, 534.

² Marquardt, «Röm. Staatsverw.», II, 542, 2 Aufl.

³ В 367 г. Кодекс Феодосия (Codex Theodosianus). Цитировано у Марквардта. В Германии лишь в 1893 г. норма роста была снижена до 1,54. В 1870 г. еще имело силу следующее постановление: «Самый меньший рост, установленный для приема новобранцев, — 1,57 м. Но новобранцы ростом ниже 1,62 м должны братья лишь в том случае, если они обладают особенно сильным телосложением и если без них

что мерка равняется 5 футам и 7 дюймам (1,651 м). В тех местах, где число подлежащих набору было незначительно, там, вполне естественно, дело кончалось тем, что в солдаты брались самые рослые; поэтому поиски «дюжих парней» становились для полководца чем-то вроде спорта. Мы узнаем от Светония, что Нерон приказал набрать целый легион, состоящий из солдат ростом в 6 футов (1,774 м), назвал его фалангой Александра Великого и хотел с ним двинуться к Каспийским воротам¹.

Лишь очень немногие войсковые части находились в городах или даже в местечках. Более или менее крупный гарнизон был лишь в одном Риме, но все же весь гвардейский корпус преторианцев с городскими когортами не превышал 12 000 человек и к тому же был расположен не только в Риме, но и в нескольких других местах вне его. Во всей Галлии только в одном главном городе Лионе был расположен гарнизон, состоявший из 1 200 человек. Вообще же во внутренних провинциях империи не было никаких гарнизонов. Легионы были расположены в больших укрепленных лагерях поблизости от границы. Неподалеку от этих укрепленных лагерей,—но все же на некотором расстоянии от них, так что вокруг вала оставалось некоторое свободное пространство,—стали скоро образовываться гражданские поселения (*canabae*), которые с течением времени стали превращаться в города².

Вспомогательные когорты были по большей части расположены в малых и в больших крепостях, находившихся в непосредственной близости от границы.

Солдатам было запрещено жениться, несмотря на то, что они на службе достигали 40- и 50-летнего возраста. Если солдаты все же женились и обзаводились семьями, то они не имели права держать при себе в лагере свои семьи, и начальство при распределении войск совсем не считалось с этим, так как не усматривало в этом факта «законного брака» (*justum matrimonium*).

Запрещение жениться распространялось также на центурионов, и даже высшие командиры, покидая Рим для вступления в командование войсками, должны были оставлять дома своих жен.

Высшие командиры, трибуны и легаты, происходившие из аристократических семей Рима и римских провинциальных городов, даже в эту эпоху не были военными в исключительном и специфическом смысле этого слова, но, как и во времена республики, были должностными лицами — магистратами, выполнявшими всякого рода начальственные функции судебного, административного и военного характера. Единственной квалификацией, которая требовалась от такого должностного лица, было знатное происхождение, аристократизм, который все может, потому что сам себе во всем доверяет, считая себя способным для всякого дела. Когда в свое время Лукулл отбыл

годовой контингент пополнения не достигает нужной цифры». Минимальный рост для гвардии равняется 1,70 м.

Во Франции Наполеон установил норму роста для новобранцев в 1801 г. в 1,59 м, но уже в 1804 г. снизил ее до 1,51 м. В 1818 г. она была снова повышена до 1,57 м и затем после некоторых колебаний снова понижена до 1,54 м. Римский фут равняется 0,296 м и, следовательно, был меньше старопрусского, который равнялся 0,314 м.

¹ Светоний, «Нерон», 19.

² Schulten, «Das Territorium legionis», «Hermes», Bd. 29, 481.

в Азию, для того чтобы принять командование над войсками, отправленными против Митридата, то, будучи до того времени совершенным невеждой в военном деле, он стал по дороге готовиться, беря уроки и читая книги по военным вопросам¹, благодаря чему блестяще выполнил свою задачу. Правда, Марий отзывался с большим презрением о такого рода полководцах², и даже Цезарь в своих писаниях не слишком часто хвалил своих трибунов. Август и в этом случае сумел найти компромисс между римским общественным строем и военными потребностями, создав новую должность лагерного префекта. Первоначально они были, как показывает их название, комендантами больших постоянных лагерей, но в скором времени число их было увеличено и их функции были расширены. На них была возложена обязанность наблюдения и контроля над выполнением службы, с чем уже больше не могли справиться трибуны, бывшие в большей или меньшей степени дилетантами. А лагерные префекты были профессиональными воинами: они выходили из среды центурионов и всегда стояли на страже дисциплины, внушая страх солдатам. Позднее, в III столетии, они окончательно заняли место легатов и стали командирами легионов.

Первом армии оставалась попрежнему, как и в республиканскую эпоху, группа центурионов, которых мы характеризовали выше (т. I, стр. 334) как фельдфебелей, занимавших должность ротных командиров. В то время как в республиканскую эпоху центурионы выходили исключительно из среды простого люда, в императорскую эпоху в армию стали проникать этим путем также и молодые образованные люди, которые просили у императора, чтобы он им предоставил должность центуриона, и затем дослуживались до чина штаб-офицера. Первый разряд центурионов носил название «с военной службы» а второй — «из римских всадников».

Таким образом, командный состав не был так строго разделен на два разряда, как то было раньше. Простой человек, вступавший в ряды войск, мог дослужиться до должности центуриона или даже лагерного префекта, а тот, кто вступал в армию в качестве центуриона, мог дослужиться до должности трибуна. Самые благородные молодые люди, а именно сыновья сенаторов, вступали в армию в качестве трибунов и дослуживались до чина легата, который соответствовал чину генерала. Во главе каждого легиона находился в качестве постоянного командира легат, затем—может быть, уже со времен Цезаря (I, 493) или с течением времени, может быть, при Августе или только при Адриане,—также и трибуны превратились в постоянных командиров когорт; собственно говоря, это уже со времен Мария диктовалось военной необходимостью. Но так как в течение долгого времени в состав одного легиона входило только шесть трибунов, в то время как легион состоял из десяти когорт, и Вегеций ясно говорит о том, что когортами командовали частью трибуны, а частью особые начальники, называвшиеся «препозиты» (*praepositi*), то следует предположить, что, таким образом, и в данном случае преодолевалось сословное различие, а именно тем, что должности четырех командиров когорт закреплялись за теми центурионами, которые получали продвижение по службе. Таким образом, «препозиты» были еще одной про-

¹ Цицерон, «Acad.», II, 1 и 2.

² Саллюстий, «Bell. Jug.», 85, 12.

межуточной ступенью между разрядом центурионов и группой лагерных префектов¹.

Группа солдат, которых мы назвали бы унтерофицерами и ефрейторами (капралами.— Р е д.), носила в императорской армии название «принципалов» (*principales*). Из среды простых солдат выбирали самых способных, самых образованных и самых храбрых и продвигали их по строго определенной схеме. Важнейшими должностями здесь, как и в республиканскую эпоху, были должности знаменосца (*signifer*) помощника центуриона (*optio*) и передающего пароль (*tesserarius*), которые заменяли центуриона в командовании или же стояли во главе более мелких подразделений. Из среды принципалов выходили не только правительственные армейские чиновники, но также высшие штабные командиры и, наконец, даже императорские гражданские должностные лица².

Жалованье легионеров, которое в республиканскую эпоху без кормового довольствия (равного приблизительно 45 денариям) выражалось в сумме 75 денариев в год, было удвоено Цезарем. Август же к концу своего правления его значительно повысил, доведя до тройных размеров, т. е. до 225 денариев, что равняется 195 маркам³. Насколько крупным было это жалованье, можно судить по тому, что вспомогательные войска, жившие в точно таких же условиях, получали не более трети этой суммы, т. е. всего лишь 75 денариев. Преторианцы же, которые жили не в лагерях, но в Риме и в других местах, где жизнь была роскошной и дорогой, получали жалованье, превышавшее больше чем в три раза жалованье легионеров, т. е. 750 денариев, или 650 марок, помимо кормового довольствия.

К регулярному жалованью добавлялись подарки, выдававшиеся при вступлении императора на престол и при иных подобных торжествен-

¹ Этот вопрос, может быть, еще более сложен. Сообщения источников относительно продвижения центурионов не так легко понять. Было предложено несколько теорий для разрешения этой проблемы, но все еще не найдено полного разрешения этого темного вопроса. Хотя исследование Вегелебена (*Theod. Wegeleben, «Die Rangordnung der römischen Centurionen»*, Berl. Dissert. 1913) опередило исследование Домашевского и, благодаря исчерпывающей обработке надписей, пролило свет на этот вопрос, все же здесь кое-что осталось спорным и неясным. Вегелебен пришел к тому выводу, что центурионы имели одинаковый ранг, за исключением шести центурионов первой когорты, из которых опять-таки три старших (*primus pilus, princeps, hastatus*) стояли настолько высоко, что их уже, собственно говоря, нельзя называть центурионами. Это высокое положение первой когорты не является одним лишь почетным положением, но в то же время нарушает схематизм тактического расчленения, так как эта когорта насчитывала 1 000 человек, что опять-таки снижает численность остальных когорт приблизительно до 480 человек (Вегелебен, стр. 37). В источниках ничего не говорится о том, каким образом выравнивалось это различие при расположении легиона. Либо 6 центурионов первой когорты, либо три старших обозначались в качестве «первых чинов» (*primi ordines*). Все еще неясно название «*praepositus*» (материалы о нем см. у Grosse, «*Römische Militärgeschichte*», S. 143). Неправильно замечание Вегелебена относительно принятия приказа (стр. 60), так как этому противоречит Полибий (II, 34).

² Вопрос о взаимоотношениях между *principales* совсем недавно прекрасно трактован в тщательной и ценной работе Домашевского (*A. V. Domaszewski, «Die Rangordnung des römischen Heeres»*, 1908).

Вегетий в своем перечне должностей (II, 7) говорит: «Кампигены, т. е. стоящие перед знаменем, получившие такое название, так как благодаря их трудам и их старанию увеличивается опытность войска в деле строевого полевого обучения». Я не нашел объяснения этого места у Домашевского.

³ По курсу 1936 г. одна германская марка = 2 р. 03 к.— Р е д.

ных событиях, а также премия, выдававшаяся при увольнении от службы, которая у легионеров была не менее 3 000 денариев, а у преторианцев не менее 5 000 денариев (2 600 и 4 300 марок). Наличные деньги иногда заменялись правом получения земельного надела, но, конечно, очень сомнительно, чтобы человек, пробывший воином от 18 до 40 или 45 лет, мог горячо взяться за крестьянскую работу и удовлетвориться положением мелкого крестьянина. Но и это пожалование получали лишь преторианцы и легионеры, а не солдаты вспомогательных войск.

Домициан повысил годовое жалование легионеров до 300, Коммод—до 375, а Септимий Север—до 500 денариев. Трудно установить реальное значение этих повышений. Так как вес серебра в одном денарии был при Септимии Севере вдвое меньше, чем в эпоху Августа, то значительное повышение солдатского жалования должно было бы быть лишь кажущимся. Однако, весьма вероятно, что покупательная сила денег повысилась, так что реальная заработная плата солдат и на самом деле повысилась, что вполне естественно, так как императоры находились в зависимости от своих солдат¹.

Центурионы, которые во времена республики получали лишь двойное солдатское жалование, стали при императорах получать в пять раз больше, чем солдаты, и, таким образом, значительно выдвинулись из общей солдатской массы.

Солдатское честолюбие как в республиканскую, так и в императорскую эпохи подхлестывалось и разжигалось целой системой внешних знаков отличия. Солдатам жаловались почетные копья, маленькие знамена, щиты, таблички с украшениями, которые надевались на конскую сбрую или носились на груди, браслеты, ожерелья, короны и венцы². При помощи таких же знаков отличий или почетных наименований выделялись и целые войсковые части.

При легионах и когортах имелись прикрепленные к ним врачи и лазареты (*valetudinaria*) с собственными служащими и санитарями (которые находились при больных—*qui aegris praesto sunt*)³.

Упоминаются также и ветеринары.

При каждой когорте была сберегательная касса, и, кроме того, небольшие кассы взаимного страхования,—в особенности же кассы страхования от смерти, находившиеся под наблюдением знаменосца. Солдаты должны были часть своего жалования и особенно наградных класть в сберегательную кассу, по крайней мере до определенной суммы. Песценний Нигер однажды приказал, чтобы солдаты, идя на

¹ История римского жалования была впервые вскрыта в статье Домашевского (Domaszewski, «Der Truppensold der Kaiserzeit», «Neue Heidelberger Jahrbücher», Bd. 10, 1900). Однако, Домашевский при определении степени повышения жалования в императорскую эпоху не принял во внимание одновременной порчи монетной пробы и поэтому переоценил значение номинального повышения жалования. Я считаю совершенно невозможным согласиться с мнением Домашевского (S. 231, Anm. 2), что при дарственных пожалованиях исключались центурионы, а наградные выдавались одним лишь солдатам. В таком случае рядовые солдаты часто находились бы в лучшем положении, чем командиры, так как дарственные пожалования бывали очень высокими (при Марке Аврелии они достигли однажды для преторианцев размеров, превышающих в пять раз годовое жалование, т. е. 5 000 денариев).

² P. Steiner, «Die dona militaria», «Bonner Jahrbücher» Bd. 114, S. 1 ff.

³ У Полибия в его описании лагеря, конечно, госпиталь не упомянут, но такое упоминание мы находим у Гигина (см. W. Haberling, «Die altrömischen Militärärzte», Berlin 1910).

войну, вообще не брали с собой ни золотых, ни серебряных денег, но отдавали бы их в кассу и получали бы лишь по окончании похода.

Управление наемными войсками обязательно требует ведения точного делопроизводства. Среди египетских папирусов наряду со многими другими документами сохранились и военные документы — листки, относящиеся к 81—87 гг., на которых писец одной центурии чрезвычайно тщательно записал на латинском языке расчеты с отдельными солдатами и целыми командами, отпуска и т. п.¹

Каждый вечер все трубачи и горнисты собирались в лагере около палатки полководца и трубили, пользуясь нашим выражением, «зорю». После этого выставлялись ночные караулы².

Дисциплина по древнеримскому обычаю всегда оставаласьстройой, а если она иногда и ослабевала, то довольно скоро находились такие полководцы, которые ее снова сильно подтягивали. Тацит рассказывает про Корбулона («Анналы», II, 18), что он, восстанавливая при императоре Клавдии древние обычаи среди недисциплинированных легионов, предал смертной казни одного солдата за то, что тот работал на валу, не опоясавшись мечом, как то было приказано, а другого солдата — за то, что он имел при себе один лишь кинжал.

Центурионы всегда ходили, как офицеры в XVIII в., держа в руке палку из виноградной лозы и безжалостно применяя ее. Во время большого восстания легионов, бывшего после смерти Августа, солдаты наряду со многими другими офицерами убили также одного центуриона, которому они дали насмешливую кличку «подай другую» (*cedo alteram*), так как он привык, сломав палку о спину солдата, требовать себе другую. Если в армии Фридриха Великого право произвольного административного взыскания, предоставленное командному составу, вводилось до некоторой степени в рамки тем, что ротные командиры, происходя из дворянства, сохраняли своего рода патриархальное отношение к своей команде и были ответственны за ее содержание, а отчасти даже и за ее пополнение, то римского центуриона эти смягчающие моменты не сдерживали, так как он был только командиром и к тому же сам строго выполнял служебные обязанности, так как являлся выходцем из простого люда.

Но римская армия, а вместе с нею и римское государство держались не только благодаря исправительным мерам и мерам дисциплинарного воздействия, но также благодаря отвлеченному понятию воинской чести. Государственная мудрость этого державного народа сделала Рим не только политическим, но и религиозным центром мировой империи. Хотя у покоренных народов не отнимали их богов и оставляли им их религию, но все же наряду с туземными богами стали возвышаться храмы и алтари, на которых приносили жертвы богине города Рима и в то же время божееству императора. Подобным же образом, хотя и несколько иначе, обстояло дело в римских лагерях. Там не было алтарей, посвященных богине города Рима. В легионах поклонялись старым капитолийским богам — Юпитеру, Юноне и Минерве, а среди вспомогательных войск — туземным богам, но во всей армии одинаково почитали гений императора. Вспомогательные войска, по-

¹ Premerstein, «Die Buchführung einer ägyptischen Legionsabteilung», «Klio», Bd. III.

² Об этом сообщает Полибий (XIV, 3, 6). Мы вполне можем допустить, что римляне сохранили этот обычай также и в позднейшие времена.

степенно теряя свой первоначальный национальный облик, воспринимая различные влияния и романизуясь, вводили у себя также и римских богов. Особенно много почитателей приобрел здесь себе Марс, но наряду с ним также и многочисленные боги и божественные олицетворения: Победа (Victoria), Счастье (Fortuna), Честь (Honos), Доблесть (Virtus), Благочестие (Pietas), Дисциплина (Disciplina), гений местности, гений учебного плаца и гений лагеря получили свои алтари¹. Очень редко, лишь в III столетии, находим мы иногда алтари, посвященные городу Риму. Это различие между гражданской и военной религиями является выражением политического положения армии в государственном организме. Армия принадлежит не столько государству, сколько императору, как, впрочем, и сама армия фактически возводила на престол императора.

Понятие божества, или гения, императора не получило богословского оформления, и не было установлено, в каком отношении находилось это божество к человеку, созданному из плоти и крови. Бывали такие императоры, которые относили это божество к самим себе, к своей собственной особе. Лучшие и более умные императоры — Август, Тиберий и императоры II столетия — отодвигали свою особу на второй план, но все же наряду со священными и почитаемыми полевыми знаменами в кругу богов знаменного святилища стояло также и изображение императора. Полководцу воздавались почести подобно божеству, так что солдатская религия как бы восполняла солдатскую дисциплину и солдатскую честь².

Римское императорское войско, обеспечивавшее в течение веков тогдашнему цивилизованному миру редко прерываемый мир, было очень небольшим по сравнению с теми наборами, которые нам известны из истории древней Греции и Римской республики, а также по сравнению с современными постоянными армиями. Те 25 легионов, которыми располагал Август, вместе с вспомогательными войсками, находившимися постоянно — даже в мирное время — на римской службе, насчитывали, очевидно, не более 225 000 человек. Население же всей империи равнялось 60—65 млн.³ Таким образом, численность армии по отношению к населению составляла немного более $\frac{1}{3}\%$, в то время как Рим в самые напряженные годы Второй пунической войны держал под оружием около $7\frac{1}{2}\%$ своего населения, а Германия и Франция, даже в мирное время до 1914 г., держали под ружьем свыше 1%.

Благодаря организации и дисциплине, как римляне с гордостью себе это сами поворачивали⁴, этой незначительной доли боеспособных

¹ «Религия римлян вся целиком лагерная, — говорит Тертуллиан, — они почитают знамена, знаменами клянутся и всем богам знамена посвящают». Цит. у Harnack, «Militia Christi», p. V.

² Alfr. v. Domaszewski, «Die Religion des römischen Heeres», «Sonderabdruck a. d. Westdeutschen Zeitschrift für Geschichte und Kunst», Bd. 14, Trier 1895. В этом труде не нашел своего отражения чрезвычайно существенный пункт о различии между солдатской и гражданской религиями. Hirschfeld, «Zur Geschichte des römischen Kaisercultus», «Sitzungsberichte der Berliner Akademie», Bd. 35, 1888.

³ Белох исчислял население греко-римского мира приблизительно в 54 млн. В одной более поздней статье («Rhein. Mus.», Bd. 54, 1899) он, однако, дает для Галлии несколько более высокую цифру, чем в своей книге. Я же в свою очередь дал еще более высокую цифру. Ср. т. I, стр. 534. Высокая цифра населения Галлии, в свою очередь, несколько снижает цифру населения других стран.

⁴ «Римская империя достигла великой славы и прочности благодаря спасительной стойкости в сохранении до настоящего времени искренних и неповрежденных

мужчин было достаточно для того, чтобы обеспечивать мир государству, в то время как главная масса населения могла отдаваться ремеслам и культурной работе и должна была лишь платить налоги, чтобы оберечь себя от всякой военной опасности.

Весьма сомнительно, чтобы позднейшее увеличение числа легионов с 25 до 33 было действительным увеличением армии, соответствовавшим росту населения, так как при непрерывном расширении римского гражданского права могло иметь место превращение вспомогательных войск в легионы. Домициан даже однажды предполагал сократить численность армии, чтобы сэкономить средства, но должен был отказаться от этого, так как это слишком ослабило бы его положение по отношению к варварам¹.

Некоторые места из писем Плиния к Траяну показывают, как скупы были в то время на войска. Наместник торговался со своими должностными лицами, и тот же самый наместник торговался с самим императором, так сказать, из-за каждого солдата, причем об этом шла переписка между Вифинией и Римом.

Организация и тактика легионов оставались по существу прежними. Некоторое изменение в составе когорт и создание двойных когорт (миллиарии) не оказало никакого влияния на военную тактику. Также и реформы, предпринимавшиеся тем или иным императором, в частности Адрианом, имели лишь регламентарный характер, ничего не меняя по существу в самой тактике.

Полевая артиллерия, если так можно выразиться, получила, как кажется, некоторое дальнейшее развитие. Катапульты и баллисты, которыми первоначально пользовались лишь при осадах, были приспособлены также и для сражений в открытом поле (ср. т. I, стр. 197, сражение при Мантинее в 207 г.). Весьма возможно, что Цезарь уже регулярно снабжал свои войска такими орудиями. В некоторых сражениях этими орудиями пользовались как Цезарь, так и его враги, как ясно видно из соответствующих описаний². Тацит упоминает о них, рассказывая о сражении у вала ангривариев. Более поздний источник³ указывает на то, что к каждому легиону, согласно регламенту, присоединялось 55 карробалист и 10 онагров. Первый тип машин служил для метания больших стрел; эти машины передвигались при помощи мулов и требовали для своего обслуживания 11 человек. Второй тип машин передвигался быками и выбрасывал большие камни. При осадах эти орудия имели большое значение. Но во время сражения они вряд ли могли оказывать сильное действие, так как их снаряды хотя и обладали большой пробивной силой, все же имели сферу действия, немногим превышавшую сферу действия холодного оружия. Поэтому можно было легко обезопасить себя от выстрелов из этих

оков строжайшей военной дисциплины, под защитой и охраной которой процветает ясный, спокойный и блаженный мир». Валерий Максим, II, 7.

¹ Светоний, «Домициан», гл. 12.

² «B. Gall.», II, 8; VII, 41, 81. «B. civ.», II, 45, 51, 56. Afr. 31. Schambach, «Einige Bemerkungen über die Geschützverwendung bei den Römern besonders zur Zeit Cäsars», 1883, Progr. Mülhausen i. Thür. Fröhlich, «Kriegswesen Cäsars», I, 77. Недавно были сделаны попытки реконструировать эти орудия. При раскопках на Липпе был обнаружен любопытный деревянный инструмент, в котором хотели видеть «осадный дротик» (pilum murale). См. по этому вопросу интересное исследование Кропачека (G. Kropatschek, «Jahrb. d. Archäolog. Instituts», Bd. 23, S. 79, 1908).

³ Вегеций, II, 25.

машин, либо отступая назад, либо устремляясь вперед в рукопашный бой.

Мы не располагаем никакими специальными указаниями относительно военного обучения, существовавшего у римлян. Однако, греческие тактики этой эпохи так много говорят о расчленении и о командах, что мы можем себе составить вполне ясную картину строевого обучения. И эту картину мы тем спокойнее можем применить к римлянам, что она в высшей степени напоминает соответствующие современные формы. Это объясняется тем, что здесь мы имеем дело с настолько простыми — отчасти математическими, отчасти психологическими — законами и основными принципами, что они естественно должны вызывать на практике в каждую эпоху и у каждого народа сходные явления.

Отделения подразделялись на ряды и шеренги; их выстраивали так, что солдаты становились в затылок; различались повороты и захождения, движения фронтом и в полуоборот. Некоторые команды мы можем привести буквально:

К оружию! (В ружье!).
 Обозные, выходи из строя!
 Смирно, слушай команду!
 Копья вверх! (На караул!)
 Копья опустить! (К ноге!)
 К копью повернись! (Направо!)
 К щиту повернись! (Налево!)
 Шагом марш!
 Стой!
 Равняйся!
 Стать в затылок!

Точность всякого строевого обучения основывается на подразделении команды на две части: на предварительную команду и на исполнительную команду. И этот способ был известен древним; у специалистов по тактике Асклепиодота и Элиана мы находим указания не только на то, что приказы должны быть короткими и ясными, но и на то, что частное должно предшествовать общему, так что следует говорить «к копью—повернись!», а не «повернись—к копью», так как в противном случае в спешке одни бы повернулись направо, а другие налево.

По воинскому уставу, римские солдаты должны были не только обучаться военному строю, но также драться на мечах, стрелять, делать гимнастику, плавать и маневрировать. Маневры называются «*decursio*» и объясняются так: «Разделив войско на две части, сталкивать оба строя, изображая подобие боя». Таким образом, под словом «маневры» понималось то же самое, что и мы понимаем под этим словом. Трижды в месяц должен был совершаться учебный поход (*ambulatio*) с походной укладкой на две мили туда и на две мили обратно¹.

Дисциплина основывалась, так же как и в современных постоянных армиях, на строевом обучении. Число новобранцев, подлежащих строевому обучению, было, однако, очень незначительно, так как главная масса легионов состояла из более старых солдат. В армиях VIII в., где состав войск был приблизительно таким же, большинство

¹ Цит. у Marquardt, II, 567.

старых солдат обычно увольнялось в отпуск и призывалось вновь в ряды войск лишь раз в году на краткий срок для прохождения строевого обучения, причем постоянный наличный состав войск служил для несения караульной службы. Но эта система увольнений была неприменима по отношению к римским солдатам, которые должны были постоянно нести охрану границ. Поэтому солдат,—как это уже, впрочем, и было в республиканскую эпоху,—принуждали выполнять строительные работы. Самими солдатами были построены и поддерживались в порядке не только пограничный вал, его башни и укрепления (крепости), но и большие дороги в пограничных провинциях, где мы даже еще теперь часто из надписей узнаем, какая именно войсковая часть выполнила ту или иную работу. Август категорически запретил пользоваться солдатами для частных предприятий, но их привлекали для сооружения храмов и других общественных зданий.

Разительным примером того, как в своей основе люди всегда остаются одинаковыми и как одинаковые установления всегда вызывают одинаковые явления, является картина войскового смотра, изображенная в одном случайно сохранившемся документе римской военной истории.

Когда французы завоевали Алжир, то в одной довольно пустынной местности, в Ламбезис, где в течение долгого времени находился лагерь легионов, они нашли большую надпись, содержащую, как это было установлено, обращение императора Адриана к войскам (1 июля 128 г.) после произведенного им инспекторского смотра. Командовавший римскими войсками легат Катуллин приказал высечь эту надпись на камне для того, чтобы навеки сохранить память, как отличились он и его легион во время императорского парада. Французский полковник почтил память своего древнего соратника тем, что приказал своему полку пройти церемониальным маршем мимо этого каменного исторического источника. После этого много потрудились над тем, чтобы восстановить в тексте отсутствующие места и слова и таким образом составить хотя бы не абсолютно полный, но все же такой текст, который можно было бы прочесть в его основных частях. В 1882 г. я совместно со своим школьным товарищем Вильгельмом Мюллером издал в «Военном еженедельнике» («*Militär-Wochenblatt*») этот текст по «Сборнику латинских надписей» («*Corpus inscriptionum latinarum*»), снабдив его переводом, в котором была сделана попытка по возможности наглядно подчеркнуть все то, что в этой надписи созвучно современности. Я думаю, что человек, имеющий отношение к внутренней жизни нашей армии, должен будет почувствовать нечто такое, что можно было бы назвать юмором всемирной истории, читая эту надпись и видя, как смесь признания и критики, похвалы с рядом оговорок, авторитетности и благожелательности, устава, высшей мудрости начальника и поучения — являлась основными элементами маневренной критики. Надпись эта гласит¹.

¹ Помимо VIII тома С. I. L., эта надпись подвергнута изучению С. Денером (Seb. Dehner, «*Nadrianae Reliquiae*», 1883) и Альбертом Мюллером (Albert Müller, «*Manöverkritik Kaiser Hadrians*», Leipzig 1900). Я принял многие из тех конъектур, которые были предложены этими двумя авторами, но все же не нашел возможным принять их все целиком. Перевод, напечатанный в «*Militär-Wochenblatt*» за 1882 г. в № 34, мною в некоторых местах существенно изменен, а в других дополнен.

Ко 2-му изданию. Недавно было найдено много мелких обломков, которые, однако, дали возможность восстановить текст заголовка и даты. Надпись обращена «к ротам» (*ad pilos*). См. Heron de Villefosse, «*Festschrift zu Otto Hirschfeld, 60 Geburtstag*». Berlin 1903.

«ТО, ЧТО ВООБЩЕ ОТНОСИТСЯ К ЛЕГИОНУ В ЦЕЛОМ»

«Мой легат в своем отчете разъяснил то особое положение, в котором находился полк (дивизия) ¹: отсутствовал один батальон; в распоряжение правительства предоставляется штаб, состав которого ежегодно меняется; три года тому назад один батальон и четвертая часть рот были выделены на формирование нового полка, под тем же № 3 ²; полк разделен на много гарнизонов, расположенных в разных местах; на нашей памяти полку пришлось не только дважды переменить постоянный лагерь, но также построить и укрепить новый. Все эти причины явились бы смягчающими обстоятельствами, если бы было установлено, что в течение долгого времени не происходило строевого обучения в широком масштабе. Но результат инспекторского смотра показал, что эти извинения являются излишними, и я могу выразить полку свое полное удовлетворение...

... Штаб-офицеры (или легат?) внимательно ³ отнеслись к делу обучения войск. Ротные командиры, младшие офицеры и унтерофицеры проявили рвение при выполнении своих служебных обязанностей» ⁴.

«КАВАЛЕРИЯ»

«Военное обучение подчиняется в некотором роде собственным законам; если к нему что-либо прибавить или от него что-либо отнять, то это учение окажется либо недостаточным, либо слишком трудным. Если увеличить трудности, то выполнение будет не столь изящным. Однако, полк не удовлетворился этими трудностями, но выполнил самое трудное, а именно, выдвинув кирасиров (буквально «панцырников») в качестве стрелков. Я не считаю нужным непременно порицать это, — наоборот, я хвалю рвение, бывшее причиной этого, между тем как...

«ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ВОЙСКА»

«Его превосходительство, мой генерал Катуллин, обнаружил одинаковую заботливость по отношению ко всем подчиненным ему войсковым частям... полковник внимательно отнесся к делу обучения вверенных ему войск. Поэтому я разрешаю выдать вам для вашего обратного возвращения в Коммагену экстраординарную дополнительную порцию провиантского снабжения...»

«КАВАЛЕРИЯ 6-го КОММАГЕНСКОГО ПОЛКА»

«Трудно, чтобы батальонная кавалерия ⁵ сама по себе понравилась бы, и еще труднее, чтобы она после военных упражнений кавалерийских частей не произвела неприятного впечатления.

Иное здесь пространство, иное число стрелков, искусные повороты ⁶, сомкнутый строй, прекрасные ремонты, соответствующее более высокому вознаграждению

¹ Слово «легион» следует здесь передавать словом «дивизия», поскольку легион включал в свой состав все виды оружия.

² «Равные», «одинаковые» (compares), собственно говоря, в смысле «товарищи». Легион, расположенный в Ламбезисе, носил название «3-го августовского». Кроме того, было еще два «третьих» легиона: третий галльский и третий киренаикский. Следовательно, отряды воинов были отправлены в один из этих двух легионов.

³ Согласно другому чтению: «agiles et fortes more suo», что приблизительно означает: «ловкие и энергичные, как это им подобает».

⁴ Я выбрал эти термины, так как все эти три чина образуют одну группу.

⁵ Я выбрал этот термин по аналогии с нашей дивизионной кавалерией. К каждой когорте вспомогательных войск всегда присоединялся маленький отряд конницы.

⁶ «Искусные повороты» (frequens dextrator) — эти слова объяснялись различным образом, и я не берусь утверждать, что мой перевод является безусловно пра-

блестящее вооружение — все здесь иное. Тем более следует признать, что эскадрон своей напряженной работой преодолел эти трудности и обнаружил свои отличные качества при выполнении предписанных упражнений, проведя еще вдобавок к ним бой с пращами и с дротиками и проявив особенную ловкость в вольтижировке. Заботливость его превосходительства, моего генерала Катуллина, свидетельствует о том, что он вас...»

«МАНЕВРЫ»

«...Полк в течение одного дня выполнил то, что в других случаях распределяют на несколько дней. Он возвел на большом пространстве полевые укрепления, применяющиеся при сооружении зимнего постоянного лагеря, в течение времени, не намного превышающего время, требуемое при применении подготовленных кусков дерна, которые по самой своей природе могут быть равномерно разрезаны на равные части, легко доставлены и которыми легко пользоваться, в то время как здесь применялись большие и тяжелые камни и глыбы скал, которые нельзя ни перевозить, ни поднимать и которыми нельзя пользоваться при постройках, не заполнив существующих между ними неровностей. Ров, который полк должен был вырыть в твердой скалистой почве, был правильно врезан в грунт, а стены его были выравнены посредством обивки. После того как эта работа была проверена, войска вошли в лагерь и быстро приняли пищу и оружие. Когда после этого высланная вперед кавалерия, отброшенная назад, возвращалась, то она интервалами принималась и с громкими криками...

...враг не осмеливается больше приближаться к лагерю... слишком поздно соединились... сделали вылазку...

Его превосходительство, мой генерал Катуллин, таким образом организовал маневры (главный замысел), что картина боя вполне соответствовала войне. И это я должен похвалить. Равным образом я должен похвалить войска за выполнение этих маневров. Полковник Корнелиан вполне соответствует своему назначению. Его атаки врассыпную не нравятся мне. Устав императора Августа предписывает, чтобы кавалерия не выходила легкомысленно из своего прикрытия, а преследовала осторожно. Если всадник не видит, куда он несетя, или если он не может остановить лошадь по своему желанию, то он упадет в волчью яму... Наступать нужно сомкнутым строем».

К этому приказу по армии Адриана я хотел бы еще добавить рассказ Тацита о большом восстании солдат, произошедшем во время вступления на престол Тиберия («Анналы», кн. I).

Рассказ об этом внутреннем движении в римской армии, принадлежащий мастерскому перу Тацита, как нельзя лучше и ярче рисует римское войско с его поразительной смесью дурных и хороших качеств. Отношение солдат к династии, римлян к провинциалам, римского военного государства, возглавляемого императором, к римскому гражданскому государству, которое все еще имело свое представительство в сенате,—все это в приведенных здесь речах так же оживает, как некогда оживало войско Римской республики в речах центуриона Лигустина¹. Этот рассказ Тацита мы хотим повторить во всем

вильным. Он лишь постольку соответствует общему смыслу и общей связи фактов, поскольку до этого говорилось о количестве рассыпавшихся стрелков, а затем о сомкнутой атаке. «Dextratio» означает обход справа налево. Поэтому не встречающееся в других местах в литературных источниках слово «dextrator» могло быть употреблено для обозначения определенного маневра обхода или поворота во время смотра.

¹ См. т. I, стр. 351.— Р е д.

его объеме не только ради одного римского войска, но также и потому, что в течение всего настоящего труда мы будем, таким образом, иметь возможность на это указывать, когда мы будем встречаться с подобными, даже почти такими же явлениями в войсках в другие времена и у других народов.

Тацит рассказывает:

«Таково было положение вещей в Риме, когда в паннонских легионах произошло восстание,— не под влиянием каких-либо особенных причин, но лишь потому, что перемена правителя давала надежду на безнаказанность восстания и что гражданская война скрывала в себе некоторые шансы на успех. В летнем лагере находились вместе три легиона под начальством Юния Блэза. При известии о смерти Августа и восшествии на престол Тиберия Юний Блэз приостановил военные упражнения вследствие траурных и праздничных торжеств. Это было первой причиной того, что солдаты стали распушенными, приняли враждебный тон, стали прислушиваться к советам наихудших; наконец, они почувствовали стремление к беспутной и праздной жизни, так как им надоели воинская дисциплина и работа. В лагере находился некто Перценний, бывший раньше главой театральной кланки, а теперь находившийся здесь в качестве простого солдата, дерзкий болтун, ловко умевший искусными театральными приемами подстрекать народ. На ночных сходках он постепенно возбуждал умы тех простодушных людей, которые были озабочены вопросом, какова будет участь воинов после смерти цезаря. Или же, когда склонялся день и когда удалялись наиболее благоразумные, он собирал вокруг себя самых испорченных людей. Под конец, когда уже были готовы и другие участники этого мятежа, помогавшие ему в этом деле, он в качестве оратора стал задавать солдатам такие вопросы:

«Почему они, подобно рабам, подчиняются немногим центурионам и еще меньшему числу трибунов? Смогут ли они когда-нибудь еще просить об облегчении своей участи, если они теперь же не подступят с просьбами или с оружием к новому, еще колеблющемуся правителю? Достаточно они страдали из-за трусости в течение стольких лет, стали стариками, в большинстве изувеченные ранами и имея за своими плечами от тридцати до сорока походов! Даже для уволенных служба не кончается, так как они оставляются при знамени и должны под другим названием выносить те же самые тяготы. И если кому-либо из них удастся пережить столь многие мучения, то его еще тащат в отдаленные страны, где он получает под названием пашен топкие болота или необработанные гористые участки. Служба сама по себе воистину тягостна и невыгодна. Тело и жизнь оцениваются в 10 ассов ежедневной платы. Из этой суммы они должны обеспечить себя одеждой, оружием и палатками и откупаться от жестокого и дурного обращения центурионов, а также и от военных работ. Но, клянусь небом (в тексте стоит «Геркулесом» — В. А.), побои, раны, жестокие зимы, тягостные лета, ужасная война или тощий мир,— все это продолжается и продолжается. Единственное средство, которое может помочь, это поступать на службу на известных условиях, а именно, чтобы каждый получал денарий жалованья; чтобы служба кончалась по истечении шестнадцати лет; чтобы они не удерживались дольше под знаменами в рядах войск, но чтобы им выплачивалось вознаграждение в самом лагере наличными деньгами. Разве преторианские когорты, которые получают два денария жалованья и в которых после шестнадцати лет службы солдаты отпускаются на родину, подвергаются большим опасностям? Я не хочу принизить значение сторожевой службы в городе, но я хочу сказать, что они должны, находясь среди диких народов, смотреть из своих палаток в лицо врагу».

Толпа, неоднократно возбуждаемая, выражала криками свое одобрение. Одни с горечью показывали на рубцы от ударов, другие — на свои седые волосы, а боль-

шинство — на изношенную одежду и на свое обнаженное тело. Наконец, они дошли до такой ярости, что задумали три легиона смешать в один. Отказавшись от этого вследствие соперничества, так как каждый стремился к тому, чтобы этот почет был отдан его легиону, они обращаются к другой мысли и ставят рядом три орла и знамена когорт. В то же самое время они наносят дерн и воздвигают возвышенное место, чтобы последнее было более заметно. В то время как они торопливо делали это, подошел Блез, стал бранить и некоторых удерживать, громко крича при этом: «Лучше омочите в моей крови ваши руки. Менее позорно преступление убить легата, чем отпасть от императора. Либо, оставшись невредимым, я сохраню верность легионов, либо, убитый, я ускорю ваше раскаяние».

Тем не менее дерн накладывался и уже достиг высоты груди, когда, наконец, побежденные твердостью Блеза, они прекратили работу. Блез с большим красноречием говорил им: «Не посредством возмущения и смятения следует доводить желания солдат до кесаря. Таких нововведений не требовали ни их предшественники от прежних императоров, ни они сами от божественного Августа. И очень несвоевременно отягчать этим заботы начинающего свое правление государя. Если все же в мирное время вы хотите добиться того, чего даже в гражданские войны не требовали победители, то почему же вы прибегаете к насилию, противясь обычному повиновению и правилам военной дисциплины? Они должны были бы выбрать депутатов и в моем присутствии им дать поручения». Они же стали кричать, чтобы сын Блеза взял на себя обязанности депутата и требовал бы для солдат права увольнения после шестнадцати лет службы. Остальные поручения они дадут тогда, когда первое увенчается успехом». Когда молодой человек уехал, наступило некоторое успокоение. Однако, войны стали хвастаться тем, что отправление сына легата оратором и ходатаем за общее дело достаточно показывает, что ими насильственными мерами исторгнуто то, чего они не могли бы достигнуть покорностью.

Еще до начала восстания некоторые манипулы были отосланы в Навпорт для (постройки) мостов, дорог и других надобностей; как только они узнали о волнениях в лагере, тотчас же схватили свои знамена и поднялись с места. Разграбив соседние деревни и вместе с ними самый Навпорт, который походил на муниципию, они стали преследовать удерживавших их центурионов, осыпая их насмешками, бранью и, наконец, даже ударами. В особенности же они ненавидели лагерного префекта Ауфидиена Руфа, которого они сбросили с повозки, нагроулили багажом и погнали в первом ряду, насмешливо спрашивая, нравится ли ему нести такую громадную тяжесть и совершать такой длинный переход. Дело в том, что Руф долгое время был простым солдатом и затем центурионом; став, наконец, лагерным префектом и посев в трудах и тяготах, он хотел восстановить древние и строгие правила службы и был тем суровее, что сам их вынес.

Благодаря их прибытию снова вспыхнуло восстание. Солдаты рассыпались и стали грабить окрестности. Блез приказал для устрашения других высечь прутьями и заключить в тюрьму некоторых солдат, особенно перегруженных добычей, так как тогда еще повиновались легату центурионы и наиболее благонадежные из солдат. Но когда их схватывали, они сопротивлялись, обнимали колена окружающих, называли по имени то отдельных лиц, то центурию, к которой они принадлежали, когорта и легион, крича, что то же самое ожидает и всех. Одновременно они осыпали легата ругательствами, призывали в свидетели небо и богов и делали все возможное, чтобы возбудить ненависть, сожаление, страх и гнев. Солдаты сбежались со всех сторон. Они взломали тюрьму, сняли оковы и приняли в свою среду дезертиров и осужденных за уголовные преступления.

Вследствие этого возмущение стало еще сильнее, и у него стало больше предводителей. Некто Вибулен — простой солдат, поднятый перед трибуналом Блеза на

плечи стоявших кругом людей, обратился к бунтовавшей и напряженно ожидавшей его речи толпе со следующими словами: «Хотя вы вернули этим невинным и достойным сожаления людям свет и дыхание, но кто вернет жизнь моему брату, кто возвратит мне снова моего брата? Его, посланного к вам от германской армии для общего блага, он умертвил этой ночью, подослав своих гладиаторов, которых он держит и вооружает на гибель солдатам. Отвечай, Блэз, куда ты бросил его труп? Даже враг не отказывает в погребении. Когда я поцелуюми и слезами утолю свое горе, тогда прикажи убить и меня. Пусть только нас похоронят здесь убитыми не за какое-либо преступление, а лишь за то, что мы заботились о благе легионов».

Эти слова он подкрепил рыданиями, ударя себя руками в грудь и в лицо. А затем, растолкав тех, которые его таким образом держали на своих плечах, он спрыгнул вниз и, бросаясь к ногам отдельных людей, вызвал среди них такое замешательство и такое негодование, что одна часть солдат стала вязать гладиаторов, находившихся на службе у Блэза, а другая — остальных его рабов, причем сбежались другие для того, чтобы искать труп. И если бы не стало скоро известно, что никакого трупа не было найдено, что рабы, спрошенные под пытками, отрицали убийство и что у того солдата никогда не было брата, то возмущившиеся солдаты были бы недалеко от того, чтобы убить легата. Но все же трибунов и лагерного префекта они вытолкнули вовне; багаж бежавших был разграблен, причем был убит центурион Люциллий, которому они раньше по солдатской остроте дали кличку «Поддай другую», так как, когда на спине солдата ломалась лоза, он громким голосом требовал другую и вновь другую. Остальные сумели спрятаться, только Клемент Юлий был оставлен, так как он, благодаря своему быстрому уму, казался годным для того, чтобы выполнить поручения солдат. Восьмой и пятнадцатый легионы были даже готовы обнажить оружие, выступив друг против друга, так как восьмой легион требовал предать смерти одного центуриона, по имени Сирпика, а пятнадцатый его защищал; однако, девятый легион вмешался в это дело просьбами и даже угрозами, направленными против тех, кто еще упорствовал.

Это известие заставило Тиберия, — несмотря на то, что он вообще был человеком скрытным и утаивавшим печальные события, — послать своего сына Друза вместе с наиболее видными государственными людьми и с двумя преторианскими когортами, но без определенных поручений, приказав ему лишь действовать согласно с обстоятельствами. Когорты были усилены отборными солдатами, сверх обыкновенного. К ним была прибавлена большая часть преторианской конницы и лучшая часть тех германцев, которые в то время составляли лейб-гвардию (личную охрану) императора. Вместе с тем преторианский префект Элий Сеян, пользовавшийся большим уважением и значением у Тиберия, был присоединен в качестве товарища по службе к своему отцу Страбону для того, чтобы руководить молодым Друзом и указывать другим, чего они должны опасаться и на что они должны надеяться. При приближении Друза легионы вышли ему навстречу, как бы по обязанности, не выражая радости, как это обыкновенно бывает, и не блестя воинскими украшениями, но покрытые грязью, с лицами, которые хотели выразить печаль, но которые скорее выдавали упрямство.

Лишь только он вошел в лагерь и оказался внутри вала, как они тотчас же заняли ворота стражами и расположили в определенных местах лагеря вооруженные отряды, а остальные окружили трибунал огромной толпой. Друз стоял, требуя молчания движением руки. Они каждый раз, как обращали свои взоры на толпу, поднимали дикий угрожающий крик, а глядя на цезаря, начинали дрожать. Раздавался глухой ропот, затем отвратительное рычание, и наступала внезапная тишина. Под влиянием различных душевных движений они то сами испытывали страх, то других заставляли бояться. Наконец, когда прервался шум, Друз прочел послание своего

отца, в котором было написано, что он особенно заботится о храбрых легионах, с которыми он перенес столь многие войны; что лишь только его душа успокоится от печали, он тотчас же доложит сенату об их требованиях; что он тем временем отправил к ним своего сына, чтобы он без промедления тотчас же предоставил им то, что им сейчас же может быть предоставлено; что остальное должно быть поставлено на разрешение сената, который имеет право участвовать как в раздаче милостей, так и в присуждении наказаний.

Собрание ответило, что центурион Клемент сообщит об их требовании. Клемент начал свою речь с требования об увольнении после шестнадцати лет службы, говорил о вознаграждении после окончания службы, о том, что они должны ежедневно получать один денарий жалованья и что ветеранов не следует дольше удерживать под знаменами. Когда же Друз стал ссылаться на то, что это зависит от решения сената и его отца, то он был прерван криком: «Для чего же он прибыл сюда, если он не имеет полномочий ни повысить жалованье, ни облегчить тягости службы, ни совершить, наконец, какие-либо иные добрые дела? А вот на то, чтобы бить и убивать, клянемся Геркулесом, каждый может быть уполномочен. Прежде Тиберий имел обыкновение обманывать желания солдат, ссылаясь на имя Августа. И те же самые хитрости принес с собою Друз. Неужели к нам всегда будут являться лишь сыновья правителей? Совершенно новым является то, что император предоставлял решению сената лишь вопрос об одних выгодах, предоставляемых солдатам. В таком случае следовало бы спрашивать мнение сената каждый раз, как предполагались какая-либо казнь или сражение. Или разве только награды зависят от воли высших господ, а наказания — от произвола?»

Наконец, они покинули трибунал. Встречая на своем пути преторианских солдат и друзей Друза, они угрожали им кулаками, чтобы вызвать раздор и открытую борьбу. Больше всего они были ожесточены против Энея Лентула, так как думали, что этот человек, выделяющийся среди других своим преклонным возрастом и своей военной славой, поддерживает Друза и чувствует особенное отвращение к этим постыдным требованиям солдат. Вскоре после этого, когда он пошел с кесарем и, предвидя опасность, направился обратно в зимний лагерь, они его окружили и спросили, куда он идет, к императору или к сенаторам, чтобы и там выступить против льгот легионам? И они тотчас же напали на него и стали бросать камни. Уже окровавленный брошенным в него камнем и уверенный в своей гибели, он был спасен подоспевшими людьми, прибывшими в свите Друза.

Случай успокоил грозную и чреватую злодеяниями ночь. Солдаты увидели, что луна на ясном небе стала внезапно меркнуть. Не зная причины этого явления, солдаты приняли его за предзнаменование, связанное с настоящими событиями, уподобляя ущерб светла своим страданиям и думая, что их дело хорошо кончится, если лунная богиня снова обретет свой блеск и свою ясность. Поэтому они стали оглашать воздух бряцанием меди и звуками труб и рогов. И они радовались или горевали в зависимости от того, становилась ли луна ярче или тусклее. Когда поднимавшиеся облака скрывали луну от взоров толпы и когда думали, что она погребена во мраке, то они (так как напуганные души всегда склоняются к суевериям) начинали жаловаться на то, что им предрекается вечная мука и что боги чувствуют отвращение к их преступлениям. Решив воспользоваться этим настроением и считая, что он должен разумно использовать то, что ему послал случай, кесарь приказал обойти палатки. Были призваны центурион Клемент и другие люди, заслужившие расположение солдатской массы хорошим отношением. Они смешались с ночной стражей, со сторожевыми пикетами и с караулами у ворот, давая им надежду, усиливая в них страх. «До каких же пор будем мы держать в осаде сына императора? Когда окончится эта распря? Неужели мы станем приносить присягу Перценнию и Вибулену? Неужели Перценний и Вибулен будут раздавать жалованье солдатам и пашни

тем, которые выслужили срок? Наконец, разве они должны захватить власть над римским народом вместо Неронов и Друзов? Не лучше ли нам, которые были последними в провинности, быть первыми в раскаянии? Поздно получается то, что требуется для всех вообще, а частную милость можно тотчас же заслужить и тотчас же получить». Так как это взволновало умы и поселило недоверие между солдатами, то молодые солдаты отделились от ветеранов, а один легион отделился от другого. И постепенно стало возвращаться стремление к повиновению. Они стали освобождать ворота и разносить по своим местам знамена, которые в начале мятежа они снесли в одно место.

С наступлением дня Друз созвал солдат на сходку. Хотя он и не был искусен в ораторском искусстве, но все же с прирожденным великодушием упрекнул солдат за прошлое и похвалил за настоящее. Он говорил, что его нельзя победить ни утрашением, ни угрозами. Но если он увидит, что они обратились к смирению и если он услышит их мольбы, то напишет своему отцу, чтобы он, смилостивившись, внял бы просьбам легионов. «По их просьбе снова посылаются к Тиберию тот же самый Блэз с Люцием Апронием, римским всадником из когорты Друза, и Юстом Катонием центурионом первой манипулы. После этого мнения разделились. Одни считали, что нужно дожидаться возвращения послов и тем временем успокоить и задобрить солдат мягким обращением, другие же полагали, что надо действовать при помощи более сильных средств, так как чернь не знает умеренности: она устрашает, если она сама не боится, а если она почувствует страх, то с ней можно безнаказанно поступить с презрением. Теперь, пока она еще находится под страхом суеверия, полководец должен усилить этот страх, уничтожив зачинщиков восстания». У Друза был темперамент, склонный скорее к суровым мерам. Он приказал призвать Вибулена и Перценния и умертвить их. Многие передают, что они были закопаны в палатке полководца, другие же говорят, что трупы их были выброшены за вал, для того чтобы послужить устрашением другим.

После этого были разысканы главные зачинщики восстания. Часть их, бродившая вне лагеря, была перебита центурионами или солдатами преторианских когорт, а некоторые были выданы их манипулами в доказательство их верности. Много забот доставляла солдатам преждевременная зима непрерывными и столь сильными ливнями, что солдаты не могли выходить из палаток, не могли собираться и лишь с трудом могли оберегать знамена от уносившего их урагана и воды. К тому же они все еще продолжали бояться небесного гнева. «Не напрасно, — говорили они, — меркнут светила и раздражаются бури против нечестивцев. Нет другого средства избавиться от этих несчастий, как покинуть этот злополучный и оскверненный лагерь и, очистившись от вины умиловительной жертвой, каждому вернуться в свой зимний лагерь». Сперва отправился восьмой, а затем и пятнадцатый легионы. Девятый легион кричал, что нужно ждать ответа от Тиберия, но вскоре после этого, оставшись в одиночестве, вследствие ухода других легионов, он добровольно предупредил грозно встававшую перед ним необходимость. И Друз, не дожидаясь возвращения посольства, так как все в достаточной мере пришло в порядок, вернулся в Рим.

Почти в те же самые дни и по тем же самым причинам восстали германские легионы. Это восстание было сильнее, так как легионы были многочисленнее. При этом они надеялись на то, что Германик цезарь, не желая подчиниться власти другого человека, доверится и отдаст себя легионам, которые своей силой все увлекут за собой. Два войска стояли на берегу Рейна: одно, называвшееся верхним, находилось под властью легата Кая Силия, другим же командовал Авл Цецина. Общее командование принадлежало Германику, который в то время был занят производством ценза в Галлии. Войско, находившееся под начальством Силия, оставалось в нерешительном настроении и выжидало, чем окончится восстание других.

Солдаты же нижней армии дошли до неистовства. Восстание началось в двадцать первом и в пятом, а затем охватило первый и двадцатый легионы, так как они находились в том же самом летнем лагере у границы убиев, проводя время в праздности или будучи заняты легкой работой. При известии о смерти Августа простая чернь, недавно призванная в Рим в войска, привыкшая к распушенности и неспособная выносить работу, стала влиять на грубое сознание остальных солдат, нашептывая им: «Наступило время, когда ветераны могут требовать скорого увольнения, более молодые — увеличения жалованья, а все вместе — облегчения их несчастного положения и отомщения центурионам за их жестокость». Так говорил не один лишь солдат, как Перценний в паннонских легионах, и не перед боязливыми ушами солдат, с опаской озиравшихся на более сильные войска, но здесь раздался многоголовый мятежный крик: «Ведь в их руках находится могущество Рима; благодаря их победам увеличиваются пределы республики; их названия принимают императоры».

Легат не оказывал этому никакого противодействия. Численное превосходство восставших лишило его мужества. И вдруг эти бешеные с обнаженными мечами бросились на центурионов, которые издавна были предметом ненависти солдат и пали первыми жертвами их возмущения. Опрокинув их, они стали бить их прутьями, по шестидесяти человек против одного, соответственно числу центурионов. Истерзанных, изуродованных, некоторых уже убитых они бросили перед лагерем или в Рейн. Септимия, который прибежал к трибуналу и бросился к ногам Цецины, они требовали до тех пор, пока он не был им выдан на смерть. Кассий Херея, впоследствии оставивший по себе память в потомстве убийством Кая цезаря (Калигулы), бывший тогда молодым и неустрашимым, пробил себе мечом дорогу через вооруженную толпу, стоявшую на его пути. Ни один трибун, ни один лагерный префект не могли больше отдавать приказаний. Они сами стали распределять ночные караулы, пикеты и все то, что требовалось службой в настоящий момент. Для людей, глубже понимающих настроение солдат, особенным указанием на силу и ожесточенность движения было то обстоятельство, что солдаты не поодиночке, не по подстрекательству немногих, а все вместе взволнованно и возбужденно выступали, все вместе умолкали, действуя с таким единодушием и с такой настойчивостью, как будто бы ими руководил предводитель.

Между тем Германик, производивший, как было сказано, ценз в Галлии, получил известие о смерти Августа. Германик был женат на его внучке Агриппине и имел от нее много детей. Сам он был сыном Друза, брата Тиберия, и внуком Августа, но его тревожила скрытая ненависть дяди и бабки, которая была несправедливой и оттого еще более ожесточенной. Дело в том, что римский народ питал большое уважение к памяти Друза, и люди верили в то, что, если бы он достиг власти, он восстановил бы свободу. Этим объясняется и расположение к Германику и такая надежда на него. Действительно, юноша обладал чувством гражданственности, удивительной мягкостью в обращении, а речь и лицо его были совершенно иные, чем у надменного и скрытного Тиберия. К этому присоединялась и вражда, бывшая между женщинами и объяснявшаяся ненавистью мачехи Ливии к Агриппине. Впрочем, и сама Агриппина была слишком раздражительна, но ее целомудрие и ее любовь к мужу направляли ее неукротимый характер в хорошую сторону.

Однако, чем ближе был Германик к осуществлению высшей надежды, тем ревностнее стоял он за Тиберия. Он привел к присяге ему соседних [секванов и бельгийские общины. После этого, узнав о восстании легионов, он быстро направился к ним и встретил их вне лагеря. Глаза солдат были опущены в землю, как бы в раскаянии. Когда он вошел в лагерь, зайдя за вал, то раздались нестройные жалобные крики. Одни, схватывая его руку, как бы для поцелуя, всовывали его пальцы в свой рот, чтобы он почувствовал их беззубые десны, другие же показывали ему

свои скрюченные от старости члены. Он приказал толпе, беспорядочно стоявшей вокруг него, построиться по манипулам. Ему ответили, что им так лучше будет слышно. Тогда он велел принести знамена, чтобы по крайней мере мог различить когорты. Солдаты немедленно повиновались. Тогда он начал свою речь с того, что с благоговением отнесся к памяти Августа, и затем перешел к победам и триумфам Тиберия, особенно восхваляя его за те прекрасные подвиги, которые он совершил при помощи этих легионов в Германии. Затем он похвалил согласие Италии и верность Галлии и указал на то, что нигде нет ни смут, ни раздоров.

Они выслушали это молча или с легким ропотом. Но когда он коснулся восстания, спрашивая: «Где же воинское подчинение? Где же слава древней дисциплины? Куда они прогнали трибунов и центурионов?» — то все обнажили свое тело и стали с упреками показывать ему рубцы от ран и следы ударов. Затем смущенными головами они стали жаловаться на плату за отпуски, на скудность жалованья, на трудные работы, указывая в частности на рытье окопов и рвов, на доставку провiantа, строевого леса, дров и на все то, что требовалось необходимостью или производилось для того, чтобы занять солдат работой и не допустить безделья в лагерях. Самый дикий вой подняли ветераны, которые насчитывали тридцать лет службы и даже больше; они молили, чтобы он помог им, утомленным, не дал бы им умереть в тех же самых трудах, но положил бы конец их тягостной службе и даровал бы им безбедный покой. Некоторые даже требовали денег, завещанных божественным Августом, сопровождая эти требования благоприятными пожеланиями, направленными по адресу Германика, говоря, что если он хочет власти, то он может рассчитывать на их готовность. Но при этих словах он быстро спрыгнул с трибунала как будто бы эта преступная измена его запятнала. Когда он хотел уйти, они преградили ему путь и угрожали применить оружие, если он не возвратится. «Лучше умереть, чем нарушить верность!» — воскликнул он и выхватил меч, чтобы пронзить им свою грудь. Однако, стоявшие около него, схватив его за руку, силой его удержали. Задние тесно сплотившиеся ряды собравшихся и, что почти невероятно, отдельные солдаты, подходившие ближе, кричали: «Ударь!», а один солдат, по имени Калузидий, подал ему свой обнаженный меч, говоря, что он острее. Даже бунтовщики признали это отвратительным и бессовестным. Произошла пауза, во время которой кесарь был уведен своими друзьями в палатку.

Здесь произошло совещание относительно тех мер, которые следовало принять, ибо были получены сведения о том, что солдаты готовятся отправить послов к верхнегерманскому войску для того, чтобы привлечь его на свою сторону, что город убиев (Кельн) предположено разрушить и что оскверненные награбленной добычей руки бросятся затем на опустошение Галлии. Страх возрастал и под влиянием того обстоятельства, что неприятель, осведомленный о восстании римлян, мог бы вторгнуться, лишь только римские войска покинут берег Рейна. Если же вооружить вспомогательные войска и союзников, направив их против уходивших легионов, то следует опасаться гражданской войны. Строгость опасна, а уступчивость и щедрость постыдны. Все ли разрешать солдатам или ничего — все равно государство будет находиться в одинаковой опасности. Взвесив все эти соображения, решили написать письмо от имени главы государства следующего содержания: «Увольнение будет предоставляться прослужившим двадцать лет; однако, прослужившие 16 лет будут оставаться под знаменами, освобождаясь от всех работ, кроме обязанности борьбы с противником. Завещанные им деньги, которых они требовали, будут им выплачены в двойном размере».

Солдаты поняли, что это придумано лишь для настоящего момента, и поэтому потребовали немедленного исполнения. Увольнение в отставку быстро произвели при помощи трибунов, а выдачу денег всем солдатам отложили до возвращения в зимние лагеря. Но пятый и двадцать первый легионы не двинулись до тех пор,

пока не были немедленно выплачены в летнем лагере деньги, собранные Германиком и его друзьями из собственных путевых средств. Первый и двадцатый легионы легат Цецина отвел обратно в город убиев. Это был позорный поход, так как солдаты везли деньги, похищенные у императора, между знаменами и орлами. Германик же отправился к верхней армии, где второй, тринадцатый и шестнадцатый легионы без промедления приняли присягу. Четырнадцатый легион некоторое время колебался. Тогда ему были даны деньги и разрешено увольнение, хотя он этого и не требовал.

Вексилларии мятежных легионов, находившиеся в гарнизонах в стране хавков, подняли восстание, которое в некоторой степени было подавлено немедленной казнью двух солдат. Это приказал сделать лагерный префект Мений скорее для того, чтобы этим подать хороший пример солдатам, чем потому, что он на то имел право. Затем, когда движение стало усиливаться, он бежал. Когда его обнаружили и когда его убежище уже больше не могло его скрыть, то он стал искать защиты в смелости. «Вы оскорбляете, — сказал он, — не префекта, но полководца Германика, даже императора Тиберия». Сопротивлявшиеся ему испугались. Тогда он схватил знамя и, повернув его к реке, закричал: «Кто выйдет из строя, будет считаться дезертиром!» Так отвел он обратно в зимний лагерь мятежные, но все же ни на что не решавшиеся войска.

Между тем, послы сената встретили Германика, уже вернувшегося к алтарю убиев. Там зимовали два легиона, первый и двадцатый, вместе с ветеранами, уволенными со службы, но все еще остававшимися под знаменами. Страх овладел испуганными и терзаемыми совестью солдатами. Они боялись, что послы пришли по приказу сената для того, чтобы отменить то, что было вырвано восстанием. И как это обычно делает толпа, взваливая на кого-либо вину даже по ложным указаниям, они обвиняют Мунация Планка, бывшего консула, возглавлявшего это посольство, в том, что он — автор сенатского постановления. В полночь они начали требовать знамя, хранившееся в доме Германика. Сбежавшись к его воротам, они взломали двери и, вытащив кесаря из постели, принудили его, под страхом смерти, выдать знамя. Затем, бегая по улицам, они натолкнулись на послов, которые, услышав о волнении, спешили к Германику. Послам они нанесли оскорбления и готовились их убить, в особенности же Планка, которому его достоинство не позволяло бежать. Находясь в такой опасности, он мог искать убежища лишь в лагере первого легиона. Там он обнял знамя и орла, чтобы защитить себя неприкосновенностью религиозной святыни. И если бы орлоносец Кальпурний не отразил последнего насилия, то — редкое дело даже среди врагов — посол римского народа в римском лагере запятнал бы своей кровью алтарь богов. Лишь на рассвете, когда можно было распознать полководца, солдат и все, что случилось, Германик вошел в лагерь, приказал привести Планка и взял его к себе на трибунал. Затем, выразив сожаление о губительном безумии, которое снова проявилось не из-за гнева солдат, а вследствие гнева богов, он разъяснил, почему пришли послы. Облекая свое сожаление в красноречивые формы, он говорил о правах посольства, о тяжелой и незаслуженной участи Планка и о том, каким бесчестием себя покрыл легион. И в то время как собрание было скорее поражено, чем успокоено, он удалил послов под прикрытием всадников, взятых из вспомогательных войск.

Во время этого переполюха все порицали Германика за то, что «он не отправился к верхнегерманскому войску, где он мог бы найти повиновение и помощь против бунтовщиков. Слишком много уже наделали ошибок увольнениями, денежными раздачами и мягкими мерами. И если он слишком мало ценит свою жизнь, то почему он оставляет своего маленького сына и свою беременную жену среди людей безумных и нарушающих все человеческие права? Пусть он их по крайней мере возвратит деду и республике». Германик долго колебался, да и супруга его

не хотела с ним расставаться, заявляя, «что она, происходя от Августа, не настолько выродилась, чтобы бояться опасности». Наконец, обняв со многими слезами ее, беременную, и их общего сына, он побудил ее отправиться в путь. Печально двинулись в путь женщины и среди них спасавшаяся бегством супруга полководца, неся на руках маленького сына. Кругом них плакали жены друзей, которые должны были уйти вместе с ними. И не менее печальны были те, которые остались.

Печальный вид кесаря, находившегося не в блеске своего могущества, не в собственном лагере, но как бы в побежденном городе, стоны и плач привлекли к себе слух и взоры солдат. Они вышли из палаток, говоря: «Что это за жалобные звуки? Что это такое, столь печальное? Это знатные женщины, и нет ни одного центуриона, ни одного солдата для их защиты, — нет ничего, что подобает супруге императора, нет даже обычной свиты! Они идут в страну треверов, находясь под чужой защитой». Тогда пробудились в них стыд и сожаление, воспоминание об ее отце Агриппе, об ее деде Августе, о свекре Друзе и о ней самой, замечательно плодотворной матери и славившейся своей скромностью жене, наконец, о ребенке, родившемся в лагере и выросшем на глазах у легионов, которого они называли солдатским прозвищем «сапожок» (Калигула), так как ему обычно надевали такую обувь для того, чтобы привлечь к нему расположение толпы. Но на них ничто так не подействовало, как ненависть к треверам. Они не пускали ее, просили вернуться, остаться. Часть их побежала навстречу Агриппине, большинство же возвратилось обратно к Германику. Но он, еще чувствуя всю свежесть горя и гнева, так начал свою речь к подступившей к нему толпе:

«Ни жена, ни сын мне не дороже моего отца и моей родины. Но первого оградит его величие, а Римскую империю защитят остальные войска. Мою жену и моих детей, которых я охотно принес бы в жертву и послал бы на гибель ради вашей славы, я теперь удаляю от безумных людей, чтобы какое-либо злодеяние, которое здесь грозит произойти, было искуплено лишь моей кровью и чтобы убитый правнук Августа и умерщвленная невестка Тиберия не сделали бы вас еще более виновными. Какие только дерзкие и позорные поступки вы не осмелились совершить в течение этих дней? Как мне назвать это сборище? Назвать ли вас солдатами — вас, окруживших валом и оружием и осадивших сына своего императора? Или назвать вас гражданами — вас, с таким презрением отнесшихся к авторитету сената? Вы нарушили даже священную неприкосновенность посольства и международное право, признаваемое даже врагами! Божественный Юлий одним только словом укротил восставшее войско, назвав квиритами (гражданами) солдат, не хотевших ему присягать. Божественный Август своим лицом и взором устроил легионы при Аквиуме. Хотя я еще и не равен им, но я от них происхожу. И если бы воин Испании или Сирии отнесся ко мне с презрением, то это уже было бы странным и недостойным его делом. А теперь, ты, первый, и ты, двадцатый легионы, ты, награжденный Тиберием знаменами, ты, соратник его в стольких битвах, осыпанный столькими благодеяниями, как замечательно вы благодарите вашего вождя! Что же, об одном этом я должен буду сообщить своему отцу, который из всех провинций получает лишь радостные вести? Что его молодые войны, его ветераны не насытились ни увольнениями, ни деньгами; что здесь только убивают центурионов, прогоняют трибунов, подвергают заключению послов; что лагери и реки запятнаны кровью и что я сам влачу жизнь из милости среди озлобленных и враждебных людей.

«Зачем вы, непредусмотрительные друзья, вырвали тогда, в день первого собрания из моих рук тот меч, которым я был готов пронзить свою грудь? Лучше, и с большей любовью поступил бы тот, кто предложил бы мне свой меч. По крайней мере я пал бы тогда, не будучи свидетелем стольких преступлений, совершенных моим войском. Вы выбрали бы тогда себе вождя, который хотя и оставил бы

мою смерть безнаказанной, но все же отомстил бы за Вара и за три легиона. Ведь не допустят же боги, чтобы бельгам, предлагающим свою помощь, досталась честь и слава за то, что они пришли на помощь римскому имени и укротили народы Германии! Пусть твоя душа, божественный Август, принятая на небо; пусть, отец Друз, твой образ и память о тебе помогут этим воинам, охваченным стыдом и стремлением раскаяться, смыть это позорное пятно и обратить междоусобную брань на гибель врагу! А вы, у которых я теперь вижу другие лица и другие сердца, если вы хотите снова вернуть сенату послов, повиновение полководцу, а мне супругу и сына, то отойдите от заразы, отделите бунтовщиков. Это будет прочным залогом вашего раскаяния и это свяжет вашу верность».

Смиренно сознавая, что эти упреки справедливы, они стали его умолять, чтобы он наказал виновных, простил заблуждавшихся и повел их против врага; чтобы он призвал обратно свою супругу, вернул бы питомца легионов и не отдал бы их таллам в качестве заложников. Он отказался от возвращения Агриппины вследствие предстоящих родов и зимнего времени, но обещал вернуть сына, остальное же они должны были сделать сами. Изменившись, солдаты стали бегать повсюду и тащить самых ярых бунтовщиков, связав их, к легату первого легиона Каю Петронию, который над каждым в отдельности творил суд и расправу следующим образом: легионы, как бы собранные на сходку, стояли с обнаженными мечами, а обвиняемый показывался на возвышенном месте трибуном; если солдаты кричали, что он виновен, то его сбрасывали и убивали. И солдат радовался убийствам, как будто бы он этим сам себя очищал. А кесарь не противился этому, так как это совершалось без всякого с его стороны приказания, и поэтому жестокость этого поступка и ненависть за него падали на самих солдат. Этому примеру последовали ветераны, которые вскоре после этого были посланы в Рецию под предлогом обороны этой провинции от угрожавших ей севов, а на самом деле для того, чтобы их удалить из лагеря, возбуждавшего ужас как суровостью исправительных мер, так и воспоминанием о преступлении. Затем он произвел смотр центурионам. По вызову полководца каждый указывал свое имя, свой разряд, свою родину, количество годов службы, а также свои подвиги, совершенные в боях, и какие он получил военные награды. Если трибуны и легион подтверждали его рвение по службе и его невиновность, то он сохранял свою должность. Тех же, кого единогласно обвиняли в корыстолюбии или в жестокости, увольняли со службы.

Здесь, таким образом, дела были улажены, но все еще оставались не меньшие трудности вследствие упорного неповиновения пятого и двадцать девятого легионов, которые зимовали в 60 милях отсюда, — в месте, которое называлось Ветера. Они первые начали восстание. Самые ужасные насилия были совершены их руками. Не уstraшенные наказанием своих товарищей и не раскаявшись, они все еще находились в состоянии озлобленности. Поэтому кесарь снаряжает легионы, флот и союзников для того, чтобы отправить их вниз по Рейну, решившись вступить с ними в борьбу в том случае, если они откажутся ему повиноваться.

Однако, Германик, — хотя он уже и собрал войско и был готов отомстить бунтовщикам, — все еще считал, что нужно подождать, не позаботятся ли они сами о себе под влиянием недавнего примера. Предварительно он послал письмо Цецине, в котором писал, «что он идет с большими военными силами, и если они сами до его прихода не накажут злодеев, то он прикажет рубить без разбора». Это письмо Цецина тайно прочел орлоносцам и знаменосцам, а также тем, кто в лагере сохранял верность, убеждая их избавить всех от позора, а самих себя от смерти, ибо в мирное время обращают внимание на суть дела и на заслуги, но когда начинается война, то невинные гибнут вместе с виновными. Потолковав с теми, кого они считали подходящими для этого дела, и видя, что большая часть солдат в легионах остается верной долгу, они, с согласия легата, назначили время, чтобы напасть с ме-

чом в руках на самых дерзких и наиболее готовых к восстанию солдат. И тогда, по условленному знаку, бросившись в палатки, они убили ничего не подозревавших солдат. Никто, кроме соучастников этого дела не знал, каким образом началась эта бойня и когда она кончится.

Внешний характер этой гражданской войны отличался от всех таких когда-либо бывших войн. Тут не было сражения, тут люди не из противоположных лагерей, но из тех же самых палаток, где они днем вместе ели, а ночью вместе спали, делятся на партии и сражаются оружием. Слышен крик, видны раны и кровь, но причина всего этого скрыта. Всем остальным управляет случай. Были убиты и некоторые из благонамеренных, так как бунтовщики, узнав, против кого направлена резня, также взялись за оружие. Ни один легат, ни один трибун не явились, чтобы умерить кровопролитие; толпе была предоставлена свобода насытиться мстостью. Вскоре после этого Германик вошел в лагерь. Со слезами на глазах он заявил, что это не исцеление, а кровавая баня, и приказал сжечь трупы. Еще бунтовавших солдат охватило желание идти против врага, чтобы искупить свое ожесточение. Ведь они могли успокоить души своих товарищей, лишь покрыв свою грешную грудь честными ранами. Германик, следуя пылу солдат, приказал построить мост и перевел по нему 12 000 легионеров, 26 союзных когорт и 8 эскадронов кавалерии, хорошее поведение которых во время этого восстания осталось незапятнанным».

Так пишет Тацит. Последние слова уже являются переходом к описанию большой германской войны, которое непосредственно следует за этим рассказом. В предыдущих главах нами уже была описана эта война и подвергнуты исследованию вопросы, с нею связанные.

НАБОР

Дион рассказывает (56, 25), что когда в Рим пришло известие о гибели легионов Вара и Август приказал сформировать новые войска, то силы римского народа уже были почти исчерпаны. Добровольцев не оказалось. Поэтому Август приказал бросить жребий и наказал конфискацией имущества и бесчестием каждого десятого из тех, кто был старше 35 лет, и каждого пятого из более молодых; наконец, некоторых даже подверг смертной казни. Это место часто цитировалось, но собственно говоря, из него можно извлечь лишь весьма небольшое. Надо было набрать около 18 000 человек. Однако, при пятимиллионном населении это все же является столь большим числом, что его не так скоро соберешь при помощи одного лишь барабана вербовщиков, но с точки зрения народного хозяйства это было очень незначительной повинностью, в особенности потому, что в данном случае не совсем пренебрегали даже вольноотпущенниками и иностранцами. Один лишь годовой контингент молодых римских граждан давал приблизительно 40 000 человек. Поэтому кажется совершенно невероятным, чтобы нужно было брать в войска граждан старше 35 лет, у которых можно было конфисковать имущество и которые, следовательно, были оседлыми жителями, по крайней мере в том случае, если дело действительно шло о формировании запасных легионов, а не об образовании временного ополчения для отражения вторгшихся в Италию германцев. Легче всего из этого рассказа принять факт жеребьевки, так как здесь вообще царил произвол чиновников. Но буквальный текст этого рассказа не говорит об этом; к тому же жеребьевка при такой небольшой потребности в рекрутах и при таком большом количестве боеспособных людей не является таким способом, который можно легко провести в жизнь. Очевидно, на практике этот набор сводился к заключению договоров между вербовщиками и общинными советами, которые, как это было принято обычно делать у нас в XVII и XVIII вв., указывали на тех молодых людей, которые им казались

«ненужными». Но эти команды, состоявшие из людей, которые по субъективным признакам признавались годными и ненужными, часто не обнаруживали никаких склонностей к военному делу, а потому многие из них, как это пишет Светоний («Тиберий», гл. 5), пытались искать убежища в тех домах, в которых крупные помещики держали своих рабов и в которых Тиберий однажды приказал произвести обследование.

Светоний рассказывает («Август», гл. 24): «Римского всадника и его имущество продали с публичных торгов за то, что он отрезал большие пальцы у двух своих молодых сыновей, для того чтобы избавить их от военной присяги». Рассказ этот в такой форме непонятен, так как римский всадник, как состоятельный человек, — если он вообще имел возможность освободить своих сыновей от военной службы, — во всяком случае мог бы найти иные способы, чем отрезывание им больших пальцев. Может быть в данном случае этот рассказ можно объяснить так, что сыновья хотели поступить в армию против воли отца (в качестве центурионов с разрешения императора) и что отец, в страстном порыве после бурной семейной сцены, решился их изуродовать, чтобы таким образом настоять на своем требовании. Но как бы то ни было, такой рассказ во всяком случае не может быть использован в качестве примера, иллюстрирующего римскую систему набора.

В своем сообщении сенату Тиберий сказал (Тацит, «Анналы», IV, 4): «Нужно пополнить войска наборами, ибо добровольных охотников в войска не находится, а если такие и находятся, то они не обладают ни нужной храбростью, ни нужной дисциплиной, так как по большей части по доброй воле идут на военную службу нищие и бродяги».

Разрешение ставить вместо себя заместителя засвидетельствовано Плинием («Посл.», 10, 39), но все же сомнительно, чтобы это разрешение существовало уже в эпоху Августа. К тому же, вероятно, было трудно найти себе заместителей в тот момент, когда формировались новые легионы, которые должны были заменить легионы Вара.

То, что набором часто пользовались для вымогательства, видно из Тацита («Анналы», XIV, 18; «Истории», IV, 4; «Агрикола», гл. 7).

ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ ВСЕГО ВОЙСКА

Тацит («Анналы», IV, 5) в связи с одним сообщением Тиберия сенату в 9-й год его правления указывает, что вспомогательные войска по своей численности приблизительно равнялись легионам: «в удобных местах провинций находились союзнические триемы, эскадроны конницы и когорты вспомогательных войск, в которых было не меньше сил (чем в легионах); но пускаться в дальнейшие подробности было бы неосторожно, так как, смотря по обстоятельствам времени, эти войска переходили туда и сюда, причем их численность увеличивалась, а иногда и уменьшалась». Это следует понимать в том смысле, что вспомогательные войска достигали такой же численности, как и легионы, в те моменты, когда эти вспомогательные войска были особенно многочисленны и когда, следовательно, ввиду угрожавшей войны, численность их могла увеличиваться. Во времена полного мира они были слабее, и это вполне согласуется с теми отдельными вычислениями, которые можно было произвести. Вегетий (II, 1) говорит, что «во вспомогательных войсках обычно записывали меньшее количество, а в легионах значительно большее количество солдат». Но на этом не следует особенно основываться, так как мы не знаем, какому автору принадлежит это замечание и к какой эпохе оно, таким образом, относится.

Глава IX

Теория

Греческая философия пыталась своей мыслью проникнуть во все области духовной жизни и жизни природы, в том числе и в военное дело, подвергая все эти вопросы разработке. В I томе мы разобрали лишь первого из этих военных теоретиков, которого мы можем считать основоположником,—Ксенофонта, отложив дальнейшее рассмотрение этого вопроса до настоящей главы ввиду того, что соответствующие источники сохранились лишь от римской императорской эпохи.

Нельзя сказать, чтобы философы были низкого мнения о ценности своих теорий. До нас дошло небольшое сочинение¹, в котором в качестве введения категорически указывается на то, что Александр смог завоевать весь мир только благодаря урокам Аристотеля. Тут же перечисляются все отдельные формы тактики, которым Александр научился от своего учителя и которые привели его к победам. Когда Ганнибал покинул Карфаген и бежал ко двору царя Антиоха, то там перипатетик Формион стал ему указывать, каким образом он должен был поступить, чтобы победить римлян.

То, что фактически сохранилось от греческих тактиков, едва ли находится на высоте этих требований, — хотя, впрочем, можно сказать и наоборот — действительно стоит на высоте этой мудрости. Удивительно, как скудна эта литература, и тем более удивительно, что два крупнейших человека — Полибий и Посидоний — составили руководства по тактике. Если последние до нас и не дошли, то все же сохранившиеся до нашего времени более поздние труды Асклепиодота, Оносандра, Элиана и Арриана восходят к ним. Но в этих трудах не проявлено ни капельки разума, а самым удивительным является то, что, — хотя Полибий и пережил победу римской тактики боевых линий над фалангой и даже сам ее описал, а Посидоний жил во времена Цезаря и все остальные вышеупомянутые писатели жили в императорскую эпоху, — но все же ни в одной из этих тактик мы не сможем найти ни слова о легионе и о его своеобразных формах борьбы. Мы находим в них все ту же самую седую теорию, переходящую в течение столетий из одной книги в другую и все еще оперирующую с длиннокопийной фалангой. Мы видим все тот же самый скудный схематизм, который основывает свои вычисления на численности нормальной армии, состоящей из 16 384 человек, так как это число можно постоянно делить пополам и так как оно дает возможность образовывать изящные равномерные подразделения, из которых можно конструировать тактические формы. Нет никакой необходимости дольше останавливаться на этом вопросе и перечислять все те ошибки и даже абсурды, которые были допущены в отдельных деталях².

¹ Köchly und Rüstow, «Griechische Kriegsschriftsteller», Zweiter Teil, Zweite Abteilung, S. 213.

² Нам нет никакой надобности вникать в рассмотрение чисто теоретических суждений, даже если они повлекли за собой вполне реальные эксперименты, как это делает Рюстов (Rüstow, «Geschichte der Inf.», I, 54), ввиду того, что они не оказали никакого положительного влияния.

Из числа римских писателей такой крупный человек, как Марк Порций Катон Старший, написал труд «О военном деле» («De re militare»). Если нам кажется вполне естественным, что именно первый латинский писатель прозаик, взявший в руку заостренную палочку для письма, стал писать как раз о военном деле, то тем удивительнее факт, что у него нашлось столь мало последователей и что в римскую императорскую эпоху свое преобладающее положение сохранили упомянутые нами греческие теоретики, которые имели возможность посвящать свои писания римским императорам. Единственными достойными упоминания военно-теоретическими произведениями римской литературы этой эпохи являются одна утерянная работа Цельза и один труд Фронтинна, бывшего очень видным полководцем, жившего в начале I в. н. э. и оставившего собрание военно-исторических примеров. Правда, весьма возможно, что самое лучшее погибло, а именно — те «Положения», которые Август издал для армии и которые были возобновлены и дополнены Траяном и Адрианом. Эти «Положения» являлись тем, что мы называем «уставом» в широком смысле этого слова. Они содержали предписания относительно набора, вербовки, организации, служебного распорядка, строевого учения, снабжения и управления. Может быть, практические указания и предписания были снабжены также теоретическими объяснениями и общими обоснованиями, так что устав был в то же время и руководством по всей военной науке, да к тому же таким исчерпывающим и таким всеобъемлющим, что именно поэтому в данной области уже дальше нечего было делать и не появлялось никакой новой литературы, тем более, что в военном искусстве в эту эпоху мы не видим какого-либо более или менее значительного и существенного прогресса.

Таким образом, в этой области могли появляться разве только технические указания и исследования, как, например, учение архитектора Витрувия о сооружении орудий. В связи с этим следует упомянуть также и описание римского лагерного расположения, приписываемое некоему Гигину.

Труд Катона и «Положения» императоров погибли, не сохранились до нашего времени. Но из них косвенно довольно много сохранилось в работе, составленной Флавием Вегецием Ренатом, — вероятно, при Феодосии Великом, а, может быть, даже при его внуке, Валентиниане III, в V в. Вегеций не был воином, практически знавшим военное дело, и не имел никакого представления о тех вещах, о которых он писал. Да он и не мог иметь эти знания и это представление, так как давно уже не существовало того римского войска, которое мы выше имели возможность изучить. Вегеций оплакивает гибель древней Римской империи и древней римской военной мощи и, делая выдержки из древних писателей, пишет свою книгу для того, чтобы показать, как это было во времена предков и что нужно сделать, чтобы возобновить древнюю славу. Но он не имеет никакого представления о том, что во времена предков также существовали различные эпохи, которые существенно отличались одна от другой, и компилирует свои выдержки, основываясь на более или менее ясных точках зрения, но при этом совершенно не учитывая хронологического момента¹. Это обстоятельство приносит существенный ущерб

¹ Ферстер (J. G. Förster, «De fide Fl. Vahetii Renati» «Bonner Dissertation», 1879) обнаруживает во многих местах у Вегеция безнадежную путаницу.

исторической ценности его книги, но так как мы только теперь научились распознавать подобного рода ошибки, то это ни в какой мере не смогло ослабить последующее влияние этой книги и нанести ей какой-либо вред в смысле ее дальнейшего использования. Эту книгу читали в течение всех Средних веков. В эпоху Карла Великого этот труд был обработан применительно к потребностям франкского войска. В «Завещании» графа Эверарда де-Фрея, жившего в эпоху Людовика Благочестивого (837), цитируется какой-то Вегеций. Готфрид Плантагенет при осаде замка Гайяр приказал внимательно просмотреть Вегеция, чтобы ознакомиться с наилучшими способами атаки. Начиная с X и до XV вв. существовало не менее 150 списков этой работы. В эпоху Возрождения эта книга неоднократно печаталась, а австрийский фельдмаршал принц де-Линь объявил ее «золотой книгой» и писал по поводу нее: «Вегеций говорит, что некий бог вдохновил на создание легиона, я же нахожу, что некий бог вдохновил Вегеция».

Наиболее ценные части этой книги восходят, главным образом, к Катону и к «Постановлениям» Августа и Адриана, которые в ней цитируются. Но эта работа не имеет особенного философского значения и потому не оказала действительного влияния на военное искусство и на его развитие. Поэтому на эту книгу теперь смотрят и ее читают только под антикварно-историческим углом зрения. Но все же вполне понятно, почему в течение столь долгого времени ее столь высоко ценили и постоянно изучали. Практические военные деятели испытывают большую потребность в том, чтобы отдавать себе ясный отчет в своих действиях, а Вегеций хотя и не проникает в самую глубину, все же позволяет найти целый ряд положений, выраженных в отчетливой и понятной для всех форме, которые чрезвычайно полезны для размышлений и дискуссий на военные темы. Очень сомнительно, является ли правильным, что необходимо строить прекрасные мосты для противника и что более рекомендуется причинять неприятелю вред понемногу при помощи хитрости, чем полагаться на превратности открытого сражения. Во всяком случае этими положениями очень много оперировали. Что нельзя вести в бой солдат, которые недостаточно обучены; что нелегко разбить того, кто правильно умеет оценивать свои силы и силы своего противника; что всякая неожиданность повергает неприятеля в ужас; что тот, кто не заботится о снабжении своих войск, будет побежден, не подвергшись даже ударам меча,— все это такие истины, которые для своего признания не требуют классического авторитета. Но ведь и общие места должны же быть когда-нибудь формулированы, а будучи удачно облечены в форму теоретических рассуждений общего характера и перемешаны с блестящими некоторой учености, общие места очень способствуют тому, чтобы сделать данную книгу популярной.

Даже те доктринерски-фантастические и забавные построения, которые мы иногда находим у Вегеция, как, например, его семь боевых порядков, из которых один имеет форму вертела, не смогли причинить вред его книге. Это звучало по-ученому, и ученые даже с большим удовольствием ломали себе голову над этой удивительной семеркой, подвергая ее изучению; на практике же на этот «вертел» обращалось так же мало внимания, как на «пустой клин» или на «щипцы».

Рассматривая вопрос относительно того, какие страны и какие племена поставляют наилучших рекрут, Вегеций разрешает его в пользу умеренной полосы и указывает, как он сам говорит (I, 2), причину этого явления, опираясь на авторитет самых крупных ученых. Он полагает, что народы, живущие под палящими лучами солнца, засушиваются чрезмерной жарой, и хотя их умственные способности более развиты, они в то же время обладают меньшим количеством крови и в силу этого менее устойчивы в бою холодным оружием: будучи малокровными, они меньше доверяют своим силам и сильнее боятся ран. Северные же народы, не будучи столь умственно развитыми, полнокровны и потому любят войну. Поэтому рекрут следует набирать в умеренной климатической полосе, где люди достаточно полнокровны для того, чтобы презирать раны и смерть, и в то же время обладают некоторым умственным развитием, что способствует поддержанию дисциплины в лагере и весьма полезно во время сражения.

Несмотря на такого рода заблуждения, римская военная литература ясно показывает трезвый склад мышления этого народа, обращенный на разрешение практических задач. Греческая же военная литература,—как в «Киропедии», в которой Ксенофонт изложил свое учение, облекши его в поэтическую форму, так и в системах позднейших писателей,—целиком отразила умозрительный характер мышления греческого народа. Но чем меньше мы будем хвалить выводы греческой философии, имеющие отношение к военному делу, тем меньше мы сможем удержаться от того, чтобы воздать хвалу тому способу, при помощи которого эллины сумели сочетать изучение техники с идеями общего характера. Александриец Герон, написавший книгу о производстве орудий в эпоху Птоломеев, начинает свой труд со следующих вступительных слов¹:

«Важнейшей и необходимейшей частью философского исследования является та ее часть, которая имеет своим предметом душевный покой, о чем трактовалось в большинстве исследований практических философов и о чем трактуется до настоящего времени,—и я думаю, что теоретическое изучение этой темы никогда не кончится. Но механика стоит выше теоретического учения о душевном покое, так как она учит всех людей той науке, которая при помощи одной, и притом ограниченной, своей части дает возможность людям жить в состоянии душевного спокойствия. Я как раз имею в виду ту ее часть, которая трактует о сооружении орудий. Благодаря ей мы будем в состоянии никогда не испытывать страха, как в мирное время, не боясь нападения врага, так и при возникновении военных действий. Залогом этого является та мировая мудрость, которая скрывается в этих машинах. Поэтому нужно, чтобы эта часть (механики) всегда находилась в полном порядке, и на эту сторону дела нужно обращать самое серьезное внимание, ибо даже во времена самого глубокого мира можно только в том случае надеяться, что этот мир будет все более и более укрепляться, если должным образом будут относиться к делу сооружения орудий и обеспечивать свой душевный покой сознанием того, что это дело выполняется. А если замышляющие дурное заметят, что их противник обращает тщательное внимание на эту сторону дела, то они никогда не отважатся на нападение. Но если этим

¹ См. Köchly und Rüstow, «Griechische Kriegsschriftsteller», I, 201.

пренебречь, то всякое нападение, как бы незначительно оно само по себе ни было, будет иметь успех в том случае, если в городах против них не будет принято соответствующих мер».

Современный артиллерист, а вместе с ним и военный министр, так же как и каждый поборник военных вооружений, должны взвесить все значение этих слов древнего философа.

Глава X

Упадок и разложение римского военного искусства

Обычно принято смотреть на войну римлян с маркоманами при Марке Аврелии, как на прелюдию к торжеству германцев над Римом. Племя маркоманов, постоянно жившее в Богемии, усиленное присоединившимися к нему германскими и негерманскими племенами, перешло через Дунай, опрокинуло римскую пограничную охрану, взяло штурмом города, дошло до Аквилей и стало угрожать Италии. Император Марк Аврелий заложил коронные драгоценности, чтобы достать денег. Однажды он сам со своим войском попал в очень тяжелое положение и спасся лишь благодаря внезапной прозе, которая стала темой многочисленных легенд. Шестнадцать лет продолжалась эта борьба, пока римляне, наконец, не одолели теснивших их врагов.

Но как ни взволновала эта война римский мир, все же она не была предвестником грядущих событий. Она была, безусловно, одной из пограничных войн, подобной тем, которые велись еще при Августе. Своим первоначальным успехом германцы были обязаны тому обстоятельству, что римляне, вовлеченные в войну с парфянами, бросили все свои силы на восток. Если и нельзя установить того факта, что именно для этой цели были сняты войска с Дуная, то все же возникшие затруднения явились причиной того, что не было возможности отправить туда достаточные подкрепления.

Чума, свирепствовавшая в течение нескольких лет, усилила нужду и затруднения римлян. Когда же германские племена, учтя благоприятный момент, одновременно во многих местах перешли через границу, то римляне сочли это следствием заключения большого союза между варварами, а позднейшие историки — предвестником переселения народов¹. Однако, на самом деле эта война скорее

¹ Таково вполне справедливое мнение Л. Шмидта относительно войны с маркоманами (L. Schmidt, «Hermes», Bd. 34, S. 135).

относится к эпохе предшествующих, чем последующих событий. Если римское войско однажды и подверглось большой опасности со стороны германцев, то ведь это пришлось испытать еще Друзу и Германику. Продолжительность войны с маркоманами объясняется не тем, что римлянам было слишком трудно прогнать вторгшиеся племена обратно за Дунай, но тем, что германцы захватили громадную добычу, главным образом пленными, которую римляне хотели у них отнять. Эта война явилась прелюдией к будущему лишь в том отношении, что в это время враждебная правительству партия выдвинула другого императора, что парализовало силы Марка Аврелия на Дунае. Несмотря на это, ему, наконец, удалось одержать окончательную победу над дерзко наступавшим неприятелем,—и если мы можем верить нашим источникам, то еще немного оставалось сделать для того, чтобы продвинуть римскую государственную границу за пределы Богемии. Но в это время (180 г.) умер Марк Аврелий, а его юный сын и наследник Коммод не был тем человеком, который мог бы довести до конца это дело. Поэтому границей здесь остался Дунай.

Даже крупные волнения и тяжелые гражданские войны, охватившие всю Римскую империю после падения Коммода, еще не внесли разложения в военную организацию римского государства. Северы—Септимий, Каракалла, Александр—еще могли стремиться к выполнению широких военных планов и завоевательных замыслов на Востоке. Месопотамия опять попала в их руки. Но падение этой династии (235 г.) вызвало кризис.

До этого времени, несмотря на порой крупные потрясения, всегда удавалось в конце концов устанавливать прочное правительство на некоторое—иногда на очень продолжительное—время. Теперь же этого сделать не удалось. Северы, правда, образовали преемственно существовавшую династию, однако, она погибла, будучи насильственно уничтожена. Теперь мы вступаем в такую эпоху, когда мирная преемственность власти становится уже невозможной. Императоры, только что провозглашенные, вскоре после этого низвергаются и умерщвляются. То в одной, то в другой провинции появляются соперничающие императоры, которые ведут междоусобную борьбу. Большие части государства в течение ряда лет остаются самостоятельными, находясь под властью провозглашенных там императоров.

Здесь не место раскрывать во всей широте последние причины этих крупных перемен. Следует только резко подчеркнуть, что здесь ни в коем случае мы не имеем дела с прогрессирующим процессом загнивания. Наоборот, здесь существенным моментом, несомненно, является растущая национальная унификация, которая постепенно уничтожала древнее преобладание города Рима, сжимавшее все в тиски. Пока провинции оставались варварскими, они не имели никакой возможности самоопределиться. Да и чего бы они достигли, если бы оторвались от империи? Такое движение, охватившее Галлию по смерти Нерона, окончилось неудачей вследствие собственной бесцельности. Таким образом, город Рим наложил свой отпечаток на мировую империю и в течение ряда поколений решал участь правительства. Но теперь не только Италия, но и Африка, Испания, Галлия и Британия были латинизированы и пропитаны римской культурой. Равным образом и Восток был проникнут греческим культурным влиянием. Командный состав, гражданские должностные лица,

сословие всадников, даже сенат все более и более пополнялись латинизированными провинциалами¹. Но именно благодаря этому процессу становилось особенно трудным удерживать вместе насильственно спаянные страны от Каледонских гор до Тигра и от Карпат до Атласа. Покоренные страны и города почувствовали теперь, что они подобны Италии и Риму и равноценны им. Предоставив всем подданным в равной мере римское гражданское право, Каракалла дал государственно-правовое оформление этому явлению.

И в хозяйственном отношении Римская империя до этого времени, конечно, еще не клонилась к упадку, как об этом часто до сих пор еще пишут и говорят. Все страны, расположенные вокруг Средиземного моря, образовывали единый хозяйственный район с трудолюбивым, деятельным населением. В течение целых двухсот лет внутренний мир лишь изредка нарушался, и корабли бороздили из конца в конец не только все Средиземное море, но даже Черное море и океан, не тревожимые злыми врагами торговли — пиратами. Рабство постепенно уменьшалось, так как внешние войны лишь изредка доставляли новых рабов. Уступая необходимости, крупные земельные собственники вновь разделили свои латифундии на мелкие участки, распределив их между арендаторами или колонами. Вместо бессемейных орд рабов на землю все больше и больше садились семьи, которые возвращали детей и тем увеличивали численность населения. Даже знатные семьи начинали переселяться из города в деревню, образуя здесь небольшие хозяйственные и культурные центры. В то время как раньше более или менее крупное значение имели лишь приморские города, теперь выросло много городов, лежавших на реках внутри страны. Поколение за поколением люди строились на сети дорог, которая становилась все гуще и гуще. Громадный административный аппарат, объединявший все государство, функционировал в строгом порядке. Гнет военных повинностей, как мы это уже видели, был не только невысоким, но даже незначительным.

Если мы зададим вопрос о духовно-нравственном состоянии римского населения, то, конечно, нельзя будет даже и говорить о каком-либо вырождении. К последним крупным фигурам собственно древнего мира — Сенеке, Плинию, Тациту — и к великим юристам непосредственно примыкают отцы христианской церкви в эпоху ее образования.

Даже сама гражданская война не обнаруживает в людях ничего старчески дряхлого. Ряд в высшей степени значительных и способных людей — Декий, Клавдий, Аврелиан, Проб, Диоклетиан — один за другим поднимаются на императорский престол. Рим далеко еще не обеднел крупными личностями, государственными людьми и полководцами. Эти императоры были не хуже своих предшественников.

Таким образом, во всех этих явлениях мы не должны искать причин падения империи. Цветущая и прогрессивно развивавшаяся хозяйственная жизнь не могла вдруг и на длительное время резко изменить свой облик, дав внезапно совершенно противоположную картину, да и сам характер римского народа не мог сам по себе настолько измениться, чтобы государство распалось. Здесь скорее про-

¹ Dessau, «Die Herkunft der Offiziere und Beamten des Römischen Kaiserreiches, während der ersten zwei Jahrhunderte seines Bestehens», «Hermes», Bd. 45, 1910.

исходит крупное политическое изменение, которое находит свое яркое выражение в самом мощном орудии политики — в армии.

Римская мировая держава в эпоху своего наивысшего расцвета не смогла создать твердую самодовлеющую верховную власть. Римская императорская власть не была похожа на современные наследственные династии. С самого начала в ней принцип наследственности находился в противоречии с первоначальным моментом — с притязанием полководца, каковым был Цезарь, основавший эту власть. Довольно долго оставалось даже неясным, будет ли его преемником один из его полководцев — Антоний — или его кровный наследник — Октавиан. И это внутреннее противоречие никогда не было преодолено и не могло быть преодолено. Право наследования вкладывало скипетр власти в руки неспособных и несносных людей, а провозглашение императором во время народных волнений в столице сенатом или преторианцами, или же легионами всегда носило характер произвола и узурпации. Против одной узурпации поднималась другая. Довольно удивительным, свидетельствующим о политическом таланте римского народа, является то, что в течение целых полутора столетий после того, как вымерла династия Юлиев, удавалось, — благодаря соглашениям и компромиссам, главным образом, между армией и сенатом, — постоянно все снова и снова устанавливать власть общепризнанного императора, создавая, таким образом, твердый порядок. Когда же этого, наконец, не удалось больше сделать, то в результате наступил кризис, который и привел к окончательному крушению. Основным моментом здесь является перемена, произошедшая в армии.

Как мы уже видели, залогом единства армии было то обстоятельство, что первоначально ядро войск — легионы — составлялось из римских граждан, к которым присоединялись различные иноземные войсковые части. Затем пополнение легионов постепенно стало уделом провинций, а италийцы сохранили за собой лишь преторианскую гвардию, но, пройдя здесь свой учебный стаж, они поставляли из своей среды большую часть центурионов для легионов. И легионы мирились с этим, так же как и провинции мирились вообще с господством Рима, ибо на этом господстве основывалась империя. Если уже при Тиберии во время одного восстания в Галлии однажды указывалось на то, что в своей основе римский плебс стал уже невоинственным и что сила римского войска покоилась на непражданах¹, то все же государственная мысль основывалась на Риме, а политическая мысль — сильнее, чем одна только военная. Теперь же это римское господство, существовавшее в течение ряда поколений, романизовало самые провинции. И внутренняя причина господства Рима перестала существовать, сама себя упразднив. Возвышение императора Септимия Севера указывает на восстание провинций против господства италийцев. Император приказал казнить италийских центурионов, упразднил италийский преторианский корпус и заменил его избранными из легионов.

Если бы, действительно, была полностью проведена романизация провинций, то эта перемена означала бы не ослабление, но усиление

¹ Тацит, «Анналы», III, 40.

армии. Однако, наряду с этим процессом и при романизации провинций здесь все еще сохранялась некоторая доля варварства и национальной обособленности, что влекло за собой ослабление единства армии, а также и то, что при переворотах иллирийцы или африканцы, восточные или западные народы, обнаруживали себя в качестве таковых, заставляя считаться с собою, стремясь к власти, и тем самым не давали возможности установить длительный и прочный порядок.

Тот факт, что многие императоры, быстро следуя один за другим, часто менялись на троне, стал с этого времени указывать на болезненное состояние армии, на лихорадку с высокой температурой, которая в короткий срок подкашивает силы человека, бывшего совсем недавно здоровым. Легионы сознавали свое право избирать императора, ставя при этом свои условия. Главной задачей римских государственных деятелей было после каждого потрясения — и несмотря на него — поддерживать дисциплину и снова ее восстанавливать. Это было возможно лишь в том случае, если между отдельными восстаниями были более или менее длительные промежутки, во время которых сильная рука твердой власти заставляла признавать свой авторитет и с собой считаться. Этого постоянно удавалось достигать в течение первых двух столетий. Но теперь наступило такое время, когда толчок следовал за толчком. Солдаты потеряли чувство того, что они зависят от императора, а императоры стали зависеть от солдат. Непрерывная смена провозглашений и убийств императоров, постоянная гражданская война и переход от одного правителя к другому разрушили тот цемент, который скреплял до этого времени твердое здание римской армии — дисциплину, которая составляла боевую ценность этих легионов. Императоры, пытавшиеся удержать и вновь восстановить дисциплину, — Пертинако, Постумий, Аврелиан, Проб, — были именно вследствие этого убиты.

Но гражданская война, в связи с внезапно развившимся естественным процессом, влекла за собой и хозяйственную катастрофу, которая вовлекла в свой водоворот римское военное дело и в конце концов поглотила его. Существенным элементом всякой высокой культурной жизни является благородный металл, который, будучи отчеканен в форме монеты, приводит в движение хозяйственные силы социального организма. Античная культура и римское государство были бы так же немислимы при отсутствии большого количества золота и серебра, как и при отсутствии большого количества железа. В частности, содержать большое постоянное войско можно было лишь на базе денежного хозяйства. Налоги, собиравшиеся с населения внутренних провинций, давали возможность держать на границах легионы, которые со всех сторон охраняли государство от варваров. Но в III столетии стал ощущаться недостаток в благородных металлах. Источники нам прямо не указывают на то, каким образом это произошло. Во все эпохи замечается довольно значительная убыль в драгоценном металле вследствие стирания и полировки, а также вследствие того, что металл теряется, прячется и погибает во время пожаров и кораблекрушений. Плиний же сообщает нам, что очень много золота и серебра ушло в Индию и в Китай, с которыми поддерживалась значительная, но почти совершенно пассивная торговля, что подтверждается и монетами, которые даже в наши дни были най-

дены в этих странах. Уже Тиберий жаловался на то¹, что римляне отдавали свои деньги чужим народам за драгоценные камни, а при Веспасиане ввоз с Востока равнялся не менее чем 100 млн. сестерций (22 млн. марок) в год. Таким образом, за два столетия, протекших от Августа до Септимия Севера, около 4 млрд. марок благородного металла могло утечь из Римской империи в Индию и в Восточную Азию². В китайских хрониках написано, что в Небесную империю прибыл посол от императора Ан-Туна. Может быть, это был римский купец, живший при Антонине Пии.

Много благородного металла ушло, не вернувшись обратно, в варварские страны, в особенности в Германию, в качестве жалованья, а вскоре затем и в качестве дани. И мы имеем много указаний на то, что все эти убытки не были возмещены, так как известные до того времени и разрабатывавшиеся горные рудники, находившиеся на берегах Средиземного моря, оказались уже исчерпанными для тогдашней техники. Да и в наше время нельзя было бы обслужить всю торговлю при помощи наличного запаса металла, если бы не научились увеличивать металлические запасы посредством различных форм кредитных средств, бумажных денег, банкнот, векселей и чеков. И все же, несмотря на это, мы оказались бы в затруднении, если бы не обнаружили совершенно неожиданно новые большие золотые разработки в Южной Африке (я говорю о времени до 1914 г.).

Все еще нерешенным остается вопрос о том, могли ли римляне с чисто технической точки зрения изобрести современные средства обращения, которые заменяют наличные деньги? Действительно, карфагеняне пользовались некоторое время кожаными деньгами, а у римлян существовали некоторые начатки банковского дела с платежными учреждениями и переводными и чековыми операциями, которые при Адриане были поставлены под государственный контроль³.

Но для того чтобы применить в широком масштабе такие средства и такую организацию,—чтобы обеспечить оплату кредитных знаков и предупредить их подделку,—нужны были такие технические предпосылки, которые еще не существовали в древности и которые потребовали столетий для своего создания. Но, не говоря уже о технических предпосылках, в эту эпоху отсутствовала еще более важная и необходимая политическая предпосылка возможности существования годных для употребления кредитных денег; эта предпосылка заключалась в наличии прочных, внушающих доверие политических условий. Между тем, римляне утратили их как раз в тот момент, когда они более всего в них нуждались. Борьба императоров за власть, которая в то же время была борьбой за жизнь, поглотила все силы и потребовала максимального напряжения внимания. И в эту эпоху не знали иного средства, кроме постоянной порчи монеты. При Августе серебряный денарий чеканился из чистого се-

¹ Тацит, «Анналы», III, 53.

² Nissen, «Der Verkehr zwischen China und dem Römischen Reich», «Bonner Jahrbücher», Bd. 95.

³ Mitteis в своем исследовании об античном банковском деле, основанном на изучении папирусов («Zeitschrift für Rechtsgeschichte. Rom. Abt.», Bd. 19) устанавливает, что как раз следы жиро-операций, которые в данном случае были бы особенно показательны, чрезвычайно слабы.

ребра, при Нероне лигатура в нем составляла от 5 до 10%, при Траяне — 15%, при Марке Аврелии — 25%, при Севере, около 200 г., — 50%, при Галлиене, 60 лет спустя, антонин, заменивший денарий, содержал всего лишь 5% серебра¹. Денарий, стоивший на немецкие деньги при Августе 87 пфеннигов (около 3 руб. 75 коп. по курсу 1936 г.—Р е д.), при Диоклетиане упал до $1\frac{4}{5}$ пфеннига. Чеканка золотой монеты уже при Марке Аврелии стала испытывать затруднения, при Каракалле монеты были уменьшены, а затем выплавка стала настолько неравномерной, что золото совершенно потеряло характер монеты и стало приниматься лишь по весу². Все владельческие и правовые отношения, которые основывались на деньгах, были опрокинуты и, сами собой упразднившись, рассеялись и исчезли. Нужда в деньгах сменявших друг друга императоров, раз вступивших на наклонную плоскость, стала все сильнее и сильнее давить на население³. Налоги, взимаемые по древним установлениям и распоряжениям, уже не приносили больше дохода. Гелиогабал однажды потребовал, чтобы налоги платились золотом, но золота не было в достаточном количестве⁴. Его преемник Александр Север понизил налоги на $\frac{1}{3}$ их прежнего размера, для того чтобы получить возможность хотя бы что-нибудь взыскать с населения⁵. Максимин Тракс конфисковал все доходы и фонды, пожертвованные в пользу общественных игр, украшения общественных мест и дары, посвященные храмам, сделанные не только из золота и серебра, но даже из бронзы, чтобы все это перечекивать на монету⁶. Аврелиан сделал попытку упорядочить денежную систему и предпринял для этой цели ряд таких насильственных мероприятий, которые вызвали в Риме настоящее крупное восстание. Но ни он, ни его преемники не были в состоянии разрешить эту задачу.

О состоянии римской монетной системы можно было даже в наши дни получать ясное представление всякий раз, когда случай давал возможность обнаружить некогда скрытый клад. В таких кладах находили часто целыми тысячами биллоновые и разменные монеты, которые почти совсем не имеют никакой цены. В шкатулках римских граждан уже совсем отсутствует серебро и золото, которые можно было бы припрятывать. Но клады, найденные на германской почве,

¹ Согласно В. Pick, «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», Bd. 5, 918, 2 Auflage.

² Mommsen, «Römisches Münzwesen», S. 755, 777.

³ Как показывает одна надпись, найденная в Африке, была сделана попытка сократить количество войск и выплачиваемого им жалованья. См. Domaszewski, «Rheinisches Museum», 58, 383. Мамеа сократил как число, так и жалованье принципалов, но само собой разумеется, что это не могло дать какие-либо результаты. Ведь слишком сильна была потребность в солдатах и в их доброй воле, как на границах, так и внутри государства.

⁴ Хотя вес золотых монет и был сокращен, однако, их лигатура не подверглась таким изменениям, как лигатура серебряных монет. Отсюда можно также сделать вывод, что золото в качестве монеты уже почти не обращалось; в противном случае, конечно, не преминули бы обратиться к изменению лигатуры, как к очень удобному средству. Источники указывают нам на недостаток золота. См. «Vita Aureliani», 46, cit. Mommsen, «Geschichte des römischen Münzwesens», S. 832.

⁵ Согласно буквальному смыслу гл. 39 «Script. Hist. Aug. Vita Alexandri», налог был уменьшен до $\frac{1}{30}$. Но предложенные Родбертусом исправление и истолкование этого места, согласно которым здесь идет речь об $\frac{1}{30}$ оценочной стоимости, в то время как раньше требовалась $\frac{1}{10}$, обладают по меньшей мере тем преимуществом, что создают нечто объективно возможное и вероятное.

⁶ Seeck, «Preuss. Jahrb.», 56, 279.

состоят из хороших старых монет. Варвары умели отличать настоящие деньги от иллюзорных и требовали в качестве жалованья или дани нечто реальное.

Валютная катастрофа привела цветущую хозяйственную жизнь Римской мировой империи в состояние застоя. В артериях этого гигантского тела иссякла кровь, и они высохли. В течение III столетия денежное хозяйство почти совсем отмерло, и культурный мир снова соскользнул в сферу натурального хозяйства. Но мы неправильно поняли бы эти явления, если бы сочли, что натуральное и денежное хозяйства абсолютно противоположны. Этого на самом деле нет. Даже в высшей степени развитом денежном хозяйстве сохраняются некоторые остатки и элементы натурального хозяйства, но то натуральное хозяйство, к которому соскользнула хозяйственная жизнь культурного мира в III столетии, застряв в этом состоянии, как это обычно признается, на целых 11—12 веков, никогда не знало полного отсутствия наличных денег и их употребления. Дело идет лишь о настолько резком проявлении одного и ослаблении другого элементов, что мы имеем право просто а priori (по преимуществу) употреблять термины «денежное и натуральное хозяйство».

Мы легче поймем произошедшее в III столетии возвращение культурного мира из сферы денежного хозяйства в область натурального хозяйства, если уясним себе, каких колоссальных запасов благородного металла требовал хозяйственный организм Римской империи для того, чтобы нормально функционировать. Почти вся армия была расположена вдоль границ. Лишь очень незначительная доля тех налогов, которые собирались в провинциях, тратилась внутри этих провинций. Часть этих денег отправлялась в Рим и иногда на довольно долгое время превращалась в сокровища, большая же часть этих денег отправлялась в полевые лагеря и распределялась в качестве жалованья между солдатами. Эти деньги могли лишь постепенно возвращаться в провинции в виде уплаты за товары и поставки. При торговых операциях платежи производились наличным серебром и золотом. Солдаты также требовали, чтобы им платили жалованье наличным серебром или золотом, а императоры собирали эти благородные металлы в своей казне в Риме или раздавали его плебсу, чтобы он сохранял спокойствие. Ежегодное жалованье, выплачиваемое армии (за исключением снабжения и вещественных затрат), достигало при Августе приблизительно 50 млн. денариев. А в Анкирской надписи (*Momumentum Ancyranum*) Август хвалится тем, что роздал гражданам в общей сложности 919 800 000 сестерций (254 950 000 денариев — приблизительно 25 млн. марок). Государственные денежные транспорты, шедшие из таких провинций, в которых не было гарнизонов, как, например, из Аквитании, Сицилии, Греции, должны были непрерывно идти на Рейн, на Дунай, в Рим, а торговцы, удовлетворявшие потребности солдат, двора и римских граждан, снова переправляли эти деньги обратно. Но при медленности этого транспорта и денежных оборотов даже самый маленький городок и даже самая последняя деревня, которые должны были платить свои налоги, принуждены были иметь значительные запасы наличных денег, для того чтобы вся эта система могла бесперебойно функционировать.

В III столетии этот запас стал настолько малым, что вся система рухнула. И то самое средство, при помощи которого было несколько улучшено положение, — кажущееся увеличение денежного оборота, до-

стигнутое благодаря ухудшению качества монеты,—должно было повлечь за собой окончательный кризис, так как непрочность и неопределенность мерила ценности нарушили правильное функционирование административного аппарата и парализовали торговлю. Еще до того, как начались настоящие вторжения варваров, римские подданные во второй половине II столетия,—как это ясно показывают клады, найденные уже в наши дни,—стали зарывать свои наличные деньги в землю, пряча их от сборщиков налогов.

После того как Диоклетиан (284—305 гг.), благодаря своему крупному государственному таланту, сумел на некоторое время снова установить прочный порядок, он, напрягая все силы, стал пытаться упорядочить также валютную и хозяйственную системы. Он попытался на основании закона фиксировать совершенно исчезнувшее равновесие между деньгами и товарами, издав необычайный закон, регулирующий цены; этот закон, высеченный на камне, должен был быть выставлен во всех городах государства, благодаря чему текст этого закона в многочисленных обломках в своей большей части сохранился до нашего времени. Но смертная казнь, грозившая за нарушение этого закона, не смогла преодолеть естественный закон экономики. Специальные исследования должны здесь разъяснить еще много отдельных деталей, нашей же задачей в данном случае является лишь установить факт перехода к натуральному хозяйству.

Государство, видя невозможность взимать налоги наличными деньгами, все больше и больше расширяло систему поставок натурой, которая с давних времен существовала наряду с налогами. Группы ремесленников были превращены в твердые, наследственные и замкнутые корпорации, которые должны были выполнять общественные работы. Пекаря пекли хлеб, корабельщики перевозили зерно, горнорабочие шурфовали, крестьяне поставляли подводы, городские советы организовывали общественные игры и топили бани. Чиновники получали в качестве содержания из общественных магазинов определенными порциями и порциями зерно, скот, соль, масло, одежды, а наличными лишь карманные деньги.

Какое влияние оказала эта перемена на организацию армии?

Первый след этого пути, ведущего к упадку, я нахожу уже в эпоху царствования того императора, который вступил на престол в качестве вождя провинций, восставших против господства италиков, — императора Септимия Севера (193—211 гг.). О нем сообщают, что он увеличил порцию выдаваемого солдатам зерна и разрешил им жить с их женами. Правда, это было понято как доказательство благосклонности и послабления, но все же этот император был настолько опытным и способным солдатом и государственным деятелем, что, конечно, не сделал бы такой чреватой последствиями и роковой уступки, если бы не был вынужден к этому очень серьезными и вескими причинами. Но эти причины нам станут ясными, если мы рассмотрим указанные два постановления не изолированно, а в их внутренней связи. Император, при котором лигатура серебряного денария достигла 50%, правда, повысил жалованье солдатам при своем вступлении на престол, но он вряд ли был в состоянии регулярно уплачивать солдатам жалованье деньгами. Поэтому он увеличил выдачи натурой и дал возможность использовать эти более крупные порции, разрешив пользоваться ими вместе с семьями.

С этим вполне согласуется недавно найденная надпись, относящаяся ко времени царствования названного императора, в которой один солдат называет себя арендатором легионной пашни¹. А наряду с этим мы уже знаем² о постановлении Александра Севера, что пашни, предоставленные пограничным солдатам, должны передаваться их наследникам лишь в том случае, если они снова становятся солдатами. Вследствие этого легионеры, которые прежде строго держались все вместе в лагерях и крепостях, которые жили здесь, подчиняясь строгой дисциплине, и даже по закону не могли иметь жену, стали теперь жить,—как это, впрочем, уже задолго перед тем стало совершившимся фактом в египетских легионах³,—вне лагеря, в разбросанных повсюду собственных хижинах, со своими женами и детьми, могли возделывать свои поля и принуждены были лишь на некоторое время собираться вместе для прохождения военной службы. И хотя этот процесс задерживался в своем развитии при Северах, все же при следующем поколении он окончательно оформился.

Так разрушилось самое существо римского легиона.

Человек, который являлся наиболее характерным для римского военного дела типом,—центурион—исчезает из надписей в конце III столетия. В более поздних сводах законов он уже является нам в качестве должностного лица, служащего в конторе. К тому же самому времени исчезают таможенные и налоговые чиновники и, как мы уже видели выше, оба эти факта самым тесным образом связаны между собой⁴.

Название легиона сохраняется еще в течение долгого времени. В государственном справочнике, относящемся к началу V столетия, в «Расписании должностей» («Notitia dignitatum») насчитывается около 175 легионов, в то время как при Септимии Севере их было 33, но уже как показывает это число (175), легионы стали теперь небольшими войсковыми частями совсем другого рода. Все еще, как и при прежних императорах, солдаты для легионов по закону набирались, а на самом деле вербовались, причем часто даже в насильственном порядке. Народные массы, находившиеся в распоряжении правительства, были гораздо многочисленнее, чем во времена Августа, но зато уже исчезла та военная организация, которая из рекрут формировала солдат, создавая высокую ценность древних легионов.

¹ 1 октября 205 г. солдат 14-го легиона Г. Юлий Катуллин посвятил Юпитеру алтарь и назвал себя на нем «арендатором Фурианской пашни на пятилетие Нерт. Келерина, первой роты». Надпись эта найдена на Шифлерхофе, южнее Петронелла, близ Вены, и была издана в Ver. d. Ver. Carnuntum in Wien f. d. Jahrg. 1899, S. 141. Таким образом, солдатам регулярно сдавались в аренду легионные пашни (pratum). В различных надписях этой же эпохи равным образом упоминаются и «пятилетия» (Iustra). Уже издатель этой надписи Берманн вполне справедливо сопоставил ее с разрешением, которое дал Септимий Север солдатам жить со своими женами.

В военном дипломе № 90 С. I. L. III. Suppl. S. 2001, очевидно, говорится о сыновьях «крепостных воинов» (milites castellani, — сохранились лишь буквы... lani). Так как здесь идет речь лишь о сыновьях центурионов и декурионов, то Зеек («Paulys Realenzyklopedie, s. v. castellum») решил, что вопрос касается особого разряда солдат, стоящих над нижними чинами. Я же думаю, что эту надпись следует скорее связать с вышеприведенными фактами. Моммсен относит эту надпись к периоду от 216 до 247 гг.

² «Vita», cap. 58.

³ Premerstein, «Klio», III, 28.

⁴ Бидерманн в частности устанавливает, что уже в середине III столетия исчезла древнеегипетская административная система, («Studien z. Aeg. Verwaltungsgesch.» 1913).

Но древнеримская армия, как мы знаем, состояла из двух существенно отличавшихся друг от друга составных частей: наряду с более или менее романизованными легионами и постепенно подвергавшимися романизации провинциальными вспомогательными войсками¹, ценность которых основывалась на их воинской дисциплине, стояли самые настоящие варвары, боевая ценность которых покоилась на их ненадломленной дикости. Эта боевая ценность не пострадала ни от падения авторитета верховного полководца, ни от новых хозяйственных условий.

В предыдущих разделах настоящего труда (том I, стр. 399) мы уже ставили вопрос о том, в каком отношении стояла боевая ценность римского легиона к равному по своей численности отряду храбрых варваров, и пришли к выводу, что римская дисциплина не могла достигнуть такой ценности, которая намного превышала бы ценность отряда варваров. Перевес римского войска объяснялся скорее стратегическими, нежели тактическими причинами, заключааясь в том, что римские полководцы могли в решительный момент ввести в бой силы, превосходившие силы противника. Если так обстояло дело с лучше всего дисциплинированными римскими легионами, то совершенно ясно, что недостаточно дисциплинированные римские войска не могли устоять против варваров. Из рассказов Цезаря известно,—и он сам постоянно на это указывает,—каково было различие между старыми и новыми войсками. Хотя римские легионеры, ведшие со времен Северов крестьянскую жизнь и созывавшиеся лишь для несения военной службы, еще дрались, но это уже не были легионы Германика или Траяна. Также и до Цезаря римские легионы созывались лишь во время военных действий и для ведения войны, но и они очень часто не стояли на достаточной высоте и закалились лишь во время войны. При первом столкновении с кимврами и тевтонами им пришлось довольно плохо, и мы знаем, с каким страхом они выступили против Ариовиста. Лишь став в полном смысле этого слова профессиональными солдатами, они полностью смогли развить свою боеспособность. И теперь, когда легионы потеряли это свойство и снова приобрели характер, скорее, милиции, боевой перевес перешел не только на сторону неприятеля, но даже внутри самой императорской армии перешел на сторону варварских вспомогательных войск; и это выражалось тем сильнее, чем больше усиливали свою исконную боевую ценность варвары благодаря прохождению римской службы и снабжению римским предохранительным и боевым оружием. Лучшую часть армии составляли теперь не легионы, но варвары, а, следовательно, германцы, и этот поток со все возрастающей быстротой затоплял римское военное дело. В тех гражданских междоусобных войнах, которые теперь вели между собой римские императоры, тот из них имел наибольшие шансы на победу, на

¹ Принято думать, что уже во II в. было увеличено количество вспомогательных войск, так как они в то время были гораздо менее требовательны, чем легионы. Ведь они при Августе получали лишь третью часть жалованья легионов и не претендовали на получение крупных пожалований. В то же время легионы постоянно повышали свои требования, а их боеспособность падала. См. Domaszewski, «Heidelberg Jahrb.» 10, 226. Это предположение противоречит высказанному мною мнению, что вспомогательные войска могли быть превращены в легионы. И то и другое предположения являются лишь возможными предположениями; весьма вероятно, что оба эти явления существовали одно наряду с другим.

захват престола и на спасение собственной жизни, кто имел возможность повести в бой наибольшее количество варваров. Соперничая между собой, императоры принимали к себе на службу не только отдельных волонтеров, вступавших в римскую армию, но и целые племена, вооружали их и вели к самому сердцу Римской империи, чтобы с их помощью завоевать или защитить престол.

В IV столетии римское войско представляло уже совсем иную картину, чем та, которая нами была изображена выше. Кажется, что Диоклетиан ввел в систему ту перемену, которая явилась в результате естественного влияния изменившихся условий, Константин же закончил оформление нового порядка. Войска стали теперь делиться на четыре отдельные группы: императорскую, свитскую, ложносвитскую и пограничную. Прежняя преторианская лейб-гвардия, вербовавшаяся из италиков, была упразднена уже Септимием Севером и заменена новым гвардейским корпусом, который составлялся посредством выделения солдат из легионов, так что назначение в эту гвардию было для выслужившегося солдата из провинциального легиона своего рода наградой. Эта реформа не имела собственно военного значения; она важна для нас лишь как симптом исчезновения древнего господствующего положения Рима и Италии над провинциями¹. И если все же мы находим войска, которые носят название «императорских», то это, в сущности, не что иное, как прежняя гвардия. Но наряду с этими войсками теперь имеются и особые войска, называемые «свитскими» (*comitatenses*), так как они обычно сопровождают императора. Это является некоторой новостью постольку, поскольку в прежние времена, как мы это знаем, почти вся армия стояла на границах. Но императоры теперь уже не могли обойтись без более или менее крупных войсковых частей, которые должны были постоянно находиться в их непосредственном распоряжении, несмотря даже на то, что вследствие этого им приходилось обнажать границы и открывать их вторжениям варваров, в чем их и упрекают писатели той эпохи.

Правда, на границах еще находились войска, которые носили название «пограничных» (*limitanei*) или «береговых» (*riparienses*). Но защита, предоставляемая этими войсками, была весьма незначительна, так как это были не дисциплинированные корпуса, а пограничники в том смысле, как мы понимаем это слово теперь, т. е. крестьяне, на которых была возложена в качестве военной службы охрана границ. Мы уже видели, что от такой милиции можно было ожидать лишь весьма малого сопротивления германским воинам, настолько слабого, что именно этот факт объясняет нам существование четвертого вида войск — «ложносвитских» (*pseudocomitatenses*). Так как одни пограничные войска могли оказать некоторую помощь лишь против простых разбойничьих шаяк, то все же наряду с ними на границах располагались и некоторые организованные войсковые части, которым и было дано это причудливое название, так как их организация походила на организацию свитских войск, хотя они, собственно говоря, и не сопровождали императора.

Распадение армии на эти разнообразные войсковые части объясняет нам факт необычайного увеличения числа легионов. Прежние легионы были упразднены. Часть их личного состава была поселена

¹ Я думаю, что не следует придавать какое-либо значение военным забавам Каракаллы, о которых пишут Дион (77, 7) и Геродиан (IV, 8, 2, 3).

в области прежнего гарнизона в качестве пограничников, другая часть еще представляла некоторое единство в качестве «ложносвитских» войск, и, наконец, остальные перешли в состав свитских, или императорских, войск. Все составные части и новые образования продолжали носить название легионов. Но все же для обозначения войсковой части, в особенности же части действующей армии или полевых войск, преобладающим теперь является просто некоторое «число» (*numerus*), которое теперь чаще всего употребляется.

Если бы мы могли себе представить, что в частях императорских (*palatini*), свитских (*comitatenses*) и ложносвитских (*pseudocomitatenses*) войск или хотя бы лишь в двух первых названных группах продолжала еще существовать древняя римская дисциплина, и если бы, кроме того, было правильно, что общая численность римского войска сильно возросла, то эта новая форма, в которую облеклось римское войско, ни в каком случае не показалась бы нам ухудшением прежней. И мы могли бы тогда сказать, что прежние преторианцы продолжали существовать в императорских войсках, а легионы — в свитских, и что эта профессиональная армия и эти полевые войска были дополнены и усилены пограничной милицией — пограничниками.

Но это было не так. Общая численность римской армии, — в особенности если мы примем во внимание лишь половинную боевую ценность пограничных войск, — скорее уменьшилась, нежели увеличилась. А в тех войсковых частях, которые все еще попрежнему назывались «легионами», мы уже должны теперь видеть не хорошо обученных и строго дисциплинированных легионеров классической эпохи, но более или менее обученные и пригодные отряды наемников. И чем больше имеется варваров в этих отрядах, тем они лучше. Рассказывают, что император Проб распределил между легионами 16 000 германских рекрут, для того чтобы можно было воспользоваться варварской силой, но чтобы в то же время не было слишком заметно, с чьей помощью одерживались победы. Природная сила должна была заменить то, чего уже не могла достигнуть дисциплина.

Одновременно с римской дисциплиной исчез и тот своеобразный римский тип сражения, который состоял в искусном соединении метания дротика с применением в бою меча и который возможен лишь при наличии очень хорошо обученных войск¹.

Теперь также и римляне стали применять в качестве боевого порядка германское каррэ и построение в форме «кабаньей головы».

Варварские вспомогательные войска, которые до этого времени в римской военной системе являлись лишь вспомогательными частями, образуют теперь самый костяк и основную силу римской армии. И в иерархическом порядке мы можем констатировать влияние того же самого принципа: чем большим варваром является тот или иной воин, тем он знатнее, и чем больше он римлянин, тем менее значительное положение он занимает. Посвятительные надписи показы-

¹ Петерсен (Petersen, «Die Markus-Säule. Textband», S. 44) пишет о легионерах, изображенных на рельефе: «Их щит редко воспроизводит форму правильного *scutum*, а их копье никогда не изображено в виде *pilum*». И далее, на стр. 45: «Иногда на них надеты штаны». Я не знаю, каким образом следует объяснить эти поразительные явления. Так же и в рассказе Тацита о войнах с германцами мне бросилось в глаза то обстоятельство, что здесь очень слабо отмечены своеобразные черты римского боя при помощи дротиков.

вают нам, как, начиная с III столетия, выдвигается на первый план культ Марса и Геркулеса и как перед ними отступают назад капитолийские божества. А Геркулес — это германский бог Донар¹.

Римские полководцы до этого времени были сенаторами. Еще в течение всего I столетия существования Римской империи мы можем наблюдать своеобразное явление, что, в то время как армия в самом строгом смысле этого слова состояла из профессиональных солдат, именно высшие командиры и полководцы носили характер чиновников. А теперь уже исчезает легат, облеченный званием сенатора, командиром же легиона становится простой солдат, и очень скоро это уже не римлянин, но германец². В результате этого теперь уже резко отделяются друг от друга, — чего совершенно не было раньше, — гражданское чиновничество от командного состава, вплоть до самых высших должностей. До настоящего времени этот факт обычно понимался как преднамеренный шахматный ход, предпринятый императором Галлиеном против сената. Но это истолкование должно быть перевернуто. Здесь дело идет не столько о сужении функций сената, сколько о сохранении гражданской государственной власти в руках римлян, так как командование войсками начинает соскальзывать в руки варваров.

Войско римского государства становится германским. Римские легионы в конце концов не были побеждены и преодолены варварами, но были заменены сыновьями Севера. Этот факт в его правильном понимании открывает нам врата, через которые мы вступаем в ту эпоху мировой истории, которую принято называть «эпохой переселения народов».

ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Господствующая теория не дает единого и ясного ответа на вопрос относительно социально-экономического состояния Римской империи. С одной стороны, нельзя не признать того, что перед нами имеется налицо факт высокого расцвета, о чем до сих пор красноречиво свидетельствуют развалины грандиозных сооружений той эпохи. С другой же стороны, в древних источниках мы находим такое большое количество жалоб на упадок, что не имеем никакой возможности пройти мимо этого факта, а потому принуждены говорить о все прогрессирующем упадке, и именно — о постоянном уменьшении численности населения. Впервые некоторый порядок в этот путанный вопрос внесли И. Юнг в своем труде «Венские исследования», I, 185 (1879 г.) и Макс Вебер в своей «Римской аграрной истории» (1891 г.). Однако, мне кажется, что ни эти исследователи, ни Эд. Мейер в своей чрезвычайно ценной статье «Экономическое развитие древнего мира» («*Conrads Jahrbücher für Nationalökonomie*», 1895) все же не внесли достаточных коррективов в существующую традицию.

Если мы внимательнее рассмотрим в те отдельные места источников, которые якобы свидетельствуют об уменьшении численности населения, то увидим, что речь идет либо о местных, либо о временных явлениях, которые ничего не доказывают ни по отношению ко всей империи, ни по отношению к целым столетиям.

¹ V. Domaszewski, «Die Religion des römischen Heeres», S. 49. Ср. также стр. 113.

² Банг (Bang, «Die Germanen im römischen Dienst», S. 91) считает возможным допустить, что высшим военным постом, который был достигнут германцем в доконстантиновскую эпоху, была должность *dux*'а в *Pannonia Secunda Savia*, которую занимал один батавец. Остальные указания Банг отвергает. Но уже Риттерлинг выступил против этой точки зрения Банга и указал, что Банг зашел в этом отношении слишком далеко («D. Lit. Zeit.», 1908, 17).

Если Плиний сообщает (*Hist. nat.* VII, 45), что Август ввиду недостатка молодежи призывного возраста однажды был принужден приступить к набору рабов, или если в «Жизнеописании Марка Аврелия» (*Scr. hist. Aug.*, cap. 11) однажды встречается фраза «истощенная Испания», то из этого все же нельзя сделать никакого вывода. Здесь дело идет лишь о случайных, мгновенных затруднениях; так, например, Испания при Марке Аврелии была очень сильно изнурена чумой¹.

Если Домициан в 92 г. запретил превращать пашни в виноградники и даже приказал уничтожить в провинциях половину всех виноградников (*Светоний*, 7), то это ни в коем случае не указывает на неблагоприятное положение, а скорее на пышное развитие народного, в частности сельского, хозяйства. Поводом к этому послужило повышение в этот момент цен на зерно. Причиной этого явления, очевидно, считали возраставшее потребление вина, затем — то предпочтение, которое сельские хозяева отдавали виноделию, и, наконец, привычку полагаться на внешний ввоз зерна. Этим и объясняется появление закона о роскоши, который должен был вернуть народ обратно к более простым и древним способам обработки почвы и обычаям, связанным с потреблением.

Уже Страбон (VI, гл. 1) пишет про Сицилию, что она находилась в состоянии упадка и была бедна людьми. Подобные слова слышим мы и о Греции, в особенности об Эвбее, а также о ближайших окрестностях самого Рима, о некогда столь плодородном древнем Лациуме. Но все это лишь очень небольшие кусочки всей громадной Римской империи, причем все эти явления объясняются особыми причинами. И в некоторых других местах можно было наблюдать, что земледелие в непосредственной близости большого города приходило в упадок и заменялось пастбищным хозяйством. Так, например, Эд. Мейер приводит в качестве аналогии этому факту современный Дублин. Сицилия очень сильно пострадала вследствие тех войн, которые там велись с рабами. Однако, ее вывоз в Рим был все еще весьма значительным. Также и Италия в последнем столетии существования республики вступила в полосу упадка вследствие развития крупного пастбищного хозяйства и применения рабского труда в сельском хозяйстве, но она снова наполнилась семьями колоннов в I столетии н. э.² Если мы примем во внимание, что за 300—400 лет громадная область расселения кельтов — Верхняя Италия, Франция, Британия, прирейнские и придунайские страны, далее, Испания и Северная Африка, наконец, даже Дакия — подверглась процессу латинизации, исходившему из Средней Италии, то необходимо будет признать, что это стало возможным лишь благодаря очень сильной эмиграции. На границах латинизация проводилась легионами, но во внутренних областях было либо очень мало войск, либо их не было совсем. Немногие чиновники, посылавшиеся из Рима в провинции, конечно, не могут идти в счет. Сельская колонизация имела место лишь в некоторых местах. Латинизация проводилась, главным образом, благодаря процессу расселения в городах торговцев и ремесленников. В течение длительного промежутка времени решающим моментом, определявшим язык страны, являлись не сельские местности, а города. Города меняют свой языковой характер сравнительно легко и скоро. Процесс изменения продвигается сверху вниз. Даже не очень большого количества иммигрантов, занимавших господствующее положение благодаря своим капиталам и уровню своей техники, было достаточно для того, чтобы, опираясь на политическое господство, лишить данную область ее национального облика. Этим объясняется стремительно быстрый охват всего Запада латинским племенем. В то время как низовой поток непрерывно нес пролетарские элементы из Италии и со всего

¹ Никаких выводов нельзя делать также и из надписи *C. I. L. X*, 1401, которая не запрещает уходить в провинцию, но запрещает лишь продавать здания на слом с целью наживы.

² Hartmann, «*Archäolog. epigraph. Mitteil. a. Oestr.*», 1894, Heft 2. S. 126.

мира в Рим, верхний поток шел из Рима в провинции. Из этого стечения человеческих масс в Риме постоянно поднималось и возвышалось столько деятельных и энергичных личностей, что они были в состоянии продвигаться в провинции в качестве носителей высшей столичной культуры. Там они укреплялись и процветали, создавая новые формы хозяйственной и общественной жизни и проводя одновременно с этим процесс романизации. Случайно сохранились сведения о том, что в Кадиксе и в Падуе в I столетии жило не менее 500 римских всадников (крупных торговцев)¹. Ближайшими предками тех людей, которые представляли и распространяли римскую культуру в Галлии, в Испании и в Африке, были, возможно, те люди, которые пришли в Рим именно из этих провинций и были в Риме латинизованы. Факт этого двойного потока в движении населения не может быть подвергнут какому-либо сомнению, так как, с одной стороны, необходимо признать наличие сильной эмиграции в провинцию, ибо без этого нельзя объяснить быструю латинизацию, а с другой, — эта убыль в населении постоянно пополнялась. Рим оставался очень большим городом и даже продолжал расти.

Таким образом, хотя и происходила непрерывная и очень сильная миграция, хотя и происходили непрерывные сдвиги в народонаселении, тем не менее вполне естественно, что при этом могли иметь место и некоторые болезненные трения, так что некоторые области вследствие более или менее случайных причин могли хиреть, в то время как все государство в целом возрастало.

В особенности же из часто повторявшихся жалоб на недостаток в сельскохозяйственных рабочих и на покинутые пашни (*agri deserti*) ни в коем случае нельзя делать вывод относительно уменьшения общего количества населения. Даже из современной Англии, находящейся в полном расцвете своих хозяйственных сил, раздаются жалобы на то, что большие пространства земли остаются необработанными вследствие недостатка в рабочей силе, да и в германской Остэльбии подчас целая половина округа лежала бы под паром, если бы мы не доставляли с востока ежегодно по несколько сотен тысяч иноземных рабочих. И при этом общее количество населения Германии ежегодно увеличивалось (до 1914 г.) не менее, чем на 900 000 человек. Таким образом, хотя уже Плиний жаловался на недостаток в сельскохозяйственной рабочей силе; хотя уже со времен Адриана делались попытки насильственно удержать колонов в поместьях; хотя Пертинакс (193 г.) разрешил занимать необработанные земли и даже покровительствовал этому²; хотя мы уже со времен Аврелиана (270—275 гг.) находим законодательные предписания относительно невозделанных пашен³, — но все это ни в коем случае не доказывает факта уменьшения народонаселения.

Не сохранилось ни одной цифры, которая могла бы послужить отправной точкой для установления изменения количества народонаселения в императорскую эпоху. Однако, следующие соображения и свидетельства указывают на то, что на самом деле в эту эпоху мы имеем дело не с убылью, а со значительным приростом населения.

Аппиан (в середине II в.) указывает на высокий хозяйственный расцвет (Введение, гл. 7). Это свидетельство подтверждается крупными сооружениями, в частно-

¹ Страбон, III, 5, 3; IV, 5, 7.

² Геродиан, II, 4, 6.

³ Hartmann, «Archäol. epigr. Mitteil. a. Oestr.», 1894. N. 2, S. 131.

Последняя сохранившаяся до нашего времени цифра ценза явилась результатом переписи, бывшей при Клавдии в 48 г. н. э. (Тацит, «Анналы», XI, 25). Переписи подверглись римские граждане, которых оказалось 5 984 072 (число душ). Ценз 16 г. н. э. дал 4 937 000. Однако, из роста этой цифры нельзя сделать никаких выводов, так как неизвестно, в какой мере он явился результатом увеличения населения и в какой мере результатом расширения права гражданства. Ср. Ed. Meyer, «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», Artikel «Bevölkerungswesen».

сти постройкой дорог, которые местами сохранились до нашего времени, а местами засвидетельствованы многочисленными надписями¹. Постройка дорог на протяжении целых столетий является надежнейшим масштабом для измерения возрастающего народного благосостояния. Никакие причуды монархов, никакие военные соображения не могут постоянно объяснять столь значительные затраты труда, если только за ними не скрываются мощные хозяйственные силы и крупные цели².

С другой стороны, растущее благосостояние плохо вяжется с фактом продолжительного уменьшения количества народонаселения. Правда, современная Франция дает нам теперь пример возрастающего благосостояния при наличии почти застойного народонаселения. Но если бы население Римской империи за 265 лет, протекших от Августа до Александра Севера, увеличивалось так же медленно, как население Франции в XIX в., то все же оно почти утроилось бы, так как Франция все-таки имела средний прирост населения в 0,04%, а это удваивает количество населения за 174 года. Изменение численности населения в древности и в Средние века отличается от аналогичного факта, имеющего место в современных условиях, более резкими колебаниями. Даже в мирные времена римской императорской эпохи мы очень часто слышим жалобы на чуму и голод, которые уже почти не играют никакой роли в истории народонаселения современного культурного мира. Поэтому прирост населения в древности, несмотря на хозяйственное благосостояние, был, конечно, в общем не очень значительным; но ведь достаточно даже почти незаметного, ежегодного минимума для того, чтобы удвоить население в течение двух с половиной столетий, так что, не впадая в преувеличение, мы можем свободно допустить рост населения с 60 до 90 млн.³

Я не считаю невозможным то, что прирост населения был даже значительно выше. Но если бы этот прирост был вдвое больше, то все же он был бы крайне незначительным по сравнению со способностью народов к размножению. В этом мы находим объяснение законов Августа и позднейших императоров, поощрявших браки и рождение детей. Мы могли бы совершенно не касаться этого законодательства, так как оно распространялось лишь на определенный весьма незначительный слой населения, в особенности же на население города Рима⁴. Но даже несмотря на это мы признали факт столь незначительного прироста населения, что даже современники подчас почти не могли установить, имелся ли вообще налицо какой-либо прирост, а императорское законодательство относительно браков совершенно не заставляет нас делать тот вывод, что в эту эпоху мы имеем дело с абсолютной неизменностью в численности населения или даже с некоторым его

¹ В труде Шиллера, посвященном истории римской императорской эпохи, собраны строительные надписи, расположенные в порядке царствования императоров. См. II, 378 (Север); II, 753, 772, 798, 871, III, 151.

² Макс Вебер в своей прекрасной «Римской аграрной истории» указал, что римские мощные дороги имели лишь военное, но не хозяйственное значение. Однако, это правильно лишь по сравнению с современным массовым транспортом. Конечно, со времени установления безопасности внутри страны не построили бы для одних лишь военных целей столько дорог. А в «Panegyг.», VIII, мы читаем: «Даже военная дорога плоха и неровна и затрудняет доставку фруктов, так же как и пересылку государственных посылок». Цит. у Jak. Burckhardt, «Constantin», Dritt. Abschn., S 85. Так же и В. Вебер (Wilh. Weber, «Untersuchungen zur Geschichte d. Kaisers Hadrian», 1907, S. 204) пишет относительно проведения дорог императором Адрианом в Африке, что представляется очень мало вероятным; назначение этих дорог — служить военным целям; скорее их целью было «распределить трансконтинентальную торговлю на возможно большее количество дорог, охватить ими всю страну, и таким образом помочь развитию не одного лишь города».

³ Белох исчисляет на основании аналогии с населением XVI столетия эту цифру приблизительно в 100 млн. («Zeitschrift f. Sozial. Wissenschaft», Bd. II, 1899, S. 619).

⁴ Речь Августа у Диона Кассия, кн. 56, гл. 7.

уменьшением. Это законодательство указывает лишь, что в среде римского гражданства или даже в некоторых его слоях фактический прирост населения значительно отставал от возможного естественного прироста. Иногда могло быть налицо даже фактическое уменьшение населения. Но ни жалобы писателей, ни это законодательство не мешают нам принять факт наличия общего, хотя и несколько медленного, прироста населения.

Значительная населенность Африки положительным образом засвидетельствована Геродианом (III, 4). Что касается ряда больших городов, в особенности Карфагена, то этот факт и сам по себе ясен, но Геродиан к этому добавляет (к 237 г.) и ясно указывает, что здесь и помимо того было много земледельцев. Хейстерберг («Возникновение колоната», 1876, стр. 113 и след.) многочисленными примерами еще более подкрепил достоверность этого свидетельства.

Указание относительно Испании я нахожу у Юнга («Романские области Римской империи», т. I, стр. 43). Автор здесь цитирует одного географа начала IV столетия, который пишет об Испании: «Обширная и богатая страна с многочисленным населением, искусным во всякого рода делах. Она вывозит масло и сало, окорока и рабочий скот во все страны света, обладает всякого рода благами и во всем выделяется».

Собственно говоря, никто не сомневался в том, что Галлия и Верхняя Италия в императорскую эпоху находились в состоянии расцвета и обладали многочисленным населением. Литература указывает на наличие здесь такой развитой городской культуры, которая совершенно немыслима при отсутствии общего экономического расцвета.

Диодор (I, 31) исчисляет население Египта в 7 млн., а Иосиф (II, 385) в $7\frac{1}{2}$, причем в эту цифру не входит Александрия; вместе же с этим городом численность населения Египта была не менее 8 млн. Если это исчисление и может быть подвергнуто некоторым сомнениям и если, — в чем я охотно соглашаюсь с Зееком («История упадка древнего мира», I, 505), — такие цифры, которые лишь в редких случаях могут быть сопоставлены, никогда не дадут возможности сделать твердые выводы, то и здесь мы имеем свидетельство, подтверждающее — по крайней мере с некоторой долей вероятности — не уменьшение, а как раз наоборот — очень значительный рост населения. Недавно найденные папирусы подтверждают тот факт, что Египет в императорскую эпоху был очень густо населен. Эрман и Кребс («Из папирусов королевских музеев», 1899, стр. 232) устанавливают, исходя из текста одной налоговой декларации, что при Марке Аврелии в одной десятой части одного дома в Фаюме жило не менее 27 человек. Такая уплотненность населения указывает на его многочисленность.

Все сказанное в основном касается лишь той эпохи, которая предшествовала крупному хозяйственному перевороту, произошедшему в середине III столетия. Вопрос о том, как отразилось возвращение к натуральному хозяйству на изменении численности населения, должен остаться пока еще нерешенным. Во всяком случае этот факт не мог ни особенно быстро, ни особенно сильно отразиться на количестве населения, изменив его в ту или иную сторону.

ЗАПАС БЛАГОРОДНОГО МЕТАЛЛА

Было бы весьма ценно, если бы какое-нибудь специальное исследование более близко затронуло вопрос об исчезновении благородного металла в III столетии. В имеющейся у нас основоположной работе, в монументальной «Истории римского монетного дела» Моммсена, эта сторона вопроса несколько отодвинута на задний

план перед вопросом о порче монеты¹. Я хотел бы здесь по крайней мере сопоставить те факты, которые меня привели к тому убеждению, что на самом деле — и может быть даже в первую очередь — мы имеем здесь дело со слишком незначительным наличием благородного металла, так как горные рудники уже больше ничего не давали или по крайней мере добыча в них очень сильно уменьшилась.

Не подлежит никакому сомнению, что добыча в древних рудниках в некоторые эпохи была очень значительной. В Греции в V в. находилось в обращении очень много металлической монеты. Античные писатели постоянно указывают на то, как богата была Испания серебром. Поэт Стаций в I столетии среди доходов фиска указывает в первую очередь на то, «что Иберия извлекает из золотоносных рудников и что блесит в далматских горах». Но нельзя с одинаковой легкостью добывать металл в одном и том же месте в течение нескольких столетий подряд. Относительно аттических серебряных рудников в Лаврионе мы имеем прямые указания, что уже в течение последних столетий до н. э. добыча в них сильно упала и что, наконец они были совершенно истощены². Мы не имеем ни одного прямого свидетельства относительно Испании. Мне кажется, что указание Марквардта («Римский государственный строй», II, 260) на то, что добыча в испанских серебряных рудниках уже в начале I столетия стала незначительной, основывается на ошибке, по крайней мере мне не удалось найти этому подтверждений в источниках, а к тому же все говорит в пользу того, что Испания еще в первых двух столетиях н. э. обладала очень богатыми рудниками. Кроме того, римлянам удалось, как, например, в Дакии, открыть еще совершенно новые залежи железа, которые стали энергично разрабатываться. Но после этого наступил такой упадок, что Хиршфельд в своих «Исследованиях в области истории римского государственного строя» (стр. 91, 2-е издание, под заглавием «Императорские правительственные чиновники вплоть до эпохи Диоклетиана», стр. 180) смог сказать, что ни в какой другой области он не был столь стремительным и столь резко бросающимся в глаза. В «Расписании должностей» («Notitia dignitatum») находится лишь один единственный императорский горный чиновник, компетенция которого, кстати сказать, распространялась на Иллирию. В «Кодексе Феодосия» («Codex Theodosianus») имеется лишь несколько релких постановлений относительно горного дела и поступлений из горных рудников (кн. 10, разд. 19). В Испании при вестготах мы уже больше ничего не слышим о добыче серебра, разве только на Тахо мы находим следы промывания золота³. Только мавры снова возобновили эти промыслы в Испании⁴, но, может быть, уже в других местах.

Такие факты, как тот, что при Макрине (217 г.) существовали золотые и серебряные статуи (Дион, 78, 12); что при смерти Галлиена в 268 г. в государственной кассе было столько денег, что каждому солдату можно было тотчас же выдать 20 золотых монет (Scr. Hist. Aug. Gallieni, 15), и тому подобные указания, конечно, не являются доказательством соответствия денежного запаса хозяйственным потребностям огромной империи.

Хотя при Константине вновь установился некоторый порядок в монетном деле, но это, с одной стороны, объясняется тем, что хозяйственная жизнь приняла тогда несколько иные формы, которые уже не требовали такого количества наличных средств, с другой же стороны, тем, что конфискация храмовых сокровищ фактически увеличила запас средств денежного обращения.

¹ Kurt Fitzler, «Steinbrüche und Bergwerke in Ägypten», 1910.

² Эти указания собраны в «Paulys Real-Enzyklopedie» под словами «Metalla» и «Montes».

³ Lembke, «Geschichte von Spanien», I, 235.

⁴ Schäfer, «Geschichte von Spanien», II, 241.

ИЗМЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ СНАБЖЕНИЯ ПРИ СЕПТИМИИ СЕВЕРЕ

Геродиан сообщает про Севера (III, 8, 4): «Он прибавил солдатам величайшие деньги и, кроме того, многое другое им разрешил, чего они раньше не имели, ибо он им первый увеличил продовольственное снабжение, позволил им носить золотые кольца и жить вместе со своими женами, — словно он считал, что от всего этого зависят воинская дисциплина и готовность солдат идти на врага и что следует хорошо обеспечить чужие интересы».

Слово «σιτηρέσιον» (содержание, продовольствие) может вообще обозначать «жалованье», а все это место можно было бы понять таким образом, что под «величайшими деньгами» (χρήματα πλεονα) подразумевались наградные и под σιτηρέσιον жалованье, которое было повышено с 375 до 500 денариев¹. Это повышение жалованья, которое затем при Каракалле было доведено до 750 денариев (чему при Августе равнялось жалованье преторианцев), мне кажется, вообще противоречит моему представлению о все возраставшем недостатке в деньгах и о все расширявшемся вследствие этого натуральном снабжении. Но что касается данного места, то буквальный смысл этих слов Геродиана, а именно — что Север «первый» увеличил «жалованье» (σιτηρέσιον), исключает возможность понимать это слово как жалованье, которое со времен Августа неоднократно повышалось и даже незадолго до этого было увеличено Коммодом. Поэтому я считаю возможным утверждать, что в слово «деньги» (χρήματα) включен момент повышения жалованья. Кроме того, факт, что Северы раздали солдатам очень большие наличные деньги, совершенно не исключает того, что в хозяйственном организме уже ощущался в них острый недостаток, так как Северу удалось собрать необходимые средства лишь при помощи самых крайних насильственных мер — при помощи массовых осуждений и конфискаций — и даже, помимо этого, прибегая к дальнейшей порче монеты, которая, — чего ни на одну минуту нельзя забывать, — при этом императоре достигла 50%.

Домашевский, конечно, вполне справедливо отмечает², что бесчисленные клады, относящиеся ко второй половине II столетия, являются не результатом варварских нашествий, но, скорее, следствием варварского управления внутри страны. «Люди скрывали от налоговых взысканий свои наличные деньги в недрах земли».

Мое понимание подтверждается Дионом (78, 34), который пишет, что Макрин не только дает солдатам деньги, но и снова обещает им вернуть то полное «продовольствие» (τροφή), которое он от них отнял. Макрин, конечно, не мог лишить солдат того продовольствия, которое было необходимо для каждого отдельного воина. Очевидно, здесь идет речь о несколько большем семейном пайке. Так как этот император вообще выступил с реформами, направленными против постановлений Северов, то, комбинируя, мы можем предположить, что он сделал попытку снова упразднить всю эту систему, связанную с усиленным продовольственным снабжением и с разрешением семейной жизни, — систему, которая оказалась губительной.

Об Александре Севере в другом месте ясно говорится, что «он внимательно следил за продовольственным снабжением солдат» («Vita», cap. 15).

Ученые держатся различных взглядов относительно значения слов «жить со своими женами», как и вообще по вопросу об истории римского солдатского брака. Я присоединился к тому взгляду, который мне показался наиболее вероятным. Особенно странным все же остается для меня то обстоятельство, что вплоть до Адриана не-граждане по негражданскому праву имели право вступать в законный брак, следовательно, были поставлены в лучшие условия, чем «граждане» (cives). В Египте легионы пользовались особыми привилегиями. Ср. Г. Вильманс, «Римский лагерный

¹ Domaszewski, S. 230 ff.

² «Rhein. Mus.», 58, 230, Anm.

город в Африке» (G. Willmans, «Die römische Lagerstadt Africas, in den Comm. in hon. Th. Mommsens», 1877, S. 200 ff.) и П. Мейер, «Римский конкубинат» (P. Meyer, «Das röm. Konkubinats», 1895. P. Meyer, «Zeitschr. d. Savigny-Stift», Bd. 18, S. 44 ff).

ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЙСКА И НАБОРЫ СОЛДАТ В IV СТОЛЕТИИ

Предание гласит, что Диоклетиан очень сильно — в четыре раза — увеличил римские военные силы. Лактанций больше всего упрекает императора за усиление военных повинностей, а Моммсен на основе «Расписания должностей» («Notitia dignitatum») и всех других свидетельств счел возможным приблизительно определить общую численность римских военных сил в IV столетии в 500 000—600 000 человек, принимая в то же время для начала III столетия, когда Север увеличил число легионов до 33, численность римской армии равной приблизительно 300 000 воинов¹.

Однако, те основания, на которых покоится это исчисление, как указал уже сам Моммсен, весьма недостоверны. Ведь неизвестно, какие войсковые части из числа поименованных в «Расписании» существовали на самом деле и какова была численность отдельных частей, а также в какой мере вообще можно считать солдатами «пограничников» (limitanei). Собственно говоря, мне нигде не удалось найти безусловно надежную цифру, из которой можно было бы исходить и при помощи которой можно было бы проверять другие цифры. Те цифры, при помощи которых историки определяют численность войск, участвовавших в сражениях при Константине, не имеют никакой цены. Само собой разумеется, что следует считать совершенно невозможной задачу прокормить большие армии при наличии и при помощи натурального хозяйства. Об этом в нашем дальнейшем изложении нам придется еще часто говорить. А ход военных действий и та единственная цифра численности войска, которою мы располагаем и которую мы можем считать более или менее надежным свидетельством, говорят за то, что армии этого времени были не только не больше, но даже значительно меньше, чем в эпоху Августа и Тиберия.

Сохранился документ, текст которого гласит о передаче императором Валерианом крупного командования позднему императору Аврелиану². В этом послании перечисляются все войсковые части, входящие в состав данной армии. Это—1 легион, 4 германских князя, 300 итирейских лучников, 600 армян, 150 арабов, 200 сарацин, 400 воинов из Месопотамии, 800 тяжеловооруженных всадников. То обстоятельство, что здесь отдельно перечисляются столь незначительные войсковые единицы, ясно указывает, что вся эта армия в целом была очень небольшой.

Но важнее всего то, что Юлиан в 357 г. при Страсбурге якобы с войском, не превышавшим 13 000 человек, победил алеманнов, которые со своей стороны, как гласит источник³, насчитывали 35 000 человек. Эти цифры, очевидно, восходят к собственным записям Юлиана. В следующей части мы будем говорить об этом сражении, здесь же мы лишь коснемся вопроса о численности этих армий. 35 000 алеманнов мы попросту вычеркнем, — это ведь не что иное, как обычное преувеличение. Вообще ни в одну эпоху 13 000 римлян не могли победить в открытом бою 35 000 германцев, а в IV в. это, конечно, было совершенно невозможно. Вопрос лишь в том, можем ли мы по отношению к римскому войску признать правильной цифру 13 000. Ведь полководцы слишком часто бывают склонны преуменьшать свои силы, для того чтобы окружить большим блеском славу собственной победы. Поэтому нам кажется, что 13 000 солдат — слишком мало для полководца, который располагал не только всеми силами Галлии, но, вероятно, также Британии и Испании, причем

¹ «Das römische Heerwesen seit Diokletian», «Hermes», Bd. 24, S. 257.

² «Vita Aureliani», cap. II. Правда, историческое значение этого свидетельства незначительно, так как это произведение является подложным.

³ Аммиан, XVI, 19.

это сражение было не случайной стычкой, но задолго предусмотренным и подготовленным решительным сражением, для которого Юлиан имел возможность без всяких помех мобилизовать все бывшие в его распоряжении силы.

Но если мы даже примем, что Юлиан на самом деле излишне преуменьшил численность своей армии, то все же, исходя из этой цифры, мы должны прийти к тому выводу, что в больших решающих сражениях уже больше не участвовали в эту эпоху армии в 60 000 или в 80 000 человек. Ведь даже при искажениях и увеличениях все же приходится считаться с господствующими представлениями, и Юлиан не мог указать такие цифры, абсурдность которых была бы тотчас же замечена его современниками. Если бы он захотел похвастаться, то мог бы еще более повысить численность армии алеманнов. Не считая эту цифру в 13 000 человек безусловно достоверной, я все же полагаю, что это указание дает нам возможность говорить, что армии в этом сражении и тем самым в течение всей этой эпохи были менее многочисленны, чем во время войн Цезаря и Германика.

Против этого можно было бы возразить, что здесь мы имеем дело с исключительным случаем, так как Юлиан самым серьезным образом жаловался, что его двоюродный брат император Констанций, побуждаемый завистью и недоверием сознательно препятствовал ему и потому оказал лишь слабую поддержку. Но мы можем сомневаться¹ в справедливости и основательности этих жалоб, да, кроме того, если бы они даже были справедливы, то все же Юлиан сам имел в своем собственном распоряжении богатейшие и прекраснейшие [провинции; наконец, Аммиан указывает (16, 11), что соперник Юлиана в Реции Барбацион имел не более 25 000 человек.

Малочисленность войск в эту эпоху подтверждается также и тем соображением, что в противном случае германцы никак не смогли бы получить в римской армии такого преобладающего значения. Хотя у нас и нет никакого масштаба для измерения общей численности германских племен в эту эпоху, все же сотни тысяч не могли находиться тогда на римской службе. Если же, несмотря на это, они все более и более задавали тон римскому войску, то общий состав этого войска не мог быть очень многочисленным.

Я не решаюсь указывать определенные цифры, но, мне кажется, я могу с уверенностью утверждать, что не может быть и речи об увеличении Диоклетианом состава армии по сравнению с ее численностью в эпоху Северов, причем, конечно даже цифра в 300 000 человек для начала III столетия является слишком высокой. Очень сомнительно, чтобы увеличение числа легионов Септимием Севером вообще указывало на усиление войска, и во всяком случае нельзя согласиться с тем, что было увеличено также и число вспомогательных войск. Мне кажется вполне возможным, что армия Северов, состоявшая в общей сложности из 33 легионов, все же насчитывала не более 250 000 человек.

Снижая принятую цифру численности войска, мы должны вместе с тем изменить и наше представление о характере рекрутских наборов в IV столетии. Вегетий и юридические источники сообщают нам, что поссессоры (землевладельцы) были обязаны поставлять рекрут. Это является совершенно новым порядком, происхождение которого, как говорит Моммсен (стр. 246), покрыто мраком неизвестности и который был поставлен в связь с недавно возникшим установлением колоната, с крепостной зависимостью крестьян. Эта поставка рекрут была охарактеризована как реальная повинность, связанная с крупным землевладением.

Если я не ошибаюсь, новая форма рекрутских наборов явилась непосредственным выражением новых общественно-политических условий, будучи в то же время

¹ Шиллер (H. Schiller, «Geschichte der Römischen Kaiserzeit, Bd. III, S. 303 ff.) очень правильно высказался по этому вопросу. Но, идя по этому пути скепсиса, можно было бы сделать еще один шаг вперед.

простым продолжением более древнего установления. Более древнее римское местное управление основывалось на городах, которым были подчинены сельские поселения. Крупные помещики жили в городе и управляли оттуда своими поместьями, наезжая в свои имения лишь для того, чтобы там иногда наблюдать за порядком или проводить там свой летний отдых. Но постепенно эти крупные землевладельцы переселились из городов в свои поместья, политически выделив их из сферы ведения городских общин и развив их в самостоятельные административные округа. Управление этими округами оказалось в руках помещиков¹. Натуральное хозяйство ускорило этот процесс: хозяин, которому его имение уже не давало достаточного количества арендной платы, сам отправлялся в свое поместье, чтобы непосредственно на месте потреблять доходы своих угодий.

Более древний способ производства рекрутских наборов состоял, по нашему мнению, в том, что производившие их чиновники с местными властями (общинными властями — *Comunalobligkeiten*) выбирали из большого наличного контингента людей лишь некоторых. Местными властями являлись тогда поссессоры. Города почти совсем теряют свое значение в отношении рекрутских наборов, так как государственная власть принуждала горожан, начиная от декурионов, нести уже иные и сверх того наследственные принудительные повинности. Число поставлявшихся рекрут было минимально. Мы не можем его по-настоящему исчислить, так как не имеем исходных точек ни для определения количества населения, ни для установления численности войска. Только ради наглядности мы могли бы, примерно, предположить, что население всей империи равнялось 90 млн. и что оно должно было поставить армию, численность которой, не считая вспомогательных войск варваров, должна была достигать 150 000 человек. При 20-летнем сроке службы для пополнения этой армии было достаточно $\frac{1}{15}$ ее части, или 10 000 человек, в качестве ежегодного контингента. Но если даже мы примем цифру в 20 000 или 30 000 человек и сопоставим с тем, что в 1900 г. Германская империя при 54-млн. населении имела возможность ежегодно выставлять и призывать 250 000 годных к военной службе молодых людей, то мы приходим к выводу, что поставка рекрут как таковая не могла быть слишком обременительной повинностью для римского населения даже в том случае, если мы значительно изменим количество населения и величину армии, понизив первое число и повысив второе.

Рекрутский набор, при котором из 30 или 40 пригодных к службе молодых людей всегда берется лишь один, разумеется, гораздо ближе к вербовке, чем к призыву. Поэтому нужно целиком присоединиться к словам Моммсена: «Если уже в додиоклетриановскую эпоху пополнение войска регулярно обеспечивалось путем добровольного вступления в его ряды, то это же явление в более поздние эпохи сказывалось в более сильной степени»².

Императорские указы, сохранившиеся в Кодексе Феодосия (кн. 7, разд. 13 о рекрутах; разд. 20 о ветеранах; разд. 22 о сыновьях военнослужащих и ветеранов), хотя все еще до некоторой степени нуждаются в полном и надежном истолковании, не оставляют, однако, никакого сомнения в том, что поставка рекрут землевладельцами на практике скорее приобретала характер вербовки. Сыновья ветеранов считались потомственно военнообязанными, других же старались привлечь на военную службу, предоставляя налоговые льготы им самим, а также их родителям и женам. Если бы вербовка производилась регулярно каждый год, то она могла бы проходить без всяких затруднений, однако, она, что, впрочем, вполне понятно, производилась очень неравномерно, порывисто, после больших потерь или при больших

¹ Хейстерберг (Heisterberg, «Entstehung des Kolonats», S. 116) приводит интересную цитату из Фронтинна (Frontin de contr. agr.), которая характеризует развертывавшуюся при этом борьбу между городом и деревней.

² «Hermes», Bd. 24, S. 245.